

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

И.П. СЕМЧЕНКОВ

СУЩНОСТЬ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА

Авторское исследование

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Полиграфычъ, 2025

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА
И.П. СЕМЧЕНКОВ

**СУЩНОСТЬ
СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА**
Авторское исследование

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
(с изменениями и дополнениями)

Калининград, 2025

УДК 340.12

ББК 67.00

С 30

Рецензенты:

Яцеленко Б.В. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, «ФГБОУ ВО Всероссийский государственный университет юстиции (Российская Правовая Академия Министерства юстиции России)»;

Сердобинцев К.С. – доктор философских наук, доцент, «ФГОУ ВПО КФ Санкт-Петербургского Университета МВД России».

УДК 340.12

ББК 67.00

С 30 Семченков, Игорь Павлович.

Философия права. Сущность субъективного права: авторское исследование /Игорь Павлович Семченков – 2-е изд., с доп. и изм. – Калининград: ООО «РА Полиграфычъ», 2025. –176 с.: портр. – Библиография в подстрочных примечаниях. – 50 экз. – ISBN 978-5-6052942-9-0: Б.ц. – Текст непосредственный.

Ключевые слова: субъективное право, права человека, нравственное, нравственность

Keywords: subjective law, human rights, moral, morality

В работе впервые предлагается надлежащее решение многовековой проблемы неоднозначного понимания сущности субъективного права и связанной с ней проблемы понимания нравственного и нравственности.

Исследование представляет интерес для всех, кому важны правильное понимание сущности прав субъекта, нравственный и духовный прогресс народов России и всего человечества.

Автор выражает искреннюю благодарность первому читателю работы, к.ю.н., полковнику внутр. службы в отставке А.А. Коровину, представителю издателя И.В. Мишуткиной, а также рецензентам, подтвердившим значимость результатов исследования.

9 785605 294290

ISBN 978-5-6052942-9-0

© И.П. СЕМЧЕНКОВ, 2025

© ООО «РА Полиграфычъ», 2025

ОТЗЫВ О КНИГЕ

В отличие от многих иных трудов по философии права и теории права настоящая работа очень предметна. Мощная аналитика, здравая логика, точность мысли направлены на установление сущности не только субъективного права, но также содержания нравственного и нравственности.

В исследовании прослеживается неприятие неопределённости, многозначности, компромиссов и полутонов, которые часто встречаются в других работах. В этом смысле авторский стиль напоминает технику художников-экспрессионистов, которые пишут картины без переходов цвета и чётко очерчивают элементы своих композиций. Анализ и отображение действительности характеризуются реалистичностью, честностью выводов и оценок.

Автор не скрывает хода своих мыслей, детально поясняет логику размышлений. Благодаря этому у читателя невольно возникает чувство сопричастности к исследованию, сопереживание за успешность его результатов, появляется интерес к тому, чем оно завершится.

Тщательно продуманный ракурс исследования, оригинальная манера преподнесения материала, широкая эрудиция автора делают работу содержательной и интересной. Читается она с удовольствием.

И, главное, – в ней, в отличие от других научных трудов, впервые в истории человечества даются действительно понятные и, как представляется, правильные ответы на вопросы о сущности субъективного права, содержании нравственного и нравственности!

Добро пожаловать в школу правильного мышления!

С уважением, А.А. Коровин

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА I. НЕПРИЕМЛЕМОСТЬ ИМЕЮЩИХСЯ ПОНЯТИЙ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА	
Прембула к первой главе и всему исследованию в целом.....	9
§ 1.1. Понятия прав субъекта с открытой подменой тезиса.....	10
1.1.1. Подмена тезиса при конструировании понятий.....	10
1.1.2. Права субъекта как права.....	12
§ 1.2. Понятия прав субъекта со скрытой подменой тезиса.....	14
1.2.1. Права субъекта как достояние.....	15
1.2.2. Права субъекта как мера поведения.....	16
1.2.3. Права субъекта как ценностный ориентир.....	18
§ 1.3. Понятия прав субъекта с неопределённостью смысла.....	20
1.3.1. Права субъекта как социальный феномен.....	21
1.3.2. Права субъекта как явление.....	22
1.3.3. Права субъекта как ценность.....	23
1.3.4. Права субъекта как отражение действительности.....	23
§ 1.4. Неправильные по смыслу понятия прав субъекта.....	25
1.4.1. Права субъекта как вид поведения.....	25
1.4.2. Права субъекта как удовлетворение потребностей.....	26
1.4.3. Права субъекта как возможность.....	28
1.4.4. Права субъекта как правоспособность.....	38
1.4.5. Права субъекта как способность проявлять своё «правовое я».....	39
1.4.6. Права субъекта как притязания.....	41
§ 1.5. Итоги первой главы и пояснения.....	46
ГЛАВА II. СУЩНОСТЬ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА. ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ ПОНИМАНИЯ	
§ 2.1. Проблема в понимании сущности субъективного права и методологические аспекты её решения.....	49
§ 2.2. Установление сущности субъективного права и апробация его нового понятия.....	51

ГЛАВА III. ПРАВА СУБЪЕКТА КАК ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДОЛЖНОМ В КОНТЕКСТЕ СЛОЖИВШИХСЯ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ

§ 3.1. Субъективное право как представление о должном и традиционно выделяемые функции прав субъекта.....	61
§ 3.2. Объяснение независимости естественного субъективного права от закона и государства.....	63
§ 3.3. Субъективное право как представление о должном и другие точки зрения о его сущности.....	65
§ 3.4. Субъективное право как представление о должном и нормативные акты.....	72
§ 3.5. Оценка соответствия полученного понятия прав субъекта другим философско-правовым воззрениям.....	74
§ 3.6. Естественное субъективное право и объективное (юридическое) право субъекта.....	75
§ 3.7. Совместное упоминание прав и свобод как однородных категорий является неверным.....	80
§ 3.8. Переосмысление значимости прав человека и иных прав субъекта.....	88

ГЛАВА IV. НЕДОСТАТОК ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА КАК НРАВСТВЕННОГО ПРАВИЛА

§ 4.1. Два аргумента в пользу постановки вопроса о содержании нравственного.....	93
§ 4.2. Научное представление о нравственном.....	96
§ 4.3. Представление о нравственном в энциклопедиях и словарях.....	98

ГЛАВА V. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СЛЕДУЮЩЕГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 5.1. Методологические аспекты следующего этапа исследования.....	103
§ 5.2. Опорный контекст очередного этапа исследования.....	106

ГЛАВА VI. СУЩНОСТЬ МОРАЛЬНОГО ПРАВА СУБЪЕКТА. ВТОРОЙ УРОВЕНЬ ПОНИМАНИЯ

§ 6.1. Материалистический подход к пониманию сущности морального субъективного права и вопрос о содержании нравственного.....	114
---	-----

§ 6.2. Недостаточность материалистического подхода к пониманию природы этического субъективного права.....	119
ГЛАВА VII. СУЩНОСТЬ ЭТИЧЕСКОГО ПРАВА СУБЪЕКТА. ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ ПОНИМАНИЯ	
§ 7.1. Теистический подход к пониманию сущности этического субъективного права.....	122
§ 7.2. Общие итоги установления сущности субъективного права.....	126
ГЛАВА VIII. УЧЕНИЕ О НРАВСТВЕННОМ И МОРАЛЬНОЕ СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО	
§ 8.1. О духовном и материалистическом в жизни и науке.....	130
§ 8.2. Нравственное и нравственность. Нравственное и его соотношение с моральным субъективным правом.....	139
§ 8.3. Решение проблемы в понимании нравственного и светский вариант его интерпретации	147
§ 8.4. Массовое сознание и его выбор правил, основанных на христианской морали.....	152
§ 8.5. Особенности преподавания нравственного, нравственности и субъективного права.....	155
ВЫСКАЗЫВАНИЯ ИЗВЕСТНЫХ УЧЁНЫХ О НАУКЕ И РЕЛИГИИ	158
ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	160
ИСТИННЫЕ ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	167
ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ	
Люди и Боги. Фантастический рассказ.....	170
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ.....	175

ВВЕДЕНИЕ

В современную эпоху развитых информационных технологий практически невозможно найти кого-либо, кто не был бы наслышан о непреходящей значимости и непревзойдённой ценности для каждого из нас того, что принято именовать правами человека.

Под лозунгом защиты прав человека свершаются революции, развязываются и ведутся войны, вооружённые конфликты, устанавливаются экономические и иные санкции, применяются меры уголовной репрессии.

Факты нарушения прав человека, всегда вызывающие большой общественный резонанс, не сходят с телевизионных экранов и таблоидов прессы, занимают приоритетное место в повестках работы различных, в том числе и международных, комитетов, советов, комиссий.

Но что представляют собой права человека как непреходящая ценность, под лозунгом «защиты» которой приносятся кровавые жертвы, проводятся притеснения и осуществляется иная деятельность?

Научные изыскания, имеющие своей целью получение ответа на этот, казалось бы, несложный вопрос, показывают, что приемлемого понятия прав человека и иных прав субъекта к настоящему времени не сформулировано. Все предлагаемые философией права и теорией права понятия субъективного права являются либо построенными на подмене тезиса, либо действительности не соответствующими, либо настолько неконкретными, что уяснить из них сущность субъективного права невозможно.

В данных обстоятельствах задача установления сущности субъективного права вне всяких сомнений представляется актуальной и требующей по возможности безотлагательного решения.

Объектом исследования является совокупность философско-правовых воззрений о сущности прав человека и иных субъективных прав.

Предметом исследования избрана проблема, имеющая место в понимании сущности прав человека и иных прав субъекта.

Основная цель – получение ответа на вопрос о том, что представляют собой права человека и иные права субъекта.

Научная новизна работы определяется целым рядом обстоятельств, к числу которых, в частности, относятся: постановка вопроса о познавательной-объяснительной продуктивности и определяемой ею приемлемости существующих понятий субъективного права; новый подход к пониманию сути проблемы, присутствующей в понимании субъективного права; лингвистический метод её решения; использование достижений философии мотивации, объясняющих изначальные факторы активности человека.

Помимо этого обладают новизной результаты установления сущности субъективного права, которые представлены на трех уровнях глубины их понимания: обыденном, традиционно сложившемся в рамках теории и философии права; материалистическом и теистическом.

Данные результаты, несмотря на их общетеоретический философско-правовой характер, позволили внести ряд предложений по усовершенствованию содержания международных конвенций, национальных конституций, и иных нормативных актов, в которых упоминается защита прав человека.

Логика исследования, направленного на установление сущности прав субъекта, предопределила необходимость решения вопроса о содержании нравственного и нравственности, переосмысления основного предназначения этики. Результаты решения этой задачи также обладают научной новизной.

Теоретическая и практическая значимость полученных в ходе исследования результатов определяется тем, что они открывают новый этап эволюции философско-правового учения о правах человека и субъективном праве в целом, закладывают теоретические основы для совершенствования отечественного и международного законодательства, а также способствуют духовному возрождению народов России и всего человечества.

ГЛАВА I. НЕПРИЕМЛЕМОСТЬ ИМЕЮЩИХСЯ ПОНЯТИЙ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА

Не истины трудны, а расчистка человеческого сознания от всего осевшего шла, от принятия неестественного за естественное, непонятного за понятное.

А.И. Герцен

Преамбула к первой главе и всему исследованию в целом

Основная цель предлагаемого вниманию читателя исследования заключается в решении проблемы неоднозначного понимания сущности субъективного права.

В настоящей главе представлен первый этап этого исследования. В ней проводится анализ и оценка степени разработанности имеющихся философско-правовых воззрений о сущности прав человека и иных прав субъекта.

В рамках данного анализа исследован максимально широкий по охвату перечень источников (в плане исторической ретроспективы: древние, дореволюционные, советского периода и современные; в части сравнительно-правового анализа: зарубежные и отечественные; по видам: фундаментальные труды, научные статьи, диссертации, образовательные материалы).

Все понятия прав человека и иных прав субъекта рассматриваются с точки зрения их соответствия реалиям действительности и способности дать конкретный ответ на вопрос о сущности субъективного права.

Именно эти критерии используются для оценки приемлемости того либо иного понятия прав субъекта, и такого подхода оказалось вполне достаточно.

Работа содержит довольно много новой информации, которая представлена таким образом, что предыдущее содержание является основой понимания следующего. При этом текущий материал не только основывается на предыдущем, но и содержит неоднократные ссылки на ранее полученные результаты, без которых уяснить логику исследования достаточно сложно.

Ещё одной особенностью работы является постепенное изменение терминологии, которое определяется переходами исследования на очередной более глубокий уровень осмысления рассматриваемых проблем. Понять суть данных изменений можно также только с учётом ранее изложенного материала.

Поэтому **в первый раз книгу необходимо читать только последовательно (!)**, ибо, если знакомиться с её содержанием выборочно, то многое в ней окажется непонятным.

§ 1.1. Понятия прав субъекта с открытой подменой тезиса

1.1.1. Подмена тезиса при конструировании понятий

Особенность понятий, которые построены на подмене тезиса, заключается в том, что вместо ответа на вопрос о сущности определяемой вещи¹ в них даются ответы на иные вопросы. В этом, собственно, и состоит подмена основного их тезиса, которая приводит к тому, что название и содержание такого понятия друг другу не соответствуют. Заявленное название понятия предполагает, что в нём будет дан ответ на вопрос о сущности определяемой вещи, а фактически после тире идёт речь о чём-то другом.

Подмена тезиса вольно или невольно, чаще невольно, неосознанно, используется в ситуации, когда имеется необходимость дать какое-либо понятие, а искомая сущность ускользает от взора исследователя. Вот и приходится вместо ответа на вопрос о сущности рассматриваемой вещи давать ответы на другие вопросы, то есть указывать в понятии не то, что требуется,

¹ Слово «вещь» в его философском понимании используется для обозначения всего, что обладает качественной определённой, индивидуальностью и может рассматриваться самостоятельно. – См.: Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963. С. 7.

а то, что известно, то, что может заполнить, компенсировать отсутствие ответа на заглавный вопрос понятия.

Понятия, построенные на подмене основного их тезиса, для уяснения сущности искомой вещи являются непригодными, бесполезными.

Подмена тезиса встречается в научных работах и образовательных материалах практически всех дисциплин гуманитарного цикла.

Показательным примером понятия, построенного на подмене тезиса, является одно из понятий общественных отношений, приводимых в рамках предмета «Обществознание».

Например: «Общественные отношения – отношения, возникающие между группами людей и внутри них в процессе жизнедеятельности общества»².

В этом понятии содержатся ответы одновременно на три вопроса. Между кем возникают общественные отношения? Между группами людей. В процессе чего они возникают? В процессе жизнедеятельности. Где они возникают? Внутри групп людей в обществе. Однако ответ на главный вопрос, ради которого должно быть сформулировано данное понятие, то есть ответ на вопрос о том, что представляют собой общественные отношения по своему существу, в нём отсутствует. Если убрать из этого понятия ответы на второстепенные вопросы, то в результате получится, что оно трактует **общественные отношения как отношения в обществе**³.

Совершенно очевидно, что фактический познавательный потенциал такого понятия его подлинному предназначению не соответствует, а само оно для ответа на вопрос о том, что представляют собой общественные отношения, является абсолютно бесполезным. Подобного рода понятия нужны лишь для того, чтобы «компенсировать» факт отсутствия конкретных знаний.

² «Социальные отношения»: конспект по обществознанию. – URL: <https://infourok.ru/socialnie-otnosheniya-konspekt-po-obschestvoznaniyu-3910768.html> (дата обращения: 13.09.2023).

³ В настоящей работе все слова и части слов выделены нами (*прим. авт.*).

Достаточно большое число понятий прав человека и иных субъективных прав, предлагаемых философией права и теорией права, также сформулировано с использованием подмены тезиса.

«Начало в них излагается таким образом, как будто дальше будет дан ответ на вопрос о том, что такое права ..., а на самом деле после тире следует ответ на другой вопрос, например, о том, какие это права...»⁴.

1.1.2. Права субъекта как права

Здесь приводятся понятия прав субъекта, которые построены на открытой подмене основного их тезиса. Внешним их отличительным признаком является явная, причём даже не синонимичная, а буквальная тавтология, то есть использование одного и того же слова и в названии понятия, и после тире. Наличие этой открытой тавтологии и даёт нам основание именовать такую подмену тезиса открытой.

Такие понятия субъективного права трактуют **права субъекта как права**. Что же касается их содержания, то оно, как это и «полагается» при подмене тезиса, на вопрос о сущности прав субъекта ответ не даёт, а вместо этого отвечает на вопрос о том, какими являются эти права.

Открытая подмена основного тезиса прослеживается, например, в следующих понятиях прав человека: «**Права** человека – **права**, присущие природе человека, без которых он не может существовать как полноценное человеческое существо»⁵; «**Права** человека – **это** исходные, присущие всем людям

⁴ Векленко С.В., Семченков И.П. Критический анализ прав и свобод человека в качестве объекта преступления //Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (63). С. 10.

⁵ Додонов В.Н., Панов В.П., Румянцев О.Г. Международное право. Словарь-справочник /Под общ. ред. В.Н. Трофимова. М., 1997. С. 234.

от рождения **права** независимо от того, являются они гражданами государства, в котором живут, или нет»⁶; «**Права** человека – это абсолютные, неотчуждаемые, естественные, неограничиваемые **права**, принадлежащие человеку... в силу его рождения как личности»⁷; «**Право** на жизнь – важнейшее личное **право** человека, представляющее все остальные права»⁸.

«Во всех подобного рода понятиях ответ на вопрос о том, что такое права человека, всегда один и тот же: права человека – это права»⁹. «The right is a right...»¹⁰, – указывал в данной связи профессор кембриджского университета Г. Лаутерпахт.

Таким же образом как **права** рассматриваются в различных источниках **не только права человека, но и другие разновидности субъективного права**, например: «обязательственные **права** – это права на «чужие действия», **права** требования от обязанного лица совершения определённого действия или воздержания от такового»¹¹; «Избирательное **право** в субъективном смысле – это право граждан избирать и быть избранными...»¹²; «**Субъективное публичное право** – это **право** на иск, петицию, **право** на свободу и политические **права**»¹³; «**Вещное право** – это определённое законом абсолютное **субъективное гражданское право** лица,

⁶ Баглай М.В., Лейбо Ю.И., Энтина Л.М. Конституционное право зарубежных стран. М., 2016. С. 120.

⁷ Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. М., 2014. С. 54.

⁸ Афонин М.В. Права человека: Учеб. пособ. Ярославль: ЯрГУ, 2005. С. 34.

⁹ Векленко С.В., Семченков И.П. Указ. раб. С. 10.

¹⁰ Lauterpaht H. International Law and Human Rights. L., 1950. P. 7.

¹¹ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав /КонсультантПлюс: Классика Российского Права. – URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/1/page_30.html (дата обращения: 26.01.2024).

¹² Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: учеб. пособие /Под общ. ред. М.С. Савченко. Краснодар: КубГАУ, 2015. С. 6.

¹³ What is subjective law? – URL: <https://englopedia.com/what-is-subjective-law/> (дата обращения: 09.10.2024).

предоставляющее ему возможность непосредственного господства над конкретной вещью ...»¹⁴ и так далее.

Для уяснения сущности прав человека и иных субъективных прав такие понятия ничего не дают и, соответственно, являются неприемлемыми.

Из этого, конечно, не следует, что приведённые в данных понятиях ответы на вопросы о том, какие это права, также являются неприемлемыми.

Ответы на эти второстепенные вопросы в большинстве случаев являются абсолютно верными и полностью соответствующими действительности, но в настоящем исследовании нас интересуют не эти аспекты характеристики субъективного права.

Главная цель нашего исследования состоит в получении ответа на вопрос о том, **что** представляют собой субъективные права, а не о том, какими они являются.

§ 1.2. Понятия субъективного права со скрытой подменой тезиса

В данном параграфе рассматриваются понятия прав человека, которые сформулированы с использованием завуалированной разновидности подмены тезиса. В них после тире употребляется не слово «права», а какие-либо иные слова, которые по своему предназначению должны характеризовать сущность субъективного права.

Однако сути дела это никак не меняет, поскольку эти иные слова по своему значению для ответа на вопрос о сущности прав субъекта всё равно являются непригодными, ввиду чего понятие субъективного права, сконструированное с помощью

¹⁴ *Шаблова Е.Г.* Гражданское право: учебное пособие /Е.Г. Шаблова, О.В. Живняк, Л.И. Филюшенко; под общ. ред. Е.Г. Шабловой; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2023. С. 152.

подобного рода слов, так же, как и при открытой подмене тезиса, даёт ответы не на вопрос о сущности определяемой вещи, а на какие-либо иные вопросы.

1.2.1. Права субъекта как достояние

Одним из примеров завуалированной подмены тезиса, применение которой призвано скрыть незнание сущности такой разновидности субъективного права, как права человека, является употребление слова «достояние», под которым подразумевается «то, что безраздельно принадлежит кому-н.»¹⁵.

Именно это слово использовано для пояснения сущности прав человека на официальном сайте Организации Объединённых Наций, где комментируется содержание Всеобщей декларации прав человека, принятой в 1948 году: «Что такое права человека? **Права человека являются неотъемлемым достоянием** всех людей...»¹⁶.

«На первый взгляд, такое определение кажется построенным правильно: права есть достояние. Однако, в чём смысл этого утверждения? Смысл его заключается в том, чтобы пояснить, что права человека принадлежат человеку. Но чем являются права человека по своей сути как его достояние, то есть как то, что принадлежит каждому из нас? Ответ на этот вопрос не способна дать даже такая организация, как ООН, которая может задействовать интеллектуальные ресурсы практически всей планеты»¹⁷.

Налицо очередная, пусть и завуалированная, но всё же подмена тезиса, то есть уклонение от ответа на вопрос о сущности прав человека, и вместо этого ответ на иной вопрос.

¹⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов /Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс, 2007. С. 124.

¹⁶ Права человека // Оф. сайт ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/human-rights> (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁷ Векленко С.В., Семченков И.П. Там же. С. 10.

1.2.2. Права субъекта как мера поведения

Особую разновидность завуалированной подмены тезиса представляет собой распространённое понятие прав человека, в котором вместо ответа на вопрос относительно их сущности даются ответы на два других взаимосвязанных вопроса, а именно о том, для чего они предназначены, и в качестве чего используются: «С точки зрения содержания **права** человека – **это мера** возможного поведения личности»¹⁸.

«В данном определении также применяется подмена тезиса. В начале заявлено, что права человека будут рассматриваться с точки зрения их содержания, но далее, вопреки этому, права человека рассматриваются с точки зрения их функционального предназначения и, соответственно, использования в качестве меры возможного поведения»¹⁹.

Что же касается вопроса о сущности прав человека, то на него данное понятие ответ не даёт.

Подтверждением того, что в данном понятии идёт речь только о функциональном значении прав человека, а не об их сущности, является правильное понимание меры возможного поведения.

Из всех значений слова «мера», приведённых в словаре русского языка, для словосочетания «мера возможного поведения» подходит только одно²⁰ – то, в котором мера рассматривается как «Предел в к-ром осуществляется, проявляется что-н.»²¹.

Следовательно, в данном понятии под мерой необходимо понимать пределы дозволяемого поведения. Но где проходят эти границы?

¹⁸ Чукин С.Г., Сальников В.П., Балахонский В.В. *Философия права: Учебник*. М., 2002. С. 177.

¹⁹ Векленко С.В., Семченков И.П. Указ. раб. С. 10.

²⁰ Данный вывод основан на применении лингвистического метода валентного анализа, который позволяет установить смысловую сочетаемость одних слов с другими (*прим. авт.*).

²¹ Ожегов С.И. Указ. Словарь русского языка. С. 242.

По общеизвестному образному выражению И. Канта, свобода размахивать руками заканчивается у кончика носа другого человека, то есть там, где начинается сфера действия прав других лиц.

Это означает, что пределы поведения каждого обладателя права определяются правами других лиц. Из этого, в свою очередь, следует, что **права человека используются в качестве средства** установления пределов определяемого, дозволяемого ими поведения.

Данное обстоятельство указывает на то, что в рассматриваемом понятии фактически имеется в виду лишь функциональное предназначение прав человека, и то весьма ограниченное, поскольку на самом деле эта функция прав человека является далеко не единственной.

Вызывает нарекание и способ изложения в данном понятии мысли о том, что права человека используются в качестве средства установления пределов возможного поведения. В нём эта понятная мысль изложена в настолько сокращённом виде, что её можно признать неправильной: *права человека – это мера (пределы) дозволяемого поведения.*

Совершенно очевидно, что права человека не являются пределами поведения. Они есть то, что устанавливает, определяет эти пределы. Когда уже некоторые философы права избегают от манеры сокращать понятные формулировки до такой степени, пока они не превратятся в неправду?

Имеется у этого понятия и ещё один недостаток, причём, по нашему мнению, весьма существенный. Оно предназначено для характеристики только **поведения** субъекта права и оказывается совершенно неприменимым для характеристики права на жизнь, которое является самым важным правом для каждого из нас. Жизнь человека – это его пребывание в живом состоянии, которое поведением назвать нельзя.

В качестве меры дозволяемого поведения субъективное право рассматривается не только теорией и философией права, но и отраслевыми юридическими науками. Так, в частности, отдельные представители доктрины гражданского права также

полагают, что «субъективное **право** следует рассматривать в качестве **меры** дозволенного поведения участника гражданских правоотношений»²².

Против того, что одним из видов функционального назначения субъективных прав является установление границ определяемого ими поведения, мы не возражаем и полностью с этим согласны. Однако говорить о том, что сущность субъективного права заключается в его функции, неверно. Право не является своей функцией, оно есть то, чему присущи и эта, и другие его функции.

Таким образом, понятие субъективного права как меры возможного (дозволяемого) поведения ответ на вопрос о сущности прав субъекта не даёт, ввиду чего для целей нашего исследования его надлежит признать неприемлемым.

1.2.3. Права субъекта как ценностный ориентир

Достоинство данной точки зрения заключается в том, что она относит понятие субъективного права к категориям нравственного сознания: «**Права человека – это ценностный ориентир**, позволяющий применять «человеческое измерение» не только к государству, праву, закону, законности, правовому порядку, но и к гражданскому обществу»²³.

Да, субъективное право действительно является нравственным ориентиром. Но что именно представляет собой данный ориентир, в чём заключается его сущность? Где же ответы на эти самые главные и важные вопросы? Их нет. Поэтому, а также с учетом того, что для нравственного ориентира указана

²² *Постникова К.И.* Право юридического лица на деловую репутацию как основа права юридического лица на защиту деловой репутации // В сборнике: Трибуна молодых учёных. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза, 2023. С. 149; *Суханов Е.А.* Российское гражданское право. М., Статут, 2011. Т. 1. С. 121.

²³ Права человека. Учебник для вузов. Отв. ред. член-корр. РАН, докт. юрид. наук Е.А. Лукашева. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. С. 3.

его функция нравственного критерия, позволяющего «применить человеческое измерение», и это понятие также следует отнести к разновидности тех понятий, которые построены на подмене тезиса и характеризуют лишь функциональное значение субъективного права, но не его сущность.

Таким же образом в качестве нравственного ориентира и критерия рассматривает субъективное право и известный философ древности Гуго Гроций: «Право естественное есть предписание здравого разума, коим то или иное действие ... признаётся либо морально позорным, либо морально необходимым»²⁴.

Сущность предписания здравого ума он не поясняет и ограничивается лишь указанием на его функциональное предназначение для использования в качестве нравственного ориентира и критерия, которые применяются для нравственной оценки действий человека.

В литературе и диссертационных исследованиях приводится довольно много понятий субъективного права, которые являются неприемлемыми потому, что построены с использованием завуалированной подмены тезиса.

Однако приводить здесь все эти понятия мы никакого смысла не видим. Ничего нового к пониманию вопроса о сущности субъективного права это всё равно добавить не сможет, а мы к экстенсивному увеличению объёма настоящей публикации не стремимся.

К тому же, после прочтения данного параграфа и уяснения особенности данных понятий, читатель без труда сможет их распознать и оценить самостоятельно.

Для того, чтобы убедиться в этом, попробуйте оценить приемлемость понятия, которое было предложено профессором В.В. Лазаревым: «**сущность** права, как и сущность государства, **состоит в** его социальном **назначении** – в

²⁴ Гроций Г. О праве войны и мира. Книга первая. С. 7. – URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Groziy.Kn1.pdf> (дата обращения: 28.01.2024).

регулировании общественных отношений, в организации управления обществом»²⁵.

Уверены, что с анализом и оценкой данного высказывания Вы справились успешно. Ни сущность права, ни сущность государства как средства управления жизнью общества в данном понятии не раскрываются.

Это понятие построено на подмене тезиса и вместо ответа на вопрос о сущности права и государства отвечает на вопрос об их предназначении.

Кстати, ещё одним недостатком рассматриваемого понятия является присутствующая в нём смысловая ошибка. Автор искренне полагает, что «сущность заключается в предназначении», а это неверно. Ни одна сущность «вещи» не может состоять в назначении этой «вещи». Характеристика сущности отвечает на вопрос о том, что представляет собой та либо иная вещь действительности, а ответ о предназначении поясняет, в качестве чего, для какой цели она может использоваться.

Для уяснения сущности ни права, ни государства данная точка зрения приемлемой не является.

§ 1.3. Понятия прав субъекта с неопределённостью смысла

Некоторые из исследуемых нами понятий субъективного права обладают одновременно несколькими различного рода недостатками.

Но мы, распределяя рассмотрение этих понятий по соответствующим параграфам, используем в качестве приоритетного критерия только один из них – главную причину, по которой то либо иное понятие оказывается неспособным ответить на вопрос о сущности субъективного права.

²⁵ Цит. по: *Протасов В.Н.* Лекции по курсу «Современные проблемы теории права». М., 2010. С. 10. – URL: https://studopedia.ru/19_18797_smislovie-znacheniya-termina-pravo.html (дата обращения: 05.02.2024).

В настоящем параграфе рассматриваются понятия, которые не могут дать ответ на вопрос о сущности субъективного права по причине неопределённости их смысла (содержания).

Другие недостатки, при их наличии, рассматриваются во вторую очередь.

1.3.1. Права субъекта как социальный феномен

«Права человека – это социальный феномен, отражающий важные черты, свойства, качества человеческой личности, обусловленные данной ступенью исторического развития общества»²⁶.

Для справки отметим, что слово «феномен» употребляется в качестве названия явления, которое:

1) в противопоставление непознаваемому признаётся познаваемым;

2) относится к разряду выдающихся, исключительных²⁷.

Тот факт, что права человека действительно можно рассматривать в качестве феномена, возражений не вызывает. Почему бы и нет? Причём даже в обоих значениях данного слова.

Однако сущность прав человека это несколько не проясняет и прояснить не может: «Что представляет собой этот феномен как явление, отражающее важные черты, свойства, качества человеческой личности, обусловленные данной ступенью исторического развития общества? Вопрос этот, разумеется, является риторическим, и поставлен он здесь лишь для того, чтобы подчеркнуть неприемлемость данного понятия для целей нашего исследования как неконкретного, даваемого не по существу»²⁸.

По причине своей неопределённости такое понятие для уяснения сущности субъективного права неприемлемо.

²⁶ Явич Л.С. Сущность права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 64.

²⁷ Ожегов С.И. Указ. Словарь русского языка. С. 396.

²⁸ Векленко С.В., Семченков И.П. Указ. раб. С. 10.

Помимо этого в данном понятии прав человека как феномена, он, то есть феномен, представлен как нечто такое, что относится к характеристике личности, а субъективное право признаком, чертой человека не является.

1.3.2. Права субъекта как явление

«Права человека – это сложное и многомерное явление, отражающее в той или иной мере всю совокупность отношений индивида в природном и социальном мире. Это идеалы и ценности, принципы и нормы, правила и способы деятельности, социально-экономические, политические и духовные условия существования человека в обществе»²⁹.

Во-первых, сущность прав субъекта как явления здесь не определена, что указывает на неконкретность данного понятия.

Во-вторых, упоминаемое в данном понятии явление включает в себя то, что при строгом научном подходе объединить в одно целое невозможно: идеалы и ценности, принципы и нормы, правила и способы деятельности, социально-экономические, политические и духовные условия.

В-третьих, в этом понятии субъективного права как явления говорится о том, что оно **отражает** социальную действительность, то есть выполняет функцию её отражения, а в тех случаях, когда вместо ответа на вопрос о сущности даётся ответ на вопрос о функциональном назначении, это может означать только подмену тезиса. Вполне возможно, что автор хотела сказать в данном понятии что-либо иное. Но почему мы должны догадываться об этом?

Для уяснения сущности субъективного права данное понятие является неприемлемым.

²⁹ Вегера И.В. Учебно-методический комплекс по дисциплине «Право прав человека (Права человека)». Новополоцк: Полоцкий Гос. ун-т, 2007. С. 17. – URL: https://elib.psu.by/bitstream/123456789/21111/1/УМК_Права%20человека_Вегера%20И.В.pdf (дата обращения: 28.01.2024).

1.3.3. Права субъекта как ценность

«Права человека – высшая³⁰ ценность, а их уважение, соблюдение и защита – обязанность государства»³¹.

Тот факт, что права человека имеют для нас ценность, сомнений не вызывает. Этот момент очевиден.

Но что они представляют собой как ценность? В чём именно заключается их сущность? Ответы на эти ключевые вопросы данное понятие не даёт.

Для уяснения сущности субъективного права и это его понятие следует признать неприемлемым.

1.3.4. Права субъекта как отражение действительности

Данная точка зрения представлена в одном из последних диссертационных исследований.

«В диссертации предлагается следующее наиболее полное по сравнению с имеющимися определение понятия «субъективное право»: **субъективное право есть отражение** социальной действительности в правосознании субъекта права, **позволяющее выявить** основанную на норме объективного права **меру возможного поведения** в целях удовлетворения законного интереса, **выражающуюся в возможности** совершения определённых действий»³².

Во-первых, в данном понятии отмечается, что субъективное право являет собой отражение в сознании лица социальной

³⁰ Необоснованность и нецелесообразность отнесения прав человека к разряду высших ценностей обстоятельно рассматривается в § 3.8. **Переосмысление значимости прав человека и иных прав субъекта.** Поэтому здесь мы данный вопрос не затрагиваем (*прим. авт.*).

³¹ Права человека. Учебник для вузов /Отв. ред. член-корр. РАН, докт. юрид. наук Е.А. Лукашева. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. С. 5.

³² *Васев И.Н.* Субъективное право как общетеоретическая категория. Автореф. канд. дисс. Екатеринбург. 2011. С. 10-11.

действительности, однако, что именно представляет собой это отражение, какую именно действительность оно отражает, не поясняется. Это обстоятельство указывает на неприемлемость такого понятия для уяснения сущности прав субъекта как неопределённого.

Во-вторых, в данном понятии присутствует подмена тезиса. Выражается это в том, что в нём идет речь об отражении, «позволяющем выявить», то есть используемом в качестве критерия, инструмента выявления. Таким образом, в данном утверждении говорится не о сущности права как отражения, а, вместо этого, – о функциональном предназначении, использовании этого права-отражения.

В-третьих, неправильным с содержательной точки зрения следует признать понимание того, какие результаты позволяет выявить упомянутое отражение.

В данном понятии отражение признаётся позволяющим выявить **меру возможного поведения, которая выражается в возможности поведения**. То есть, по мнению автора, мера возможного поведения и возможность поведения являются либо тождественными, либо соотносятся между собой как сущность и явление. Однако мера поведения – это его границы, а возможность поведения – состояние действительности, которое позволяет осуществлять это поведение: их нетождественность очевидна. Рассматривать меру и возможность поведения как сущность и явление также никаких оснований не имеется.

В-четвертых, в данном понятии упоминается только поведение людей, что указывает на невозможность использования этого понятия для характеристики субъективных прав на жизнь и здоровье, ибо жизнь и здоровье человека представляет собой пребывание каждого из нас в живом и, соответственно, здоровом состоянии, которое поведением ни с одной точки зрения признать невозможно.

Да, это особый случай, но, как представляется, самый важный, а данное понятие к нему никак неприменимо.

Для уяснения сущности субъективного права такое его понятие неприемлемо.

§ 1.4. Неправильные по смыслу понятия прав субъекта

1.4.1. Права субъекта как вид поведения

«Субъективное **право** в юридической науке определяют как гарантируемый законом **вид** возможного или дозволенного **поведения** лица»³³.

По нашему мнению, субъективное право и вид определяемого им поведения – это нетождественные вещи действительности.

Субъективное право представляет собой не дозволяемое правом поведение, а нечто такое, что делает этот вид поведения дозволяемым. Причём это нечто существует даже тогда, когда лицо никакого дозволяемого субъективным правом поведения не осуществляет.

Например, право собственности, как и все иные субъективные права, позволяющие определяемое ими поведение, с момента своего возникновения и до момента прекращения своего действия существует непрерывно и независимо от того, пользуется субъект этим правом, реализует его или нет.

Из этого следует, что субъективное право на определяемый этим правом вид поведения и само это поведение являются по своей сути вещами, имеющими явно различную природу, содержание.

Дополнительным подтверждением обоснованности этого вывода является ситуация, имеющая место после совершения хищения.

Утратив возможность владеть, пользоваться и распоряжаться изъятым у него имуществом, собственник ни одного из этих видов поведения не осуществляет, однако право собственности при этом никуда не исчезает и по-прежнему продолжает оставаться у собственника.

³³ Проблемы общей теории права и государства /Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2006. С. 229.

Приведённые аргументы указывают на то, что понимание субъективного права как вида поведения действительности не соответствует.

Принимая во внимание данное обстоятельство, представляется необходимым отметить, что, к сожалению, как и в случае со всеми иными ранее рассмотренными понятиями, данное понятие для уяснения сущности субъективного права также является неприемлемым.

1.4.2. Права субъекта как удовлетворение потребностей

Проще всего продемонстрировать неприемлемость точки зрения, согласно которой «субъективное **право** – это мера возможного **поведения**, активная **деятельность** в сфере общественной жизни, а также **удовлетворение** личных потребностей и интересов»³⁴.

Понятие субъективного права как меры возможного поведения уже было рассмотрено выше (см. 1.2.2. Права субъекта как мера поведения). Оно является неприемлемым, поскольку построено на завуалированной подмене тезиса и на вопрос о сущности прав субъекта ответ не даёт.

Трактовка субъективного права как деятельности аналогична пониманию права субъекта как вида поведения, а этот вопрос только что был проанализирован выше (см. 1.4.1. Права субъекта как вид поведения). По результатам данного анализа понятие субъективного права как вида поведения также было признано неверным.

Остаётся рассмотреть лишь понимание субъективного права как удовлетворения личных потребностей. В силу очевидной ошибочности данной точки зрения для её опровержения достаточно даже одного аргумента, хотя на самом деле их значительно больше.

³⁴ *Афонин М.В.* Указ. соч. С. 17.

Удовлетворение потребностей возможно и при отсутствии права на него. Например, преступник удовлетворяет свои потребности посредством использования похищенного имущества, хотя никакого права на это не имеет. Если бы субъективное право и удовлетворение потребностей были тождественны, то оно, этакое «право-удовлетворение», было бы неразделимо, и говорить о ситуации, в которой удовлетворение потребностей присутствует, а соответствующее право отсутствует, было бы невозможно.

Соответственно и наоборот, наличие права возможно и без удовлетворения потребностей. Так, например, если владелец имущества не использует его для удовлетворения потребностей, то от этого право собственности на это имущество никуда не исчезает. И даже если имущество будет похищено, что полностью делает невозможным удовлетворение потребностей посредством использования этого имущества, право на похищенное имущество всё равно остаётся у собственника, то есть всё равно продолжает существовать.

Это означает, что удовлетворение потребностей, с одной стороны, и субъективное право – с другой, представляют собой различные вещи действительности и отождествлять их неверно.

Приведённые обстоятельства демонстрируют тот факт, что субъективное право нельзя рассматривать как удовлетворение потребностей.

В настоящий параграф анализ данного понятия помещён из-за наличия в нём трактовки субъективного права как удовлетворения потребностей, которая является неправильной, но ранее нами ещё не рассматривалась.

Помимо этого данное понятие являет нам пример того, как некоторые авторы пытаются решить проблему неоднозначного понимания субъективного права путём включения в его понятие (объединения в нём) одновременно нескольких точек зрения о сущности прав субъекта.

Для уяснения сущности субъективного права такое понятие является неприемлемым.

1.4.3. Права субъекта как возможность

Точка зрения, в соответствии с которой под субъективным правом индивида подразумевается возможность осуществления чего-либо, определяемого разновидностью этого права, достаточно широко представлена в философско-правовой и юридической литературе.

Например: «В современном понимании **права** человека – **это** социальные и юридические **возможности** пользоваться материальными, социальными и иными благами»³⁵; «**Права** и свободы индивида – **это** его социальные **возможности**»³⁶; **право** человека – «гарантированная государством, узаконенная **возможность** что-либо делать, осуществлять»³⁷; «**Права** человека – **это возможности** личности удовлетворять и развивать свои потребности и интересы, гарантируемые и стимулируемые со стороны общества и государства»³⁸.

Другие авторы трактуют как **возможность не только права человека, но и субъективное право в целом**, подразумевая под ним **возможность** совершить то или иное действие либо воздержаться от его совершения³⁹.

Именно эта точка зрения о субъективном праве как возможности взята на вооружение гражданским правом и положена в основу общепринятого в практической деятельности понятия права собственности, под которым подразумевается возможность владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом.

Таким же образом рассматривается значение слова «право» и в словарях русского языка, где отмечается, что право – это «охраняемая государством, узаконенная **возможность**

³⁵ Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2016. С. 401.

³⁶ Проблемы общей теории права и государства /Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2006. С. 229.

³⁷ Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М., 2001. С. 43.

³⁸ Глухарева Л.И. Права человека: учеб. пособие. М., 2002. С. 5.

³⁹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. 2-е изд. М.: Проспект, 2008. С. 397.

что-н. делать, осуществлять; **возможность** действовать, поступать каким-н. образом»⁴⁰.

Данное понятие субъективного права как возможности построено без подмены тезиса и, казалось бы, очень точно отражает его сущность. Однако торопиться с оценкой его приемлемости не следует.

Изучение источников позволило выделить два варианта значения слова «возможность», которые с учётом лингвистического метода валентного анализа можно попробовать применить для анализа понятия субъективного права как возможности осуществлять что-либо:

1) возможность как то, что позволяет осуществлять что-либо, то есть состояние действительности, которое позволяет осуществление чего-либо;

2) возможность как допустимость в значении дозволенности, разрешённости осуществления чего-либо.

Ниже рассматриваются оба варианта понятия прав субъекта как возможности, и тот, где возможностью называется состояние действительности, позволяющее осуществлять что-либо, и тот, в котором возможность означает дозволенность осуществления чего-либо, определяемого соответствующей разновидностью субъективного права.

Субъективное право как возможность, под которой понимается состояние действительности, позволяющее осуществлять что-либо.

Возможность как состояние действительности, которое позволяет осуществлять что-либо, имеет две составляющих. Во-первых, это личная способность человека осуществлять что-либо, и, во-вторых, – это такое состояние внешней по отношению к человеку действительности, которое делает возможным осуществление этого чего-либо.

Для наличия возможности осуществлять что-нибудь в обязательном порядке требуется наличие обеих указанных составляющих. Если хотя бы одна из данных составляющих будет

⁴⁰ Ожегов С.И. Указ. Словарь русского языка. С. 405.

отсутствовать, то это неизбежно повлечёт и отсутствие всей возможности в целом.

Из этого следует, что субъективное право как возможность, под которой понимается состояние действительности, позволяющее осуществлять что-либо, следует рассматривать с учётом и первой, и второй её составляющих.

Способность осуществлять что-либо. В контексте понятия субъективного права способность осуществлять что-либо следует рассматривать в качестве личного внутреннего потенциала человека, который обеспечивает ему возможность реализации своего права.

Этот потенциал всегда представляет собой совокупность имеющихся у лица психического здоровья, определённого уровня интеллекта и социальной зрелости, соответствующих знаний, умений, навыков, опыта, физических возможностей и *текущего физиологического состояния*. Для наличия у человека «способности осуществлять» необходимо наличие абсолютно всех этих аспектов его бытия.

По нашему мнению, способность человека осуществлять своё право субъективным правом признаваться не может. Эта способность характеризует только самого человека, являющегося её обладателем, и больше никого и ничего, включая субъективное право. Любая способность человека, в том числе и способность осуществлять своё право, является его личным качественным признаком (свойством), а субъективное право к числу свойств (признаков) человека не относится.

Помимо этого, для подтверждения вывода о том, что эту способность нельзя рассматривать в качестве субъективного права, достаточно представить ситуацию, в которой обладатель права находится в физиологическом состоянии сна, без сознания по причине болезни или под глубоким наркозом в ходе операции, а потом задаться вопросом о том, сохраняет он при этом способность осуществлять, например, своё право собственности, или нет. Ответ очевиден, – разумеется, нет, не сохраняет.

В такой ситуации лицо вообще никаких действий по реализации данного права совершать не способно, но само право

от этого никуда не исчезает. Вот почему хищение вещей у собственника, находящегося в таком физиологическом состоянии, рассматривается как преступное деяние, нарушающее право собственности⁴¹.

Всё это означает, что *субъективное право может иметь место и при отсутствии у лица способности* совершать действия по его реализации, а это, в свою очередь, указывает на то, что право субъекта и его способность осуществлять это право весьма нетождественны.

Способность лица, как это было показано выше, является необходимой составляющей в целом всей возможности осуществлять что-либо (если способность осуществлять что-либо будет отсутствовать, то будет отсутствовать и вся данная возможность в целом).

С учётом этого доказанный тезис о том, что *субъективное право может иметь место и при отсутствии способности его реализации*, можно рассматривать более широко, а именно: *субъективное право может иметь место и при отсутствии возможности его реализации*.

Из этого, соответственно, следует, что субъективное право и возможность осуществлять что-либо, определяемое этим правом, являются различными вещами действительности.

Но, если они являются различными вещами действительности, то они нетождественны, а это обстоятельство неотвратимо указывает на неприемлемость трактовки субъективного права как возможности осуществлять что-либо.

Для общего решения вопроса о недопустимости понимания субъективного права как возможности данного вывода уже вполне достаточно, и, с точки зрения принципа разумной достаточности доказательств, проводить дальнейшее исследование вовсе необязательно. Однако в данном случае мы полагаем

⁴¹ В работе очень часто применяется анализ, проводимый на примере права собственности. Предпочтение этому виду субъективного права отдано по причине того, что оно хорошо известно и понятно любому человеку, в том числе и несовершеннолетним (*прим. авт.*).

принцип полноты и всесторонности исследования более важным, поэтому продолжаем анализ понятия субъективного права как возможности осуществлять что-либо и приступаем к рассмотрению второй составляющей этой возможности.

Возможность как внешнее состояние действительности, которое позволяет осуществлять что-либо. Данная формулировка является очень длинной. Предложения, построенные с её использованием, оказываются громоздкими и для восприятия неудобными. Поэтому ниже в рамках данного вопроса мы не будем постоянно акцентировать внимание на том, что речь идёт о возможности именно как о внешнем состоянии действительности. Вместо этого мы будем говорить просто о возможности осуществлять что-либо, но подразумевая под нею возможность только как внешнее состояние действительности, которое позволяет осуществлять что-либо. Нижайше просим читателя с пониманием отнестись к этому нюансу и иметь его в виду.

Для того, чтобы убедиться в ошибочности понимания субъективного права как возможности осуществлять что-либо, представляется достаточным привести пример ситуации совершения такого преступления как хищение.

«Суть объективного механизма этого преступления заключается в том, что виновный лишает собственника возможности владеть, пользоваться и распоряжаться похищенным имуществом, а сам эту возможность приобретает. Иными словами, при совершении хищения возможность владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом переходит от законного владельца к похитителю, однако право собственности от собственника к похитителю в процессе хищения не переходит.

В мире не существует ни одной страны, ни одной правовой системы, где совершение преступления рассматривалось бы в качестве юридического основания для перехода права собственности. После хищения право собственности на похищенное имущество продолжает оставаться у собственника, на основании чего он и подает гражданский иск о возвращении ему этого имущества или о компенсации его стоимости. Соответственно этому у похитителя, как бы он этого ни желал, никакого

права собственности на похищенное им чужое имущество не возникает.

Данный пример весьма наглядно демонстрирует тот факт, что при совершении хищения возможность от собственника к виновному переходит, а право собственности – нет, оно продолжает оставаться у собственника.

Всё это является справедливым и для всех иных преступлений, которые, как это принято полагать, выражаются «в посягательстве на права», «нарушают права» и т.д. При совершении этих преступлений права, «в нарушении которых выражается преступление», также продолжают оставаться у их обладателей и после совершения преступления»⁴².

Данный анализ показывает, что субъективное право может существовать и при отсутствии возможности его реализации, а это означает, что субъективное право и возможность субъекта по его реализации – не одно и то же. Они являют собой различные вещи социальной действительности.

Понимание этого обстоятельства требует признать неправильным понятие субъективного права как возможности, где под возможностью понимается состояние действительности, которое позволяет субъекту права осуществлять что-либо, определяемое этим правом: «попытку трактовать права человека (субъективные права) как возможность определённого поведения индивида следует признать неудачной, не выдержавшей проверку фактическими реалиями правовой действительности»⁴³.

На очереди анализ приемлемости понятия субъективного права как возможности, где под возможностью понимается допустимость в значении дозволенности, то есть разрешённости

⁴² Векленко С.В., Семченков И.П. Указ. раб. С. 11-12. Единственным преступлением, влекущим прекращение субъективных прав, является преступное причинение смерти. Но при иных преступлениях права потерпевших никуда не исчезают, и именно это подразумевается в комментируемом фрагменте работы (*прим. авт.*).

⁴³ Векленко С.В., Семченков И.П. Та же раб. С. 12.

осуществления чего-либо, определяемого соответствующей разновидностью прав субъекта.

Субъективное право как возможность в значении дозволенности, разрешённости определённого состояния или поведения субъекта права.

Появлению понимания возможности как дозволенности мы обязаны двум обстоятельствам.

Во-первых, о чём было сказано выше, это понимание вытекает из значения слова «возможность», которое присутствует в словарях: «Возможный... – дозволительный, допустимый»⁴⁴; «Допустить... – разрешить»⁴⁵; «Допуск... – право входа»⁴⁶.

Во-вторых, понимание возможности как дозволенности, разрешённости заложено в статье 18 Гражданского кодекса нашей страны. Она называется «Содержание правоспособности граждан». В ней буквально отмечается следующее: «Граждане **могут** иметь имущество на праве собственности; наследовать и завещать имущество; заниматься предпринимательской и любой иной не запрещённой законом деятельностью; создавать юридические лица самостоятельно или совместно с другими гражданами и юридическими лицами; совершать любые не противоречащие закону сделки и участвовать в обязательствах; избирать место жительства; иметь права авторов произведений науки, литературы и искусства, изобретений и иных охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности; иметь иные имущественные и личные неимущественные права»⁴⁷.

По сути, использованное в этой норме слово «**могут**» означает не что иное, как закреплённое законом разрешение, дозволение иметь права и осуществлять определённое поведение.

⁴⁴ Ожегов С.И. Указ. Словарь русского языка. С. 65.

⁴⁵ Ожегов С.И. Указ. словарь. С. 123.

⁴⁶ Ожегов С.И. Указ. произв. Там же.

⁴⁷ ГК РФ. Ст. 18. /СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/7c4e5a4465e952b12a78a0fc224269abf1518 (дата обращения: 18.02.2023).

Для того, кто умеет читать то, что написано, данное обстоятельство является несомненным.

Употребляя данное слово для обозначения разрешения, дозволения, законодатель поступил с филологической точки зрения абсолютно верно.

Во-первых, это значение слова «могут» вытекает из приведённых выше вариантов словоупотребления, которые отражены в словарях русского языка.

Во-вторых, именно в этом его значении оно фактически каждодневно употребляется огромным числом людей, которые имеют намерение войти в чужой кабинет, иное помещение, дом, квартиру. Каким образом человек просит разрешения войти, например, в кабинет руководителя? Вообще говоря, кто как. Кто-то задаёт вопрос: «Позвольте?» Кто-то: «Разрешите?» А кто-то: «Могу я войти?» Но все эти вопросы по своему смысловому значению являются абсолютно тождественными.

Такой же вариант употребления слова «могут», в различных его филологических производных, используется и во многих других случаях, когда лицо стремится получить разрешение на осуществление чего-либо, например: «Можно мне пойти погулять, взять отпуск, машину, ознакомиться с документами?» И так далее.

В определённом контексте слова, являющиеся производными от глагола «мочь» и от слова «возможность», употребляются для констатации наличия дозволенности (разрешённости) совершения определённых действий. Например, ребёнок задаёт отцу, который работает полицейским, вопрос: «Папа, а тебе можно стрелять из пистолета по бешеным собакам?» «Можно», – отвечает отец. В устах ребенка под словом «можно» подразумевается вопрос о том, разрешено ли такое применение оружия или нет. В ответе отца идёт речь о *наличии* у него такого *разрешения*.

Вот почему мы с полным для этого основанием полагаем, что в ст. 18 ГК говорится о разрешении, дозволении иметь права и совершать определённые действия, в том числе принимать на себя обязательства.

Понятие субъективного права как дозволенности, разрешённости может показаться привлекательным, но лишь для тех, кто только начинает постигать азы теории и философии права. На самом же деле дозволение – это, хотя и важная, но всего лишь функция субъективного права, причём далеко не единственная и, к тому же, характерная не для всех разновидностей субъективного права.

В подтверждение того, что функция дозволения присуща не всем субъективным правам, достаточно привести примеры хотя бы таких, закреплённых в основном законе нашей страны прав человека, как право не подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию (ст. 21 Конституции), право на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции), право не подвергаться принуждению к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них (ст. 29 Конституции) и др. Совершенно очевидно, что основная функция этих прав по отношению к их обладателям является защитной, охранительной, а не функцией дозволения (разрешения) чего-либо.

Из этого следует, что дозволенность не может рассматриваться в качестве права субъекта на что-либо, а понятие субъективного права, сконструированное с использованием после тире слов «дозволенность», «разрешённость», всегда будет отвечать на вопрос о его предназначении, о его функции, а не на вопрос о том, в чём заключается его сущность.

Но зачем нам понятия, построенные на основе подмены тезиса, наличие которых указывает на неспособность ответить на вопрос о сущности субъективного права? Не лучше ли открыто признать наличие проблемы и не пытаться подменить вопрос о сущности вопросом о предназначении?

Общий вывод: с какой бы стороны мы ни рассматривали возможность осуществлять что-либо, понятие субъективного права как возможности осуществления чего-либо в любом случае оказывается неверным.

Не смотря на свою первоначальную кажущуюся привлекательность и широкую распространённость трактовка прав

субъекта как возможности также оказалась неспособной дать приемлемый ответ на главный вопрос нашего исследования, то есть на вопрос о сущности субъективного права.

Факультативный результат анализа возможности как дозволенности.

Статья 18 Гражданского кодекса РФ называется «Содержание правоспособности граждан». С учётом данного названия в ней должен быть приведён ответ на вопрос о том, что представляет собой правоспособность. То есть в ней так и должно быть указано, что правоспособность представляет собой то-то и то-то. Однако такого ответа она не даёт (см. выше в этом же параграфе).

Вместо этого в ней говорится о разрешении иметь права и совершать определённые действия, в том числе принимать на себя обязательства. Но это не правоспособность, под которой в ст. 17 ГК РФ понимается способность лица иметь права и обязанности. Это законодательно закреплённое властное управленческое решение в виде дозволения иметь права и совершать определённые действия. «Способность иметь права» и «разрешение иметь права» явно нетождественны.

Всё остальное содержание ст. 18 ГК посвящено перечислению тех прав, которые дозволяется иметь, и действий, которые разрешено совершать. Помимо этого в ней больше ни о чём не говорится.

Принимая во внимание приведённые обстоятельства, предлагается назвать данную статью как-то иначе, например, «Дозволение иметь права и совершать юридически значимые действия».

Только так можно привести эту норму в порядок и избавиться от имеющегося у неё недостатка в виде несоответствия между её названием и содержанием. И названия этой статьи несколько не жалко. Оно само является проблемным. **«Правоспособность»** трактуется как **способность иметь права и обязанности**. Такое **«понятие»** отвечает на вопросы о том, **какая это способность**, и **что она позволяет** иметь, а не на вопрос о её сущности. Это подмена тезиса (см. 1.1.1 настоящей работы).

1.4.4. Права субъекта как правоспособность

Поводом для анализа трактовки субъективного права как правоспособности послужило наличие дискуссии⁴⁸ о допустимости такого понимания сущности прав субъекта.

Поставить окончательную точку в этой дискуссии удалось при помощи любимого нами вопроса: «Что это, в чём состоит его сущность?»

В теории и философии права, а также в ст. 17 Гражданского кодекса нашей страны **под правоспособностью** лица **понимается** его **способность** иметь права и обязанности.

В чём состоит сущность этой способности, теория права не знает, но для нашего исследования это и не требуется.

Способность иметь права и обязанности – это прежде всего способность, а любая способность всегда представляет собой внутренний личный потенциал субъекта права осуществлять что-либо, который в качестве субъективного права рассматриваться не может (см. 1.4.3. Права субъекта как возможность).

Этот потенциал характеризует только само лицо, которое обладает этой способностью, и больше никого и ничего, включая в это число и субъективное право. Поэтому ни правоспособность, ни какая бы то ни было иная способность субъекта субъективным правом признаваться не может.

Особенно отчётливо данный факт проявляется в отношении правоспособности физического лица. Такая способность относится к личным качествам человека, а субъективное право личным качеством человека не является.

О необходимости взаимного различения правоспособности и субъективных прав говорит и подавляющее большинство других авторов, которые подчёркивают их нетождественность

⁴⁸ См., напр.: Концепция правоспособности как субъективного права – Частное право. Материалы для изучения в 3 Т. Том 1. Общая часть. Проблемы учения об абсолютных правах. – URL: https://studme.org/338_499/pravo/kontseptsiya.praivosposobnosti_subektivnogo_prava (дата обращения: 13.10.2024).

и рассматривают правоспособность как условие, предпосылку возникновения прав субъекта: «Юридическую природу правоспособности необходимо рассматривать как самостоятельную правовую категорию, имеющую существенные отличительные признаки от субъективного права»⁴⁹; «правоспособность ... является основанием (предпосылкой) конкретного субъективного права»⁵⁰; «Субъективное право опирается на правоспособность как на свою необходимую общую предпосылку»⁵¹ и так далее.

Для уяснения сущности субъективного права данное понятие является неприемлемым. И это при том, что мы ещё не касались вопроса о подмене тезиса, существующей в понимании самой **правоспособности** как **способности** иметь **права и обязанности**, что уже само по себе делает неприемлемым рассматриваемую трактовку субъективного права вне зависимости от того, что она, как это было показано выше, является неверной по своему содержанию.

1.4.5. Права субъекта как способность проявлять своё «правовое я»

Данная точка зрения, имевшая довольно большую распространённость, была высказана известным и авторитетным для своего времени представителем дореволюционной школы отечественной теории права, профессором А.И. Елистратовым:

⁴⁹ Грибанова А.В. Некоторые вопросы соотношения правоспособности и субъективных прав в гражданском законодательстве. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-sootnosheniya-ravospobnosti-i-subektivnyh-prav-v-grazhdanskom-zakonodatelstve/viewer> (дата обращения: 13.10.2024).

⁵⁰ Грибанова А.В. Там же.

⁵¹ Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории "хозяйственного права" /СПС КонсультантПлюс: Классика Российского Права. – URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/3/page_32.html (дата обращения: 13.10.2024).

«Субъективное право – это *Handelnkönnen*, способность лица активно проявлять свое правовое я»⁵².

Его понимание субъективного права обратило на себя внимание необычностью упоминаемого в ней загадочного «правового я», которое претендует на обладание некоей философско-правовой глубиной своего смысла.

Ничего сложного и интересного в этой точке зрения на самом деле нет, но это понятно только опытному исследователю. Для молодых же умов такой взгляд на субъективное право может показаться привлекательным и перспективным в части того, что можно подразумевать под «правовым я». Поэтому для того, чтобы сразу пресечь возможную, но бесполезную попытку трактовать эту точку зрения как «заблагорассудится», мы посчитали для себя необременительным потратить несколько слов и на её надлежащее рассмотрение.

В контексте субъективного права «способность проявлять свое правовое я» – это всегда и прежде всего **способность** человека, то есть его личный внутренний потенциал, позволяющий осуществлять что-либо, определяемое разновидностью субъективного права. Этот потенциал характеризует только самого человека, который обладает этой способностью, и больше никого и ничего, включая субъективное право.

Поэтому, прекрасные, замечательные, превосходные молодые умы, не тратьте время на выяснение того, что представляет собой это загадочное «правовое я». Что бы вы ни стали подразумевать под ним, способность проявлять свое «правовое я» от этого способностью быть не перестанет и в субъективное право не превратится. Привыкайте мыслить предметно и рационально.

И возьмите, пожалуйста, на заметку тот факт, что подобного рода якобы по-философски глубокомысленные сентенции,

⁵² *Елистратов А.И.* I. Понятие о публичном субъективном праве II. «Теория субъективных публичных прав» А.А. Рождественского. Отдельный оттиск из Ученых записок Императорского лицея в память Цесаревича Николая. Москва, 1913. С. 15.

как правило, в действительности никакого конкретного смысла в себе не содержат, а призваны скрыть отсутствие понимания подлинной сути вопроса. Если бы авторы подобных высказываний знали эту суть, то с превеликим удовольствием подробно пояснили бы её обычными понятными словами.

Для уяснения сущности прав субъекта неприемлемо.

1.4.6. Права субъекта как притязания

Одним из примеров особого понимания сущности субъективного права является получившая распространение точка зрения профессора О. Хеффе, по мнению которого, права субъекта представляют собой не что иное, как *притязания* людей⁵³.

Под притязанием следует понимать: «1. Стремление получить что-н., предъявление своих прав на что-н. **П.** на первое место. **П.** на наследство. 2. Стремление добиться признания чего-н. при отсутствии оснований на такое признание (неодобр.). **П.** на учёность»⁵⁴.

Для уяснения того, что субъективное право притязанием быть не может, достаточно анализа приведённых выше примеров из словаря.

«*Стремление получить что-нибудь*». Стремление получить на соревновании первое место может возникнуть и возникает, если, конечно, вообще возникает, задолго до начала состязаний, когда у лица никакого права на приз ещё не имеется.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что такое стремление может существовать независимо от наличия права, а это возможно только в том случае, когда такое стремление и право субъекта являются различными и весьма нетождественными вещами действительности.

⁵³ См.: Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства: Пер. с нем. М., 1994. С. 248.

⁵⁴ Ожегов С.И. Указ. Словарь русского языка. С. 423.

Следовательно, притязание-стремление данного вида нельзя рассматривать в качестве субъективного права.

Ещё одним доказательством этого является ситуация, в которой лицо, имеющее стремление получить первое место, всё-таки получает на него право. Например, бегун первым пересекает финишную черту. В этот момент он не только получает искомое право. Одновременно с этим его стремление получить первое место мгновенно исчезает, ибо стремиться к уже достигнутому невозможно. В данном случае стремление получить награду и право на неё даже во времени между собой не пересекаются.

Стремление получить наследство также может существовать независимо от права на наследство: оно может иметь место ещё до возникновения этого права; если лицо наследником по закону не является и в завещании не указано, то оно, несмотря на стремление получить наследство, право на наследство получить не сможет. Это означает, что стремление получить наследство и право на наследство являются нетождественными.

В жизни бывают и такие ситуации, в которых у лица имеется право наследования при отсутствии стремления иметь это право. *Пример.* Мужчина женится на женщине с ребёнком. Квартиру они покупают уже в браке. Брачного контракта нет. Женщина по болезни умирает раньше мужа. Завещание не оформлено. В данном случае у ребёнка по закону появляется право наследования половины квартиры, но он реализовывать его не желает, во-первых, по причине благодарности к отчиму за любовь и заботу, и, во-вторых, потому, что сам к этому времени уже достаточно обеспечен и ни в чём не нуждается. Этот пример являет нам новый вид ситуации, в которой право субъекта в качестве притязания получить что-нибудь рассматриваться не может. В этом примере право присутствует, а стремление получить и реализовать это право даже не возникало.

«*Предъявление своих прав на что-нибудь*». Прежде чем приступить к анализу возможности понимания под субъективным правом этой разновидности притязания, следует отметить тот факт, что словарь фиксирует значение слов в том виде, как

они употребляются, а употребляются они, к сожалению, далеко не всегда верно.

В некоторых случаях данная неправильность может выражаться в использовании не тех слов, которые следовало бы применить. Так, например, выдающийся математик древности Клавдий Птолемей в своем труде «Великое математическое построение по астрономии в 13 книгах» говорил о том, что каждая планета равномерно движется по малому кругу⁵⁵. С тех пор и бытуют фразы о том, что планеты и спутники вращаются по круговой орбите. Однако круг – это фигура площади, в связи с чем использование данного слова для описания космических орбит не подходит.

Судя по всему, он имел в виду, что орбита планеты представляет собой не круг, а окружность, т.е. линию, равноудалённую⁵⁶ от точки, вокруг которой планета осуществляет свое движение. Но, что получилось, то получилось.

В других случаях причина неверного употребления слов иная. Человек так устроен, что стремится достичь искомого результата посредством насколько это возможно минимальных затрат, усилий. В устной речи это зачастую находит свое выражение в том, что человек оперирует высказываниями, которые содержат меньшее количество слов, нежели это предполагается развёрнутой литературной формой. Так, например, многие называют водительское удостоверение, подтверждающее наличие права на управление транспортным средством, одним словом «правá». На практике это никого не беспокоит, поскольку с учётом контекста употребления слова «правá» и без полной литературной формы понятно, о чём идёт речь. Однако, если в устной речи такое упрощение особых нареканий не вызывает, то в словаре допускать подобного рода ошибку непристительно.

⁵⁵ Привод. по: *Воронцов-Вельяминов Б.А. Астрономия. 11 кл.: Учебник. 4-е изд., М.: Дрофа, 2003. С. 49.*

⁵⁶ В те времена ещё не было известно, что орбиты представляют собой несколько вытянутые окружности – эллипсы (*прим. авт.*).

Как раз именно такого рода ошибка упрощения (пропуска слов) допущена в словаре при описании исследуемого варианта значения слова «притязание», где под ним подразумевается *«предъявление своих прав на что-нибудь»*. На самом деле право предъявить, то есть показать или продемонстрировать как-то иначе, невозможно. Оно нематериально, физической природы не имеет. Предъявить можно только документы, свидетельствующие о наличии права, либо какие-то иные доказательства. Но люди, в том числе и составители словарей, привыкли говорить упрощённо, что и повлекло приписывание субъективному праву таких свойств, которыми оно не обладает.

В данном примере из словаря при его буквальном понимании, что вообще-то должно быть нормой, право субъекта фактически рассматривается как материальная (физическая) вещь, которую можно кому-либо предъявить, что, конечно, неверно.

Принимая во внимание последнее обстоятельство, при исследовании возможности понимания под субъективным правом такой разновидности притязания как *«предъявление своих прав на что-нибудь»* мы будем иметь в виду его правильный филологический вариант, а именно, *«предъявление доказательств наличия права на что-нибудь»*.

Вопрос о необходимости предъявить доказательства наличия права возникает, например, в ситуации оформления пенсий, различных льгот, выплат и т.п. Ещё одним случаем предъявления доказательств наличия права является ситуация проверки билетов, подтверждающих право, например, присутствовать на концерте, спектакле, спортивных состязаниях, лететь самолётом, ехать поездом, на трамвае и т.д. Право на получение платных услуг также должно быть подтверждено различного вида квитанциями об оплате, абонеменами (фитнес-клубы, платные кружки, секции, платное образование и др.). Для получения груза, разрешения имущественного спора о недвижимости и т.д. также необходимо предъявить документы.

Во всех подобного рода случаях субъективное право является **основанием** получения пенсии, льготы, услуги, товара, груза и т.п., а предъявление необходимых для этого документов

или иных доказательств представляет собой **условие**, необходимое для их получения.

Тот факт, что субъективное право есть **основание** совершения определённых действий, а предъявление доказательств наличия права представляет собой **условие** их совершения, наглядно демонстрирует нетождественность их природы, а это, в свою очередь, указывает на то, что право субъекта и предъявление доказательств его наличия являются различными вещами действительности.

Данный вывод можно обосновать и более просто. Предъявление доказательств наличия права – это действие по реализации права, а оно правом не является. Если же О. Хеффе под предъявлением права имел в виду претензию, то она, как предъявление требования к должнику, также представляет собой действие по реализации имеющегося права, но не само это право.

Приведённых аргументов должно быть достаточно для пояснения и подтверждения вывода о невозможности понимания под субъективным правом такого вида притязания как предъявление доказательств наличия права.

Остаётся рассмотреть возможность понимания под субъективным правом последнего из тех видов притязания, которые приведены в словаре.

«Стремление добиться признания учёности без оснований для этого». Данное притязание имеет место при отсутствии для него оснований, то есть в ситуации, когда лицо никакими правами на учёность не обладает.

Из этого следует, что в рассматриваемом контексте субъективное право вообще не фигурирует, а это, в свою очередь, означает, что даже сама постановка вопроса о возможности признания субъективным правом такого рода притязания является неуместной.

Поэтому не имеет значения, о каком именно необоснованном притязании идёт речь, о притязании на учёность или каком-то ином притязании. Факт отсутствия обоснованности любого такого притязания уже сам по себе исключает возможность его отнесения к субъективным правам.

§ 1.5. Итоги первой главы и пояснения

Завершая данную главу, представляется необходимым отметить следующие обстоятельства, которые могут быть значимыми для читателя.

При подготовке к написанию настоящей работы были проанализированы все доступные нам варианты понятий субъективного права.

При их анализе мы ставили только один вопрос, который определяется целью нашего исследования: «Что представляет собой субъективное право по своему существу?»

Вместе с тем, несмотря на все наши старания, ни одного надлежащего ответа на данный вопрос мы, к сожалению, отыскать не смогли.

Все эти понятия оказались либо построенными на подмене тезиса, либо действительности не соответствующими, либо неконкретными.

В данной главе приведены не все исследованные нами понятия субъективного права, а только те, которые отражают наиболее существенные либо распространённые концептуальные тенденции, подходы к его пониманию, определению.

В решении этого вопроса мы руководствовались принципом разумной достаточности. «Обсуждать все мнения (δοχαί), вероятно, бесполезно, – отмечал в данной связи Аристотель, – достаточно обсудить наиболее распространённые или же такие, которые, как кажется, имеют известные основания (λογον)»⁵⁷. К тому же цели составить энциклопедию неприемлемых понятий субъективного права или хрестоматию неправильных высказываний о его сущности мы перед собой не ставили.

Между тем указанные обстоятельства являются не единственными, принимая во внимание которые, мы позволили себе привести в данной главе не все проанализированные нами понятия субъективного права.

⁵⁷ Аристотель. Никомахова этика. С. 4. – URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Nikomakhova.pdf> (дата обращения: 16.02.2024).

Помимо этого, из уважения к читателю, дабы не тратить попусту его драгоценные время и интеллектуальные ресурсы, в работе намеренно не приведены результаты исследования тех понятий субъективного права, неприемлемость которых сразу представляется очевидной, но таких, ознакомление с результатами анализа которых является неоправданно затратным.

К числу такого рода понятий, которые, кстати, упоминаются в большей степени для показной демонстрации эрудированности (начитанности, владения старыми источниками), относятся те, которые трактуют субъективное право как «юридически защищённый интерес», «область власти, господства частной воли», «признанную и защищённую правовым порядком волевою мощь человека, направленную на какое-либо благо или интерес» и др. Некоторые из них являются неопределёнными, другие сформулированы на основе подмены тезиса, а третьи и вовсе неправильны.

К последнего вида понятиям относится точка зрения О. Хеффе, которая специально была приведена в конце данной главы для того, чтобы послужить хорошо сохранившимся в памяти примером нецелесообразности их рассмотрения. Ошибочность данной позиции очевидна, ничего сложного либо интересного в ней нет, а времени на неё было потрачено неоправданно много.

Ещё одной причиной рассмотрения в нашем исследовании именно этой точки зрения является тот факт, что в отличие от других ей подобных, то есть очевидно неправильных, но неоправданно затратных в пояснении, она единственная прижилась и утвердилась в современной правовой доктрине и приводится в ряде источников, в том числе словарях. Если бы не это последнее обстоятельство, то вряд ли бы она «удостоилась чести» быть представленной читателю в данной работе.

Также нецелесообразным мы посчитали приводить в настоящей работе результаты анализа понятий субъективного права, объединяющих в себе несколько различных точек зрения, каждая из которых была нами рассмотрена отдельно в качестве самостоятельной.

Отдельного упоминания требует ещё одна особая точка зрения о сущности субъективного права. Её авторы рассматривают **права человека как правила поведения** людей в обществе. Она приводится в юридической энциклопедии и некоторых иных источниках.

Эта позиция доктриной философии права и теории права всерьёз не воспринимается, в получивших признание научных трудах и образовательных материалах не фигурирует. Однако в данной главе результаты её анализа не представлены по другой причине.

Для аргументированной оценки такого понимания сущности прав человека и иных субъективных прав требуется весьма фундаментальная теоретическая основа в виде определённых знаний, которые мы на данном этапе исследования ещё не успели преподнести читателю.

Поэтому подробный анализ трактовки прав человека как правил приведён в **§ 3.3. Субъективное право как представление о должном и другие точки зрения о его сущности.**

В завершение следует отметить, что особенно проблемным отсутствие приемлемого понятия субъективного права является для образовательного процесса.

Данное обстоятельство особенно отчётливо прослеживается всякий раз, когда обучающиеся готовятся к сдаче зачётов и экзаменов, так и не получив в ходе занятий надлежащего конкретного ответа на вопрос о том, что именно представляют собой права человека и иные субъективные права.

Из разговора студента с профессором:

- Почему столько пишут о правах человека?
- Хотят разобраться с этим вопросом...
- И как результаты? А то скоро зачёт...
- Пока что не вышло. Идите! Учите!
- А как же ООН и Европа? Они декларацию, конвенцию приняли. Тоже не знают?
- Не знают ... без этого рúлят...
- С такими вопросами Вы хотите зачёт?!!!

ГЛАВА II. СУЩНОСТЬ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА. ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ ПОНИМАНИЯ

*Как доказать, что солнце – это солнце?
Как доказать, что все цветы красивы?
Как высвободить разум из оков,
чтоб снова очевидное ему открылось?
Помочь нам может только Бог и метод.
И.П. Семченков*

§ 2.1. Проблема в понимании сущности субъективного права и методологические аспекты её решения

Внимательное изучение трудов по философии права и теории права показало, что основной проблемой этой сферы научного познания единодушно признаётся проблема неоднозначного понимания природы прав человека и иных субъективных прав. Она общеизвестна, ввиду чего все авторы, так или иначе касающиеся вопроса о сущности субъективного права, всегда начинают освещение данного вопроса с её упоминания.

Решение этой проблемы некоторые видят либо в усилении аргументации какой-то одной точки зрения, либо в опровержении позиций оппонентов, либо в объединении нескольких точек зрения. Однако все эти направления решения проблемы неоднозначного понимания субъективного права являются бесперспективными и обеспечить её решение не могут. Объясняется это тем, что данный способ предполагает оперирование такими точками зрения, каждая из которых является неприемлемой⁵⁸.

Другие авторы, не соглашаясь с теми точками зрения, которые были высказаны до них, подходят к решению проблемы неоднозначного понимания сущности субъективного права более радикально, то есть предлагают свои особые, отличные от

⁵⁸ Демонстрации их неприемлемости была посвящена вся предыдущая глава настоящей работы (*прим. авт.*).

предшествующих, варианты его понятия. Но и среди этих вариантов пока не оказалось ни одного, который мог бы верно определить сущность субъективного права, что аргументированно было продемонстрировано ранее, в предыдущей главе. В итоге появление этих новых, но также, к сожалению, неприемлемых точек зрения лишь обостряет проблему неоднозначного определения сущности права в его субъективном понимании. И продолжается всё это уже не первое столетие.

Но что же делать? С какой стороны подойти к решению рассматриваемой проблемы? В некоторых случаях помогает упрощение в понимании её сути.

Следуя этим путем, проблему неоднозначного понимания сущности субъективного права можно представить следующим образом.

В наличии имеются такие словосочетания как «права человека», «права физических лиц», «права юридических лиц», «субъективное право», которые активно используются во многих сферах повседневной жизни, но значения этих словосочетаний никто доподлинно не знает. Так, может быть, всё дело в словах? Вполне может быть.

С этой точки зрения для ответа на вопрос о сущности субъективного права необходимо установить значение слова, лежащего в основе этих словосочетаний, то есть слова «право» в его субъективном понимании.

Но как это сделать, если все словари и иные источники вновь возвращают нас к сфере философии права и теории права, иных сфер юриспруденции, где фигурируют те же самые варианты значения данного слова, которые уже были нами исследованы и признаны неприемлемыми? Необходимо независимое исследование.

Для независимого установления значения слова «право» в его субъективном понимании, то есть как права субъекта на что-либо, необходимо представить, что мы впервые сталкиваемся с этим словом, а после этого установить его значение точно таким же способом, каким определяют значение любого иного неизвестного слова.

Общий смысл, основная идея данного лингвистического подхода заключаются в том, чтобы рассмотреть различные ситуации употребления слова «право» в его понимании как права субъекта, а потом попробовать изложить тот же смысл, что присутствует в этом контексте, но уже другими словами. В итоге должно получиться синонимичное объяснение слова «право», то есть понимание его сущностного значения.

Именно этот метод является основным методологическим инструментом составителей словарей, и если бы у них было больше времени на его применение для анализа каждого слова, то никакой бы проблемы в понимании слова «право» не возникло.

Активно используется данный подход и в исследовании чужеземных, а также всех древних, в том числе утраченных, языков. Так почему бы не проверить его эффективность для установления значения всего одного слова и, к тому же, из хорошо известного родного языка? Мы никаких препятствий этому не видим.

Единственное, что требуется для такого независимого исследования, – это найти подходящий жизненный контекст употребления слова «право», который должен соответствовать определённым требованиям.

Он по возможности должен исключать использование шаблонов, штампов и стереотипов юридического мышления, которые сформировались в теории и философии права, а также практической юриспруденции.

§ 2.2. Установление сущности субъективного права и апробация его нового понятия

Независимое установление значения слова «право» в его субъективном понимании проводилось путём поиска ответов на вопросы о том, *что хочет подчеркнуть* обладатель права в ситуации, когда ему приходится отстаивать своё право, и *что хочет сказать* человек, который оспаривает право другого лица.

Важным условием, которое должно обеспечить продуктивность данного метода, является подбор таких действующих лиц, которые юридическим образованием не обременены, в силу чего в споре о наличии либо отсутствии права, они, как предполагается, должны оперировать не общеизвестными юридическими формулировками, а обычными словами.

Помимо этого, подбирая практические примеры, мы намеренно избегали контекста отстаивания либо оспаривания прав в суде, где эти вопросы рассматриваются с юридической точки зрения. В качестве рабочего материала были использованы ситуации столкновения интересов вне рамок судебного процесса. Их можно разделить на два вида.

В ситуациях первого вида имеют место конфликты так называемых законных интересов, то есть таких, которые признаются законом и за защитой которых можно впоследствии обратиться в суд.

Анализ данных ситуаций показал, что стороны конфликта вначале обычно прибегают к юридическим доводам, а если этого оказывается недостаточно, то переходят к жизненным аргументам.

В числе такого рода жизненных аргументов часто приводятся наличие либо отсутствие морального права, нравственной обоснованности, призывы к совести, чувству справедливости, подчёркиваются жизненная, нравственная правильность, правота своей позиции и неправильность нравственной позиции оппонента.

В ситуациях второй разновидности фигурируют менее значимые интересы, которые законодательством специально под охрану не поставлены.

Эти интересы также можно отстаивать в суде, но обычно это не делается, поскольку юридические аргументы в такой ситуации может привести далеко не каждый человек, да и степень значимости этих интересов является не настолько высокой, чтобы ради них стоило ввязываться в длительные судебные споры. Поэтому обычные люди в случае конфликта таких интересов, как правило, сразу начинают делать акцент на

моральной стороне вопроса, взывая к таким же жизненным аргументам, как и в конфликтной ситуации первого вида.

Помимо этого в таких ситуациях зачастую используются и иные доводы, но, когда они оканчиваются, либо их оказывается недостаточно, конфликт всё равно приобретает характер нравственного спора, ключевыми аргументами в котором являются нравственная правильность (правильность по жизни, по совести, по справедливости, и т.д.) и нравственная неправильность (это нечестно, не по совести, несправедливо)⁵⁹.

Осмысление указанных выше аргументов позволило выделить в значении слова «право» такой его аспект, как правильность с нравственной точки зрения. Именно к этому аспекту как основному аргументу апеллируют участники споров о наличии права.

К данному пониманию этого аспекта очень близко подошёл В.Н. Протасов. По его мнению, «в слово "**право**" исторически закладывался идеальный **смысл начал добра, правды, справедливости**. Не случайно слова "**правда**", "**справедливое**", "**правильное**" имеют один корень»⁶⁰.

Приведённый фрагмент его творчества указывает на то, что для установления значения слова «право» в его субъективном понимании как права на что-либо данный учёный фактически использовал тот же лингвистический подход, который был использован выше и в нашем исследовании. Однако двигаться дальше и применять этот метод для более глубокого анализа полученных результатов он, к сожалению, не стал.

Далее. Внимательный анализ споров о наличии либо отсутствии права на что-либо позволил выделить очень важную особенность тактики проведения этих нравственных баталий.

⁵⁹ «Где же примеры?» – может подумать в данном месте работы дотошный читатель. Но эти примеры есть и их достаточно много. При наличии наблюдательности и способности к аналитике их можно обнаружить в любом общественном месте, где может возникнуть ситуация конфликта интересов, например, в дебатах на бесплатной парковке у многоквартирного дома, особенно зимой, и т.д. (*прим. авт.*).

⁶⁰ Протасов В.Н. Указ. раб. С. 2.

Образованные люди могут вести их очень умело, и в некоторых случаях они вначале апеллируют к абстрактному представлению о должном (правильном) с нравственной точки зрения (1) и только после этого пытаются обосновать применимость либо неприменимость данного представления о должном к спорной ситуации, к конкретному лицу (2).

Эти два момента имеют отдельное самостоятельное значение, ибо именно они в конечном итоге и решают исход спора.

Проведённое с Божьей помощью⁶¹ обобщение полученной смысловой фактуры, присутствующей в контексте споров о наличии либо отсутствии субъективного права на что-либо, позволило сформулировать следующее понятие субъективного права, которое **полностью соответствует всем вариантам его употребления** в теории и философии права, практической юриспруденции, а также нравственных дискурсах о его наличии, которые имеют место в обычной жизни.

Субъективное право – это представление о должном (правильном) с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым субъект права: 1) должен иметь возможность пребывать в определённом состоянии; 2) должен иметь возможность осуществлять поведение, определяемое видом права; 3) должен иметь свободу, определяемую видом права; 4) должен получать от других лиц определяемое видом права содействие своему существованию и обеспечению его качества; 5) не должен подвергаться определяемому видом права принуждению или иному негативному воздействию; 6) должен получать определяемые видом права блага; 7) должен иметь к себе уважительное отношение... и т.д.

В данном понятии под субъектом права следует подразумевать физическое либо юридическое лицо, в отношении которого применимо это представление о должном (правильном) с нравственной точки зрения.

⁶¹ «Всякая премудрость – от Господа». Книга Премудрости Иисуса, Сына Сирахова. Ветхий Завет. Синодальный перевод Библии. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Sir.1&r> (дата обращения: 04.02.2024).

Основанием для применения к лицу этого представления, т.е. основанием для распространения действия этого представления на конкретное лицо, являются определённые жизненные обстоятельства, которые принято именовать юридическими фактами.

Перечень различных значимых для субъекта права аспектов его социального бытия, упоминаемых в общем понятии субъективного права, пока должен оставаться открытым.

В действительности существует значительно большее число их обобщённых разновидностей, нежели это приведено в общем понятии прав субъекта.

И это при том, что, работая в данном направлении, мы, не очень утруждая себя, установили далеко не все эти разновидности, а только те, которые смогли выявить при достаточно поверхностном подходе к этому вопросу («зряше поверх», – сказали бы в данной связи русские философы права конца XIX века). Составление полного списка обобщённых разновидностей прав субъекта, упоминаемых в понятии данного права, требует отдельной длительной работы и является делом будущего.

Полученное понимание сущности субъективного права способно наполнить реальным содержанием любую конкретную разновидность прав субъекта.

Право человека на жизнь – это представление о должном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым любой человек должен иметь возможность жить до тех пор, пока жизнь его не будет прекращена по естественным причинам или по воле случая, то есть без вмешательства других людей.

Право собственности – это представление о должном (правильном) с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым возможно владеть, пользоваться, распоряжаться имуществом должен обладать его собственник.

Право на тайну переписки, телефонных переговоров – это представление о должном с нравственной точки зрения

состоянии социальной действительности, в соответствии с которым человек должен иметь неприкосновенными для других людей сведения, передаваемые посредством переписки и телефонных переговоров.

Право на правомерную оборону – это представление о должном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым любой человек должен иметь возможность без последующего привлечения к ответственности защищать себя, свои ценности, других людей, их ценности путём причинения вреда посягающему.

Избирательное право – это представление о правильном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым любой гражданин должен иметь возможность «избирать и быть избранным, а также участвовать во всех мероприятиях по подготовке и проведению выборов»⁶².

Право на зарплату, алименты, наследство, компенсацию ущерба, отпуск, пенсию и т.д. – это представление о правильном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым субъект права должен получить положенные ему блага.

Право на справедливое судебное разбирательство – это такое представление о должном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым судебное разбирательство по делу каждого лица должно быть честным, непредвзятым, осуществляться независимым составом суда и в максимально возможные короткие сроки.

Право на медицинскую помощь – это представление о правильном с нравственной точки зрения состоянии действительности, в соответствии с которым любой человек, имеющий травму или функциональное расстройство состояния здоровья должен получить медицинскую помощь.

⁶² Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: учеб. пособие /Под общ. ред. М.С. Савченко. Краснодар: КубГАУ, 2015. С. 6.

Право на уважение – это представление о правильном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым субъект права должен иметь уважительное отношение к себе, своим чести, достоинству, своей стране и т.д.

Право на имя⁶⁵, право на личную неприкосновенность, право не подвергаться принуждению к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них, право не свидетельствовать против себя и своих близких, право на равное с другими отношение, авторское право, право отстаивать свои права в суде, право заключённого на свидание, право..., право..., право...

Какой бы пример мы ни рассматривали, полученное представление о сущности прав субъекта демонстрирует способность наполнить правильным пониманием, реальным содержанием понятие субъективного права любой его разновидности. Но здесь мы никакие примеры более приводить не будем.

Надеемся, что читатель не ожидает от нас того, что в данной работе мы детализируем содержание абсолютно всех субъективных прав. Научный труд философско-правового характера такого подвига не предполагает. Данную работу постепенно будет проводить большое число узкопрофильных отраслевых специалистов. Поэтому здесь мы ограничились приведением лишь тех примеров, которые минимально необходимы и достаточны для пояснения сформулированного понятия прав субъекта.

Вместо экстенсивной работы по детализации содержания отдельных видов этих прав мы предлагаем рассмотреть перспективы изложения полученного общего понятия субъективного права в более лаконичной форме, что представляется весьма актуальным с точки зрения обеспечения удобства его использования в научных дискуссиях, образовательном процессе и повседневном обиходе.

⁶⁵ См.: Статья 7 Конвенции о правах ребенка. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 19.10.2024).

Шаг первый. Следуя в данном направлении, прежде всего необходимо понять, что являет собой «представление о должном (правильном) с нравственной точки зрения состоянии действительности».

По нашему мнению, такое представление есть не что иное, как существующий в сознании образ, то есть теоретическая модель должного состояния действительности, которая является правильной с нравственной точки зрения. Или, если ещё более кратко, то это нравственно правильная модель действительности.

Данный шаг уже позволяет предложить **более краткое общее понятие субъективного права – это нравственно правильная модель действительности**, в соответствии с которой субъект права: 1) должен иметь возможность пребывать в определённом состоянии; 2) должен иметь возможность осуществлять поведение, определяемое видом права; 3) должен иметь свободу, определяемую видом права... и т.д.

Но мы продолжаем работу и следуем дальше.

Шаг второй. С содержательной стороны эта модель как представление о должном выражает нравственное требование, определяющее, какими возможностями должен обладать субъект права, какое содействие других людей он должен получить в его социальной жизни и т.д.

Шаг третий. Теоретическая модель должного, которая устанавливает какие-либо требования, представляет собой не что иное, как правило.

Модель должного всегда предъявляет какое-либо требование и является правилом, ибо, в противном случае, она не может называться моделью должного. Например, **правила дорожного движения представляют собой модели должного поведения** участников этого движения, т.е. устанавливают для них требование обязательного исполнения данных моделей.

Шаг четвертый, он же заключительный. Принимая во внимание вышеизложенное, понятие субъективного права представляется возможным сформулировать достаточно лаконично – это нравственное правило, выражающее требование к

тому, какими возможностями должен обладать субъект права, какое содействие он должен получить от других лиц и т.д.

Использование этой краткой интерпретации общего понятия субъективного права является очень удобным.

Право на жизнь – это нравственное правило, в соответствии с которым считается нравственно правильным, что каждый человек должен иметь возможность жить...

Право собственности – это нравственное правило, согласно которому возможностью владеть, пользоваться, распоряжаться имуществом должен обладать собственник имущества. И так далее.

Данная краткая интерпретация субъективного права позволяет сформулировать понятие и «**пра́ва иметь права́**». Полная развёрнутая форма понятия субъективного права также позволяет дать понятие «пра́ва на права́», но оно будет чрезмерно громоздким. Поэтому для этой цели лучше использовать краткую версию понятия субъективного права.

Право иметь права́ – это общее нравственное правило, согласно которому лицо должно обладать возможностью получать в отношении себя действие других нравственных правил, выражающих требование к тому, какими конкретными возможностями оно должно обладать, какое конкретное содействие должно получить от других лиц и т.д.

Между тем, помимо этого краткого варианта, имеется ещё один особый, максимально сконцентрированный по смыслу вариант, который способен охарактеризовать сущность субъективного права посредством всего двух ключевых слов. Эти два слова – «нравственная правильность».

Понятие прав субъекта, построенное с их использованием, выглядит следующим образом: «Субъективное право – это нравственная правильность должного состояния значимого для лица аспекта его социального бытия».

Например, это нравственная правильность того, что: каждый человек должен иметь возможность жить...; собственник должен иметь возможность владеть, пользоваться, распоряжаться...; лицу должен быть предоставлен отпуск... и т.д.

Обычные люди никогда не мыслили и не будут мыслить многословными научными формулировками, которые используются в философии права и теории права. Массовое сознание очень прагматично, а значит, немногословно, но конкретно.

Поэтому, когда у человека возникает вопрос о том, имеет он право поступить определённым образом или нет, для него это всегда является вопросом о том, насколько такой поступок будет правильным именно с нравственной точки зрения.

Вопрос о том, по какому праву кто-либо вмешивается в решение какой-либо проблемы, также всегда является вопросом о том, является ли такое вмешательство правильным прежде всего с нравственной точки зрения или же нет.

Понятие субъективного права как нравственной правильности – это и есть тот изначальный вариант представления о должном с нравственной точки зрения, который прежде всего возникает в сознании человека. Поэтому именно с понимания субъективного права как нравственной правильности мы начинали свой путь постижения сущности этого довольно сложного явления.

В завершение вопроса об установлении сущности субъективного права представляется возможным привести ещё один удобный вариант простого и понятного самому обычному человеку его понятия: **субъективное право** – это действующее в отношении субъекта права **нравственное правило**, согласно которому он должен иметь определяемые этим правом возможности, содействие, отношение и т.д.

Возможны и другие стилистически удобные варианты понятия субъективного права, например, – это **нравственное правило**, определяющее, какими возможностями должен обладать субъект права, какое содействие он должен получить и т.д.

Главное, о чём всегда необходимо помнить при конструировании понятия субъективного права, – это его нравственная правильность. Только так можно воспрепятствовать попыткам деструктивно мыслящих элементов навязать установление в обществе таких правил, которые с подлинными нравственными устоями нашей жизни ничего общего не имеют.

ГЛАВА III. ПРАВА СУБЪЕКТА КАК ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДОЛЖНОМ В КОНТЕКСТЕ СЛОЖИВШИХСЯ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ

Новое знание должно не только встраиваться в существующую систему знаний, но и выводить её на новый уровень осмысления действительности, предлагая новое понимание ранее казавшихся незыблемыми её постулатов.

И.П. Семченков

§ 3.1. Права субъекта как представление о должном и традиционно выделяемые функции субъективного права

Функциональное значение полученного нами понимания субъективного права как представления о должном с нравственной точки зрения полностью соответствует тому функциональному значению, которое традиционно признаётся присущим праву субъекта на что-либо.

Во-первых, субъективное право выполняет функцию нравственного основания, дозволяющего, например, совершать определённые действия, и придаёт этим действиям нравственную обоснованность.

Во-вторых, оно выполняет функцию меры дозволяемого с нравственной точки зрения поведения, которая определяет нравственные границы (пределы) этого поведения.

Третья его функция состоит в том, что понимание субъективного права как представления о правильном с нравственной точки зрения используется в обществе в качестве нравственного ориентира.

В-четвертых, оно является внутренним нравственным регулятором поведения людей.

В литературе упоминаются и другие функции субъективного права. Их также несложно выявить из сущности субъективного права как представления о должном (правильном) с нравственной точки зрения. Ранее все эти виды функционального предназначения субъективного права были приведены в

различных его понятиях, в каждом из которых, как правило, было отдано предпочтение какой-либо одной из выполняемых правом функций. В этом нетрудно убедиться, если вспомнить те варианты понятий, которые были проанализированы в первой главе настоящей работы.

В отличие от этого полученному общему представлению о природе субъективного права присущи одновременно все известные виды функционального значения прав субъекта. Все их в принципе можно было бы включить в предложенное понятие субъективного права, но мы не делаем этого потому, что такое понятие будет чрезмерно громоздким и неудобным. Функциональное предназначение субъективного права лучше рассматривать отдельным вопросом.

Помимо тех функций субъективного права, которые традиционно выделяются большинством специалистов, полученное понимание сущности прав субъекта позволяет выделить ещё одно его довольно редко упоминаемое в литературе функциональное предназначение. Это нравственное оправдывание⁶⁴, которое исключает возможность ответного упрёка, осуждения.

Данная функция присуща субъективному праву, например, на причинение вреда при необходимой обороне, крайней необходимости. Но не только. Функция нравственного оправдывания, исключающая упрёк, осуждение присуща большому числу и тех, встречающихся в жизни, субъективных прав, которые в нормативных актах не упоминаются. Например, это право не пропускать вне очереди тех, кто не имеет уважительных причин на внеочередное обслуживание. Право на нравственно обоснованный упрёк в неподобающем поведении также исключает право на ответный упрёк и т.д.

При этом следует иметь в виду, что не все упоминаемые в литературе функции субъективного права могут быть одновременно присущи каждой его конкретной разновидности.

Содержание отдельных видов прав субъекта делает это невозможным.

⁶⁴ См.: Алексеев С.С. Философия права. М.: НОРМА, 1998. С. 17.

Так, например, некоторые виды субъективных прав, имеющих охранительное предназначение, функцию дозволения иметь не могут. Об этом ранее было сказано в § 1.4.3 настоящей работы: «В подтверждение того, что функция дозволения присуща не всем субъективным правам, достаточно привести примеры хотя бы таких, закреплённых в основном законе нашей страны прав человека, как право не подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию (ст. 21 Конституции), право на неприкосновенность жилища (ст. 25 данного документа), право не подвергаться принуждению к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них (ст. 29 Конституции) и др. Совершенно очевидно, что основная функция этих прав по отношению к их обладателям является защитной, охранительной, а не функцией дозволения (разрешения) осуществления чего-либо».

Тот факт, что не все упоминаемые в литературе функции субъективного права могут быть одновременно присущи каждой его разновидности, даёт нам ещё один аргумент в пользу того, что функции субъективного права предпочтительнее рассматривать в рамках отдельного вопроса.

§ 3.2. Объяснение независимости естественного субъективного права от закона и государства

В теории и философии права принято полагать общепризнанным, что естественное субъективное право не зависит ни от закона, ни от государства. Естественные права, – указывал в данной связи британский философ, профессор моральной философии Оксфордского университета Томас Грин, – это права, «которые остаются правами, несмотря на то, что какое-либо конкретное государство или все государства отказываются их признавать»⁶⁵; «Права, относящиеся к естественным, ...

⁶⁵ *Green T. Lectures on the Principles of Political Obligation. 1901. С. 351.*

существуют как таковые, независимо от того, закреплены они где-либо или нет»⁶⁶, – отмечал по данному поводу наш соотечественник, профессор В.Н. Протасов.

Данная независимость каким-то образом, – каким именно детально никто не поясняет, – увязывается с тем, что естественное субъективное право имеет своими истоками природу (естество) человека и мироздания (мироустройства), ввиду чего его и стали называть естественным.

На самом же деле в объяснении независимости естественных прав субъекта от законодательных установлений ничего сверхсложного нет. Если рассматривать данный вопрос с точки зрения полученного понимания сущности субъективного права, то ответ на него сразу становится очевидным. Ни закон, ни государство не властны над естественным субъективным правом потому, что оно являет собой представление о должном с нравственной точки зрения, а это представление, будучи одним из проявлений нравственного, формируется массовым сознанием и существует независимо от государства и закона, а в некоторых случаях не только независимо, но и вопреки воле и мнению отдельных правителей и иных государственных деятелей.

Благодаря своей высокой объяснительной способности предложенное понятие субъективного права как нравственного правила способно решить задачу объяснения независимости естественных прав субъекта от законодателя и без упоминания природы человека и мироустройства.

При этом необходимо отметить, что приведённое пояснение этого ранее непростого, а теперь достаточно простого вопроса не следует рассматривать как отрицание того, что независимость естественного права субъекта имеет своими истоками естество человека и нашего мира. На самом деле истоками этой независимости действительно являются именно они, но для того, чтобы убедиться в этом, необходимо дочитать данную книгу до конца. Поэтому приведение здесь данного объяснения

⁶⁶ Протасов В.Н. Указ. раб. С. 10.

следует рассматривать всего лишь в качестве примера, демонстрирующего высокую объяснительную способность, высокий потенциал сформулированного понятия прав субъекта, но не как попытку опровергнуть либо подменить традиционный подход к решению данного вопроса.

§ 3.3. Субъективное право как представление о должном и другие точки зрения о его сущности

Понятие прав субъекта как представления о должном с нравственной точки зрения демонстрирует ещё одно своё достоинство. Оно удивительно легко встраивается на место ранее отсутствовавшего ключевого элемента во многие другие понятия субъективного права.

К такого рода понятиям, из числа приведённых в настоящей работе, относятся понятия, которые построены на открытой подмене тезиса. Авторами данных понятий являются Л.М. Энтина, Л.А. Морозова, В.Н. Трофимов, М.С. Савченко, Ю.И. Лейбо, В.П. Панов, О.Г. Румянцев, М.В. Баглай, В.П. Грибанов, Т.Ю. Дьякова, М.В. Афонин, В.Е. Чиркин, Г. Лаутерпахт, В.Н. Додонов, Е.Г. Шаблова, О.В. Живняк, Л.И. Филюшенко и другие.

Понятие субъективного права как представления о должном устраняет пробелы, имеющиеся в данных понятиях, и выводит их на новый уровень теоретической и практической значимости, актуальности.

Понимание субъективного права как представления о должном с нравственной точки зрения конкретизирует понятие субъективного права как нравственного ценностного ориентира, ценности (Г. Гроций, Е.А. Лукашева и её соавторы – Т.А. Васильева, В.А. Карташкин, Н.С. Колесова, Н.В. Колотова, И.А. Ледях, В.С. Нерсисянц, В.М. Савицкий, Н.Г. Салищева).

Очень близко к пониманию субъективного права как представления о должном подошла Т.В. Мельникова, по мнению которой, «Право как общественный идеал – это совершенный

образец поведения членов общества»⁶⁷. Но образцы бывают различными. Некоторые из них – это примеры для подражания, в том числе подвиги. Они поощряемы, но требовать их нельзя. Другие – обязательные правила. О каком из них говорится в данном случае, не конкретизировано. А это важно, поскольку право субъекта представляет собой не просто образец (ориентир) поведения, а **модель должного, которая выражает требование** к тому, какими возможностями должен обладать субъект права, какое содействие он должен получить и т.д.

К тому же данный автор сводит право как идеал к образцу одного только поведения, а право охватывает собой намного большее число аспектов социального бытия субъекта права. Однако, если рассматривать её точку зрения в целом и не вдаваться при этом в детали, то она представляется правильной, поскольку субъективное право действительно являет собой образец. Ещё одно совпадение с правильным пониманием субъективного права проявляется у данного автора в том, что и в цитируемой, и других своих работах она говорит о праве субъекта как общественном идеале, который выполняет в обществе функции нравственного ориентира, регулятора.

На таком же глубинном уровне совпадает наше понимание субъективного права как идеальной модели должного и с мнением Г.А. Торгашева, который также полагает, что субъективное право является идеалом: «Под естественным правом понимаются идеальные факторы права, которые ... существуют в сознании субъекта (правосознании) как его установки, как идеал»⁶⁸.

А в ещё одном своем высказывании данный автор вообще практически вплотную подходит к истинному пониманию сущности субъективного права как представления о должном. Об

⁶⁷ Мельникова Т.В. Право как общественный идеал //Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 76.

⁶⁸ Торгашев Г.А. Философия права: курс лекций /Академия Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. М.: Проспект, 2017. С. 12.

этом свидетельствует следующая цитата из его творчества: «Не требует особых доказательств утверждение о том, что право предполагает следование должному»⁶⁹.

Фактически в этом высказывании идёт речь о функциональном значении права, под которым подразумевается нечто такое, что требует следования должному.

Это, конечно, подмена тезиса, но такая особая, что от истины её отделяет всего один вопрос: «Что именно представляет собой право как нечто такое, что предполагает следование должному?» И очень жаль, что автор перед собой этого вопроса не поставил. Но если бы он задался этим вопросом, то обязательно бы понял, что следование должному может определяться только представлением о должном (правильном), которое и составляет суть субъективного права, и, помимо этого, больше ничем.

Изучение имеющихся в нашем распоряжении источников показало, что очень многие авторы практически вплотную подошли к решению задачи установления сущности субъективного права, и до её успешного решения им не хватило самой малости, всего одного шага, всего одного правильно поставленного вопроса и, разумеется, ответа на него.

Очень близкой к пониманию субъективного права как представления о должном оказалась точка зрения, выражающая взгляды О.Г. Данильяна, Л.Д. Байрачной, С.И. Максимова: «Правовая идея есть данность нашего сознания, имеющая определённый смысл, выражающий в самом общем плане момент долженствования»⁷⁰. Если бы они конкретизировали правовую идею о должном, то, также как и Г.А. Торгашев, вполне смогли бы получить практически такое же понятие прав субъекта, как и в нашей работе.

Пока же их общее понимание субъективного права как идеи о должном совпадает только с кратким вариантом понятия

⁶⁹ Торгашев Г.А. Указ. раб. С. 6.

⁷⁰ Философия права: Учебник /Под ред. О.Г. Данильяна. М.: Эксмо, 2005. С. 227.

субъективного права как представления о должном, который мы используем во избежание громоздких формулировок. Но зато как совпадает, – практически буквально.

Отдельного упоминания заслуживают точки зрения тех авторов, которые, также как и мы, рассматривают права человека в качестве определённых правил.

Одна из них представлена в юридической энциклопедии: **«Права человека – совокупность правил... они представляют собой комплекс прав и свобод»⁷¹.**

В рамках данной точки зрения права человека сначала рассматриваются как правила, а потом эти правила вновь рассматриваются в качестве прав.

Такая трактовка указывает на то, что её авторы конкретного представления о сущности прав человека как правил не имеют, ввиду чего и рассуждают по логически замкнутой на себя схеме: права человека – правила – права⁷². С чего начали, к тому и вернулись: права – это права. Для уяснения сущности прав человека как правил подобный подход является неприемлемым.

Данное обстоятельство позволяет не учитывать эту позицию в качестве тождественной нашему пониманию субъективного права как **действующего в отношении субъекта права нравственного правила, согласно которому он должен иметь определяемые этим правом возможности, содействие, отношение и т.д.**

Рассмотренный выше недостаток точки зрения, приведённой в юридической энциклопедии, отсутствует в понятии прав человека как правил, которое преподают в российских детских садах и школах.

⁷¹ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА | это...Что такое права человека? – URL: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/8338/права_человека (дата обращения: 04.02.2024).

⁷² Употребление в данном контексте слова «свободы» является излишним, поэтому в данном случае мы на него внимания не обращаем. Объяснение этого нюанса приведено в **§ 3.7. Совместное упоминание прав и свобод как однородных категорий является неверным** (*прим. авт.*).

Например, «права человека – это правила, по которым живёт он сам и окружающее его общество людей»⁷³.

Данное понятие, будучи преподносимым детям, конечно же, идеализировано, ибо в действительности, к сожалению, не все люди соблюдают эти правила. Однако, если бы его автор – воспитатель Шевелева Ирина Николаевна – знала, что представляет собой деонтологический аспект прав человека, то, как нам кажется, вполне смогла бы сформулировать абсолютно правильное их краткое по содержанию понятие: права человека – это действующие в отношении каждого человека правила, по которым **должны** жить люди в обществе. Что сказать? Браво, Ирина Николаевна! Браво, наши воспитатели наших детей!

К такому понятию осталось бы добавить всего лишь два момента: указание на нравственный характер этих правил и упоминание того, что к настоящему времени данные правила нормативно закреплены в международных конвенциях, декларациях и отечественном законодательстве.

После опубликования настоящей работы у воспитателей появится возможность рассматривать вопрос о правах человека не только посредством приведения их примеров, как это делается в настоящее время, но и путём разъяснения их сущности.

Встречаются в литературе и такие точки зрения о сущности субъективных прав как правил, оценка которых представляется весьма неоднозначной и требует довольно подробных комментариев.

Например: «Субъективное право представляет собой комплексную категорию, в качестве структурных элементов которой выступают правила возможного, должного, недопустимого поведения субъектов»⁷⁴.

⁷³ Конспект открытого занятия "Я и мои права". URL: <https://multiurok.ru/files/konspekt-otkrytogo-zaniatiia-ia-i-moi-prava.html> (дата обращения: 04.02.2024).

⁷⁴ Ромашев Р.А. Теория государства и права. Краткий курс. 2-е изд. / Р.А. Ромашев. – Санкт-Петербург: «Питер», 2010. С. 10. – URL: <https://iknigi.net/avtor-roman-romashov/29455-teoriya-gosudarstva-i-prava-kratkiy-kurs-roman-romashov/read/page-10.html> (дата обращения: 18.02.2024).

С тем, что одной из разновидностей субъективного права является правило возможного поведения, мы полностью согласны. Однако, что касается «правил должного и недопустимого поведения», то в данной связи следует отметить, что таких субъективных прав, принадлежащих субъекту права, не существует и существовать не может в принципе.

Объясняется это тем, что правило, предписывающее должное поведение, представляет собой не что иное как обязанность, которая в качестве субъективного права рассматриваться не может. Здесь даже само слово «должное» означает «обязательное». Аналогичным образом и «правило недопустимого поведения» также относится не к субъективному праву, а к субъективной обязанности, запрещающей такое поведение (запрет всегда предполагает обязательность его исполнения).

Ещё одним подтверждением того, что «правила должного и недопустимого поведения» относятся не к правам, а к обязанностям, является тот факт, что они не допускают вообще никакой свободы воли субъекта. Они являются безальтернативно обязательными к исполнению, соблюдению, что отличает их от субъективных прав, которые допускают определённую свободу воли и поведения их обладателя. Субъективное право разрешает определяемое им поведение субъекта права, а не запрещает его либо делает обязательным.

В этом месте дотошный читатель может отметить, что любое право субъекта на поведение всё равно содержит в себе элемент запрета. Это запрет на выход за рамки того поведения, которое определяется соответствующим правом. Совершенно верно. Однако здесь следует иметь в виду, что этот запрет является условием реализации права субъекта, а не составляет его основное содержание, которое предоставляет возможность действовать по собственному усмотрению в дозволяемых правом пределах. При этом данный запрет распространяется исключительно на поведение в виде «выхода за рамки», но не на то поведение, которое дозволяется правом субъекта.

Во избежание ошибок, выявленных в рассматриваемом понятии субъективного права как правила, необходимо очень

чётко понимать как общие моменты, присутствующие у субъективных прав и субъективных обязанностей, так и присущие им отличия.

Субъективное право и субъективная обязанность являются совершенно одинаковыми в том смысле, что являются правилами, а суть любого правила составляет момент долженствования, – и те, и другие есть представление о должном, которое предъявляет соответствующее требование. А далее идут их отличия: право субъекта на определяемое этим правом поведение предъявляет требование к обеспечению возможности субъекту самому на своё усмотрение решать вопрос об осуществлении либо неосуществлении определяемого правом поведения; обязанность субъекта как представление о должном предписывает соответствующее поведение только в качестве обязательного.

К сожалению, встречающиеся в различных источниках варианты трактовки субъективных прав как правил прочной теоретической основы в виде фундаментальных исследований не имеют, по причине чего носят преимущественно интуитивный характер своего происхождения и обладают всё теми же недостатками в виде неопределённости смысла (содержания), наличия противоречий и неправильностей, неполноты, а также подмены тезиса и несоответствия действительности.

При этом ни одна из данных точек зрения развёрнутого понятия субъективного права, как это сделано в нашей работе, не предлагает и детально его сущность именно как **нравственного** правила не поясняет.

Наличие данных недостатков и привело к тому, что субъективное право как правило в актуальных научных трудах и образовательных материалах не упоминается.

Приведённый выше довольно принципиальный и детальный критический анализ иных точек зрения, трактующих субъективные права как правила, следует воспринимать исключительно в качестве конструктивного, во благо, на пользу дела, и не рассматривать его как способ умаления заслуг наших предшественников, которые первыми стали говорить о субъективном праве как о правиле.

Наш вклад состоит не в том, что мы первыми предложили рассматривать субъективное право как правило, – мы впервые предложили развёрнутое научное обоснование правильности их позиции, наполнили её реальным содержанием, вдохнули в неё жизнь и, что представляется немаловажным, показали неприемлемость других точек зрения о сущности прав субъекта, то есть, как это отмечается в аннотации к данной работе, впервые предложили надлежащее решение в целом всей проблемы неоднозначного понимания сущности субъективного права, а это решение не может быть сведено к одному лишь предложению считать права субъекта правилами.

Поэтому, несмотря на конструктивную критику творчества наших предшественников, на самом деле мы очень им благодарны и за их научную прозорливость, и за научную смелость. Именно такие люди обеспечивают начало прорывного прогресса.

§ 3.4. Субъективное право как представление о должном и нормативные акты

Сформулированное в настоящей работе понятие субъективного права полностью соответствует духу множества важных нормативных документов, посвящённых провозглашению и юридическому закреплению прав человека, к числу которых относятся билли, пакты, хартии, декларации, конвенции, национальные конституции и иные основанные на них нормативные установления. Но не только.

Помимо соответствия их «духу» данное понятие прав субъекта позволяет наполнить положения этих важных нормативных актов реальным содержанием, избавиться от недостатков, присутствующих в описании различных прав, провозглашаемых этими документами.

В этом нетрудно убедиться на примере того, каким образом провозглашается право человека на жизнь в Европейской конвенции по правам человека.

Статья 2 этого документа называется не «О праве на жизнь», не «О признании права на жизнь и необходимости его соблюдения», а «Право на жизнь». Это название указывает на то, что содержание данной статьи прежде всего должно отвечать на вопрос о том, что именно представляет собой право человека на жизнь, однако ответ на этот заглавный вопрос в этой норме не приводится: «1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишён жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание»⁷⁵.

Данная статья демонстрирует несоответствие между её названием и содержанием, а также то, что ответ на вопрос, заявленный в заголовке статьи, в её содержании отсутствует.

Но эта ситуация поправима. Для этого необходимо и достаточно отразить в данной статье сформулированное нами понятие права на жизнь и немного подкорректировать содержание других положений этой нормы. Выглядеть результат такого усовершенствования может, например, следующим образом:

«1. Право на жизнь – это нравственное правило, в соответствии с которым признаётся нравственно правильным, что каждый человек должен иметь возможность жить до тех пор, пока жизнь его не будет прекращена по естественным причинам или по воле случая, то есть без вмешательства других людей.

Это правило начинает применяться к любому лицу с момента его рождения и сохраняет своё действие на протяжении всей его жизни.

2. Несоблюдение этого правила в виде виновного причинения либо непредотвращения смерти должно быть наказуемо по уголовному законодательству каждого государства».

⁷⁵ Ст. 2 ЕКПЧ: Европейская конвенция по правам человека – "Конвенция о защите прав человека и основных свобод" (Рим 04.11.1950) /КонсультантПлюс: оф. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 05.02.2024).

Для того, чтобы не повторять из раза в раз одно и то же, все общие моменты, характеризующие права человека, а также упоминание об ответственности за нарушение этих прав можно вынести в несколько общих норм. Пандектный принцип построения законов, нормативных актов является универсальным и использовать его в конвенциях, декларациях никто не запрещает.

Если Организации Объединённых Наций или Совету Европы потребуется помощь в переформатировании содержания принятых ими деклараций, конвенций, подготовленных ими разъяснений, то её без труда сможет оказать любой творчески мыслящий юрист, ознакомившийся с настоящей работой и принявший на вооружение манеру мышления её автора.

§ 3.5. Оценка соответствия полученного понятия прав субъекта иным философско-правовым воззрениям

В предыдущих параграфах настоящей главы было показано, что предлагаемое нами понятие субъективного права: имеет функциональное значение, которое соответствует ранее сложившимся представлениям о его функциях; восполняет пробелы многих других понятий прав субъекта, конкретизирует, уточняет их содержание; полностью соответствует смыслу всех принятых относительно прав человека международных нормативных документов и позволяет наполнить эти документы реальным содержанием.

Это означает, что мы, другие авторы, разработчики нормативных актов и лица, их утверждавшие, одинаково воспринимаем реалии социальной действительности, одинаково понимаем функциональное значение субъективного права и даём ему одинаковую оценку как нравственного регулятора, нравственного ориентира и значимой для людей нравственной ценности.

На этот момент здесь обращается внимание не просто так. Каждый из нас действовал независимо от других, в разные

времена, эпохи, в различных странах, и если наше понимание субъективного права совпадает, то случайностью это назвать невозможно.

Такое совпадение следует оценивать иначе, а именно, как весомый показатель правильности полученных всеми нами результатов.

§ 3.6. Естественное субъективное право и объективное (юридическое) право субъекта

Естественное субъективное право представляет собой нравственное правило (см. § 2.2. Установление сущности субъективного права и апробация его нового понятия). Объективное право субъекта представляет собой правило, которое закреплено в законе, т.е. также правило. Из этого следует, что естественное субъективное право и объективное право субъекта являются совершенно одинаковыми в том смысле, что представляют собой теоретические модели должного (правила), которые призваны решать задачи управления социальной жизнью людей в обществе.

Естественное субъективное право, то есть то, которое от закона и государства не зависит, формируется массовым сознанием людей. Объективное право субъекта как теоретическая модель должного, которая закреплена в законе, формируется законодателем, т.е. также людьми. И в этом отношении они между собой также ничем не отличаются.

Естественное субъективное право принято называть естественным потому, что оно формируется людьми, и в нём проявляется естественная природа человека. Но объективное право субъекта также формируется людьми, и в нём также проявляется естественная природа человека. При этом все эти люди (и те, и другие) находятся в одинаковых условиях мироустройства (мироздания).

Какой же из этого следует вывод? Объективное право субъекта также и в такой же мере является естественным, как и

естественное субъективное право, которое в законе не закреплено. Неожиданно? Пожалуй, но неоспоримо.

Всё это свидетельствует о том, что разграничение естественного субъективного права и объективного права субъекта по признаку их естественности либо неестественности – это миф, заблуждение.

Объективное право субъекта также является естественным проявлением человеческой природы, но не большинства, а меньшинства, которое правит большинством и принимает законы. И тот факт, что мнение этого меньшинства указано в законе, не превращает объективное право субъекта в право неестественное. После закрепления в законе оно по-прежнему продолжает оставаться естественным выражением естественной сущности тех, кто принимает законы, а точнее, проявлением вонне естественного для них уровня нравственного, духовного развития. Так что же в объективном праве субъекта является неестественным? Ничего.

Объективное право субъекта также существует, поэтому и с этой точки зрения, то есть в смысле самого факта своего существования в своём естестве, оно от естественного субъективного права также ничем не отличается. При этом естественное субъективное право и объективное право субъекта также являются абсолютно одинаковыми и в части того, что представляют собой проявление естественной природы человека, существующего в одинаковых условиях мироустройства.

Данное обстоятельство указывает на то, что слово «естественное» неспособно отразить того истинного отличия, которое существует между представлением о должном, отражающем мнение большинства, и тем представлением о должном, которое закреплено в законе.

С учётом этого естественное субъективное право правильнее было бы называть не естественным, а **нравственным** субъективным правом (более привычно – **моральным** правом), и естественное объективное право субъекта – **законным** субъективным правом (правом по закону) либо просто **юридическим** правом субъекта.

В итоге их тандем даже звучать будет достаточно хорошо: моральное право и законное право; моральное право и право по закону; моральное право субъекта и юридическое право субъекта.

Данные названия позволяют очень просто и понятно описать воздействие морального и юридического субъективного права на их адресата, т.е. на человека, людей, которые в данном контексте выступают в качестве объекта управления:

- моральное право субъекта как нравственное правило оказывает воздействие на сознание человека, взывая к его совести, и привлечением к юридической ответственности не угрожает;
- юридическое право субъекта как юридическое правило оказывает воздействие на сознание индивида путём угрозы применения предусмотренных законом мер ответственности за его несоблюдение (нарушение).

Самым эффективным для решения задач управления является нравственное (моральное) правило, которое закреплено в законе, либо, что то же самое, юридическое правило, которое имеет нравственное обоснование.

Объясняется это тем, что такое **идеальное субъективное право, как сочетающее в себе все необходимые достоинства**, оказывает на объект управления двойное воздействие: и моральное, и юридическое в виде угрозы применения мер юридической ответственности.

Для характеристики **идеального субъективного права** хорошо подходит, например, следующая формулировка: **идеальное субъективное право** – это юридически закреплённая теоретическая модель социальной действительности, выражающая признание правильным с нравственной точки зрения того, что субъект права должен иметь...

Возможны и другие стилистические варианты понятия идеального субъективного права: юридически закреплённая теоретическая модель социальной действительности, выражающая нравственную правильность...; юридически закреплённая нравственно правильная теоретическая модель...; юридически закреплённая нравственная правильность того, что...;

юридически закреплённое нравственное правило, согласно которому...; и так далее.

Но в чём же в таком случае состоит отличие нравственного (морального) субъективного права и юридического (законного) права субъекта?

Первое их отличие заключается в том, что моральное субъективное право представляет собой проявление массового нравственного сознания большинства, а юридическое право субъекта – проявление индивидуального сознания правителя либо относительно небольшой группы людей, которые имеют реальную власть принимать законы.

Второе их взаимное отличие состоит в том, что они могут иметь различное содержание. Это отличие является следствием того, что по некоторым вопросам представление о должном, сформированное большинством, и представление о должном, имеющееся у законодателя, могут между собой не совпадать. В этих случаях объективное (юридическое) право субъекта нельзя признавать соответствующим представлению о нравственном, которое формируется массовым нравственным сознанием. Такое объективное право субъекта не может именоваться идеальным субъективным правом.

Особенно отчётливо это отличие проявляется при рабовладельческом и крепостном государственном устройстве, а также при различного рода диктаторских или идеологически авторитарных режимах.

Ретроспектива исторического процесса демонстрирует тот факт, что с течением времени всё большее число юридических прав субъекта начинает соответствовать тем представлениям о должном, которые присущи массовому нравственному сознанию.

Во всяком случае в нашей стране данная тенденция представляется очевидной. Проявляется это в том, что в нормативно-правовых установлениях нашего государства нет ни одного юридически закреплённого субъективного права, которое не было бы морально обосновано, то есть не имело бы правового статуса идеального субъективного права.

Третье их отличие заключается в том, что перечень и содержание юридических прав субъекта является конкретным и фиксированным, что обеспечивает единообразное их понимание и применение, а нравственное субъективное право таким достоинством не обладает (исчерпывающего детального перечня и фиксированного описания нравственного и, соответственно, моральных прав субъекта не существует).

Это последнее отличие указывает на некоторую неопределённость морального субъективного права. Однако в практическом плане эта неопределённость никаких особых проблем пока не создаёт, – в нашей стране все наиболее значимые моральные субъективные права, о чём было сказано выше, давно уже юридически закреплены, а, значит, имеют достаточную для практики конкретику упоминаемых в них аспектов социального бытия субъекта, являющегося их обладателем.

Начиная с XIX столетия в философско-правовой литературе всё чаще стали высказываться мнения о невозможности сформулировать понятие субъективного права.

Обобщённую характеристику этих точек зрения дал в 1914 году наш соотечественник, профессор И.В. Михайловский: «В чём заключается сущность субъективного права? Вопрос этот считается одним из наиболее трудных и спорных в нашей науке. Есть даже учёные, которые предлагают совершенно выбросить из науки понятие субъективного права, утверждая, что никаких субъективных прав в социальной жизни нет, а есть только обязанности, налагаемые на членов общества юридическими нормами»⁷⁶.

Одним из представителей современной философско-правовой доктрины, полагающим, что понятие субъективного права сформулировать невозможно, является И.В. Вегера, по мнению которой: «Определяя понятие прав человека, следует иметь в виду, что невозможно выработать какое-либо одно, единственно правильное его определение, поскольку данная

⁷⁶ Михайловский И.В. Очерки философии права. Том I. Томск. Изд. книжного магазина В.М. Посохина. 1914. С. 439.

категория содержит в себе различные аспекты (философский, моральный, политический, юридический и т.д.)»⁷⁷.

Содержание настоящей работы позволяет не согласиться с этим утверждением.

Предложенное нами понимание юридического субъективного права охватывает собою и философский, и моральный, и юридический аспект того, что называют правом субъекта. Политический аспект субъективного права мы не затрагиваем, но только потому, что он относится к сфере политологии, а не философии права и теории права. Однако той информации, которую мы представили выше для характеристики морального субъективного права и юридического субъективного права должно быть достаточно для рассмотрения и политического аспекта прав субъекта на что-либо.

Для этого достаточно проанализировать объективные и субъективные причины, по которым при том либо ином политико-экономическом устройстве общества содержание моральных прав субъекта и юридических прав по отдельным вопросам между собой не совпадают.

§ 3.7. Совместное упоминание прав и свобод как однородных категорий является неверным

Следует признать неверным употребление в одном словосочетании **в качестве однородных категорий** таких терминов, как «права человека» и «свободы человека».

Словосочетание «права и свободы» по своему содержанию является эклектичным, пытающимся объединить в одно целое **разноплановые**, в подавляющем большинстве случаев несочетаемые между собой категории, которые объединить в одно целое невозможно. **Право** человека – это **теоретическая модель** должного, а **свобода** представляет собой **реальное состояние действительности**, которое позволяет поступать по своему

⁷⁷ Вегера И.В. Указ. раб. С. 15.

усмотрению в пределах, определяемых соответствующим «правом на свободу». Трактовать свободу каким-либо иным образом неверно. Свобода как таковая всегда есть только возможность поступать по своему усмотрению. Именно в этом и состоит её сущность, и только в этом.

Традиция, манера употребления эклектичного словосочетания «права и свободы» сформировались благодаря многословию ораторов, которые вольно или невольно стремятся к использованию в своих речах максимально возможного количества слов, что, по их мнению, должно сделать их выступления яркими, содержательными и убедительными.

Данное стремление к многословию привело к уникальному в своём роде лингвистическому явлению. В словосочетании «права и свободы», **где под правами и свободами подразумевается нечто однородное**, слово «свобода» стало употребляться в «значении», которого **не существует**.

С какой бы стороны мы ни старались подойти к установлению сущности свободы, никакого иного реального значения помимо того, что свобода – это возможность поступать по своему усмотрению, у данного слова не имеется. Именно поэтому сущность свободы, упоминаемой в связке «прав и свобод» в качестве чего-то однородного с правами субъекта, ни в одном из известных нам источников никто выявить, раскрыть так и не смог, и именно поэтому понятие такой свободы никому до сих пор сформулировать так и не удалось.

Отсутствие значения слова «свобода» при его употреблении в качестве однородного по смыслу с «правами человека» закономерно привело к тому, что все попытки дать его характеристику неизбежно оканчивались тем, что вместо свободы авторы начинали говорить уже не о свободе как таковой, а о праве на свободу, которое имеет уже реальное своё содержание и без труда может быть облечено в форму конкретного понятия.

Принимая во внимание изложенное, **следует признать ненаучной, неверной сентенцию «права и свободы», в которой права и свободы упоминаются в качестве однородных вещей действительности.**

Вместе с тем в данной связи необходимо отметить, что понимание указанных выше обстоятельств ещё не даёт нам права упрекать наших предшественников в том, что они довольно часто неправильно использовали слово «свобода», употребляя его в несуществующем значении. До момента опубликования результатов настоящего исследования никаких препятствий для совместного упоминания прав и свобод как однородных не было. Конкретизированного понятия прав человека и иных прав субъекта как теоретической модели должного ещё не существовало, по причине чего эклектичность сентенции «права и свободы» не была очевидной. Однако теперь, после приведённых выше разъяснений, упоминание «прав» и «свобод» **в качестве родственных категорий** следует признать непозволительным, недопустимым.

На этот момент мы обращаем внимание не только потому, что семантически неверная языковая конструкция «права и свободы» получила широкое распространение в речах политиков, общественных деятелей, трудах социально-политического и идеологического характера. Довольно часто она встречается и в юридической литературе, что неизбежно влечёт ошибки в определении либо субъективных прав, либо свобод.

Например: «**Права** и свободы индивида – это его социальные **возможности**»⁷⁸, – здесь права названы возможностями, что является неверным (см. 1.4.3); «**Права** человека – совокупность правил ... они представляют собой **комплекс прав и свобод**»⁷⁹, – здесь права названы свободами и соответственно, наоборот, свободы – правами, а это неверно (см. начало данного § 3.7); «Когда мы говорим о **субъективном праве**, мы имеем в виду **совокупность... свобод** и юридических прав»⁸⁰, – здесь

⁷⁸ Проблемы общей теории права и государства /Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2006. С. 229.

⁷⁹ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА | это... Что такое ПРАВА ЧЕЛОВЕКА? – URL: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/8338/ПРАВА_ЧЕЛОВЕКА (дата обращения: 04.02.2024).

⁸⁰ What is subjective law? – URL: <https://whatmaster.com/what-is-subjective-law/> (дата обращения: 09.10.2024).

права также неверно называются свободами и, соответственно, свободы неверно называются правами и т.д.

Помимо этого вызывает беспокойство упоминание прав и свобод как родственных категорий в нормативных документах, в частности, таких как Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конституция Российской Федерации и др. Содержание данных нормативных актов теперь придётся пересматривать и излагать таким образом, чтобы права и свободы в дальнейшем не фигурировали в них как однородные.

К счастью, это неправильное словосочетание приводится только в общих положениях данных нормативных актов, и когда заходит речь о конкретике, то в этом случае в них говорится уже не о свободе, а о праве на свободу. Например, в статье 22 Конституции РФ закреплено положение, согласно которому «каждый имеет **право на свободу** и личную неприкосновенность»⁸¹, а в статье 9 упомянутой Конвенции «**Свобода** мысли, совести и религии» указано, что «каждый имеет **право на свободу** мысли, совести и религии...»⁸².

Кстати, заголовок этой статьи Конвенции её содержанию не соответствует. В заголовке упоминается свобода, а в содержании идёт речь о праве на свободу. И это при том, что они являются весьма нетождественными, разнородными вещами действительности: свобода – это реальное состояние действительности, а право на свободу – теоретическая модель должного.

Приведение в порядок общих тезисов данной Конвенции, её неправильных заголовков, а также положений законодательных актов нашей страны никаких затруднений вызывать не должно.

⁸¹ Конституция России Документы · Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter2> (дата обращения: 05.02.2024).

⁸² Ст. 9 ЕКПЧ: Европейская конвенция по правам человека – "Конвенция о защите прав человека и основных свобод" (Рим 04.11.1950) / КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 05.02.2024).

Раздельное употребление слов «права» и «свободы» особенно актуально в контексте решения задач защиты, с одной стороны, субъективных прав и, с другой, – имеющихся свобод, ибо механизм их защиты (охраны) имеет существенные отличия.

Защита свобод как реального состояния действительности, позволяющего поступать по своему усмотрению в дозволяемых пределах, может осуществляться двояким образом. Во-первых, здесь следует иметь в виду физическую охрану человеком (в собирательном значении данного слова) и использование соответствующих технических средств. Во-вторых, защита свобод может осуществляться и осуществляется юридически, путём нормативного закрепления прав на свободу с последующим применением института юридической ответственности за их нарушение (несоблюдение).

Моральное право субъекта как теоретическую модель должного можно защищать также двояким образом, но несколько иначе. Во-первых, вместо физической и технической охраны здесь следует вести речь об идеологическом противодействии изменению представлений о нравственном. Во-вторых, это, также, как и при охране свобод, юридическое закрепление соответствующего морального права на что-либо.

Юридически закреплённые в законе **разновидности субъективного права** можно защищать (отстаивать) только в суде путём подачи иска об их признании за каким-либо субъектом либо, при угрозе деюридизации данных прав, – политическими средствами.

Возвращаясь к вопросу о неверном употреблении словосочетания «права и свободы», в котором права и свободы приводятся в качестве родственных по смыслу категорий, следует сделать **предостережение**.

На первый взгляд, с учётом изложенного в настоящем параграфе, может показаться, что при упоминании в законодательных актах неверного по смыслу тандема «прав и свобод» из него во всех случаях необходимо исключать именно слово «свободы».

На самом же деле, такое решение вопроса следует применять в отношении только тех юридических норм, которые лишь провозглашают и юридически закрепляют различные виды прав субъекта. В случае иных нормативных установлений вполне может оказаться, что из словосочетания «права и свободы» **необходимо будет исключать уже не слово «свободы», а слово «права»**. Ключевой момент в решении данного вопроса – правильное понимание контекста употребления данных слов, их словосочетания.

Пример подобной ситуации являет нам Часть 1 Статьи 2 Уголовного Кодекса России, согласно которой первостепенной задачей уголовного закона является охрана прав и свобод человека и гражданина. Особенность данного уголовно-правового контекста упоминания «прав и свобод» заключается в том, что здесь они фигурируют в качестве объекта уголовно-правовой охраны.

Отнесение к объекту уголовно-правовой охраны свобод человека и гражданина возражений не вызывает. Свобода как возможность действовать по своему усмотрению в пределах, определяемых правом на свободу, действительно является объектом преступления. Например, лицо может быть похищено (ст. 126 УК РФ) либо закрыто, заперто в помещении без его изъятия и перемещения в другое место (ст. 127 УК РФ).

Однако с признанием объектом преступления прав человека и гражданина наш законодатель (к слову, и не только наш) явно поторопился. Объясняется это тем, что и закреплённые, и не закреплённые законодательством права субъекта всегда представляют собой теоретические модели должного (см. § 2.2), которым преступление никакого вреда причинить не может (см. 1.4.1, 1.4.2, 1.4.3).

После совершения преступления права субъекта по-прежнему продолжают оставаться теоретическими моделями должного и полностью сохраняют своё действие в отношении их обладателей. Распространённый оборот речи «нарушение прав» означает только их несоблюдение. Применительно к правам субъекта рассматривать их нарушение как причинение вреда

неверно. С самими правами в случае их нарушения (несоблюдения) никаких негативных изменений не происходит. Вред в таких случаях причиняется субъекту права, которого преступление лишает возможности реализации «нарушенного» права.

Что же из этого следует?

Первое. Права субъекта из перечня объектов уголовно-правовой охраны необходимо исключить, причём не только из ст. 2, но и из статей Особенной части УК РФ, где они также фигурируют в качестве объекта преступления. Так, например, формулировка «причинение вреда правам гражданина» используется при описании преступлений в ст. ст. 179, 201, 202, 286.1, а термин «нарушение прав» – в ст. ст. 136, 142, 148, 285, 286, 293 УК РФ. Вместо данных терминов лучше применить иную формулировку, например, «лишение возможности реализации прав субъекта». Хотя, в принципе, термин «нарушение прав» можно было бы и оставить, но при условии специального пояснения в юридической литературе того, что он означает лишь «несоблюдение прав», и как «причинение вреда правам» его рассматривать неверно.

Второе. К использованию призывов, лозунгов защиты юридически закреплённых субъективных прав следует относиться очень аккуратно, имея в виду, что эти права от правонарушений защищать не требуется, и необходимость их защиты возникает только в случае оспаривания, непризнания их действия в отношении конкретного субъекта. Но такая защита возможна только в судебном порядке.

Помимо этого следует отметить, что в подавляющем большинстве ситуаций упоминания защиты прав субъекта на самом деле необходимо вести речь не о защите собственно этих прав как таковых, а о проблемах их реализации, соблюдения. Понимание данного момента позволит избежать подмены тезиса и неправильности смысла при упоминании проблем, возникающих в сфере соблюдения субъективных прав, их реализации.

Третье. Термин «**правонарушение**» следует понимать не буквально, то есть не как деяние, которое причиняет вред субъективным правам, а как **деяние, которое выражается в**

несоблюдении требований теоретической модели должного, составляющей суть любого субъективного права (правила).

Четвертое. К числу правоохранительных органов с этого момента следует относить только суды, в которых решаются вопросы отстаивания, признания субъективных прав.

Остальные государственные органы, которые в настоящее время принято называть правоохранительными, именовать правоохранительными неверно. Никаких оснований для этого не имеется. Субъективное право как теоретическая модель должного никакому вредному воздействию со стороны правонарушений подвержено быть не может и в охране, защите не нуждается⁸⁵.

С этой точки зрения ст. 2 основного закона нашей страны в той части, которая устанавливает обязанность государства по защите прав человека и гражданина, является ничем не обоснованной и бесполезной.

Защита прав человека и гражданина также безосновательно и бесполезно указана в качестве обязанности и во множестве иных нормативно-правовых документов.

Вместо этой обязанности лучше было бы закрепить в законодательстве обязанность государства и его уполномоченных органов по обеспечению возможностей реализации данных

⁸⁵ Особую ситуацию представляет собой негативное идеологическое, безнравственное воздействие, которое правонарушением ещё не признается, но имеет своей целью разрушение, подмену системы нравственных ценностей, которые нашли своё отражение в моральных субъективных правах. Орган, который осуществляет противодействие такому деструктивному воздействию, **можно было бы** назвать правоохранительным. Однако министерства охраны нравственного в нашей стране пока не существует, и фактическое противодействие безнравственному осуществляется в инициативном порядке по предложению отдельных лиц и правозащитных групп с последующим запрещением этой деструктивной деятельности и установлением за неё ответственности. Однако после этого мы получаем какое-либо уже закреплённое в законе субъективное право и новый вид правонарушения, который этому праву причинить вред уже не может (*прим. авт.*).

прав, то есть обязанность по обеспечению и защите достойных условий существования и развития человека.

Право в более широком его понимании как закона, законодательства также в охране не нуждается. Такое право также представляет собой комплекс теоретических моделей, которым правонарушения причинить вред не могут. «Нарушение закона» – это несоблюдение его положений, требований, но не причинение вреда ему самому. Таким образом и с этой точки зрения никаких оснований для отнесения упомянутых выше государственных органов к правоохранительным также не имеется.

Общественные организации могут именоваться правозащитными только в том случае, если их деятельность: направлена на законодательное закрепление моральных прав субъекта, которые нормативно ещё не закреплены; имеет цель сохранить закрепление в законе определённых моральных прав; выражается в противодействии деструктивным усилиям по разрушению, подмене системы нравственных ценностей, положенных в основу субъективных прав.

§ 3.8. Переосмысление значимости прав человека и иных прав субъекта

Статья 2 Конституции РФ закрепляет за правами человека правовой статус высшей ценности.

Но так ли это? Действительно ли права человека обладают этим в высшей степени эксклюзивным правовым статусом?

Права человека действительно очень важны для каждого из нас, однако для признания их высшей ценностью этого ещё недостаточно.

Из всего существующего на Земле для людей наиболее значимы они сами, а также возможности реализации их стремлений и удовлетворения возникающих при этом потребностей.

Всё остальное может рассматриваться в качестве ценности не само по себе, а только лишь потому, что обеспечивает

(предоставляет) возможности реализации стремлений человека и возможности удовлетворения тех потребностей, которые возникают в процессе реализации имеющихся у людей стремлений⁸⁴.

С этой точки зрения, не отрицая несомненной ценности прав человека, необходимо отметить, что эта значимость определяется их функциональным предназначением, выполняемой ими служебной ролью средства обеспечения условий достойного существования и развития людей.

Вот в чём заключается их ценность, и относить её к разряду высших было бы неверно. Никаких оснований для этого в действительности не имеется.

Данное обстоятельство дополнительно может быть подтверждено следующими рассуждениями.

То, что имеет статус средства, в том числе и права субъекта, не может находиться на вершине иерархической пирамиды ценностей.

В противном случае к высшим необходимо будет относить не только права человека, но и другие ценности, которые важны для нас как средства обеспечения условий нашей жизни: жильё, одежду, пищу, транспорт, произведения искусства, берёзку на опушке, любимую собаку и многое другое.

Значимость перечисленных ценностей, что представляется очевидным, конечно же, различна, причём отличие это является очень весомым. Однако данное обстоятельство не может изменить того, что все они являются всего лишь средствами, а не конечной целью, не тем искомым действительно ценным результатом, к которому стремится человек, не тем результатом, который обладает самостоятельной ценностью.

Так, более глубокий анализ ситуации отстаивания субъективного права в суде показывает, что эта судебная защита всегда является не конечной целью, а способом (средством)

⁸⁴ См.: Семченков И.П., Сорокин И.С., Бурдейный В.В. Объект преступления: общественные отношения или возможность? //Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 293.

борьбы субъекта за определённую возможность либо иной важный аспект его социального бытия, который охватывается отстаиваемым субъективным правом.

Отстаивая своё право в суде, субъект права тем самым борется не собственно за это право как таковое в его самости, а за качество своей жизни, за необходимые для этого условия своего существования, которые по своей значимости являются для него несравненно более ценными, чем отстаиваемое право, судебное признание которого призвано обеспечить наличие этих условий.

Правила жизни не могут быть признаны высшей ценностью. Они тоже являются средством.

Теперь настал черёд рассмотрения статуса, ценности прав человека как правил.

По своей сущности права человека, как и все иные субъективные права, представляют собой не что иное как особую разновидность правил жизни людей в социуме, что было показано в § 2.2 настоящей работы.

С этой точки зрения оценивать их как высшую ценность также никаких оснований не имеется. Они также важны, как и все иные правила нашей жизни (правила безопасности дорожного движения, полётов, пожарной безопасности и пр.), но ценность их при этом по-прежнему остаётся на том уровне значимости, которую они имеют всего лишь как правила, и не более.

К тому же, если мы будем относить к высшим ценностям всё, что имеет значение для человека, то от понятия высшей ценности придётся отказаться, и в дальнейшем необходимо будет вести речь обо всех ценностях в целом без проведения между ними разграничения на высшие и остальные.

Принимая во внимание все приведённые выше аргументы, представляется возможным отметить, что в Конституции нашей страны (и не только нашей, но и многих других государств) ценность прав человека явно завышена, переоценена. В этих документах они отнесены к высшим ценностям, однако, на самом деле, несмотря на их большую значимость, они высшей ценностью ни с какой точки зрения признаваться не могут.

Вместо отнесения к высшим ценностям прав человека в Конституции следует закрепить тезис о том, что **высшей ценностью, наряду с человеком, признаются не его права, а условия его достойного существования и развития.** Поскольку свободы являются разновидностью данных условий, то отдельное их упоминание в данном тезисе (данном контексте) не требуется и будет излишним.

Реализация данного предложения должна сопровождаться дополнением в виде тезиса о том, что **«для обеспечения условий достойного существования и развития человека Конституцией провозглашаются и закрепляются основные права человека и гражданина, соблюдение которых является средством (способом) обеспечения данных условий».** Этот тезис позволит объяснить цель выделения отдельной главы, посвящённой правам человека и гражданина, которые уже не будут рассматриваться в качестве высшей ценности.

Внесение в Конституцию нашей страны предложенных выше изменений и дополнений позволит не только выстроить правильную иерархию провозглашаемых и закрепляемых в ней ценностей, но и сделает данный документ более доступным для восприятия, понимания обычными людьми.

Приведённых в настоящей работе примеров должно быть достаточно для устранения и тех смысловых ошибок в употреблении сентенции «права и свободы», которые имеют место во множестве иных нормативно-правовых документов. Кстати, одним из них, о чём уже частично было сказано ранее, является Европейская конвенция по правам человека – "**Конвенция о защите прав человека и основных свобод**".

К этому моменту исследования у нас появилась возможность привести наиболее полный перечень выявленных недостатков данного документа, которые присутствуют в его названии и содержании, а также в понимании его основного предназначения.

К ним относятся:

- несоответствие названия статей их содержанию (см. § 3.4 и § 3.7);

- отсутствие в статьях ответов на вопросы, заявленные в заголовках статей (см. § 3.4);

- неверное употребление словосочетания «права и свободы» (см. § 3.7);

- употребление слова «свободы» в несуществующем значении (см. § 3.7);

- постановка вопроса о защите закреплённых в Конвенции прав человека, которые на самом деле в защите не нуждаются (см. § 3.7 и название Конвенции);

- непонимание предназначения (служебной роли) прав человека как правил, которые устанавливаются в целях обеспечения условий достойного существования и развития человека и являются средством, одной из форм такого обеспечения (см. данный § 3.8);

- непонимание основного предназначения в целом всего данного документа, чья основная задача должна заключаться в провозглашении и нормативном закреплении необходимости обеспечения условий достойного существования и развития человека, людей, народов, всего человечества (см. данный § 3.8).

Теперь, после опубликовании настоящей работы, и в этот, и в иные нормативные документы необходимо будет внести изменения, которые должны быть направлены на устранение приведённых недостатков.

На первое место после самого человека необходимо будет поставить качество его жизни, а не его субъективные права. Это позволит избежать подмены вопроса об условиях существования и развития человека вопросом о провозглашении и нормативном закреплении правил их обеспечения, которые зачастую не соблюдаются. Данный подход обеспечит правильную расстановку ценностных приоритетов и позволит сделать **акцент на искомом результате, а не на средствах его достижения.**

Популистское несуществующее значение слова «свободы» должно перейти в разряд «назидательных артефактов» истории философско-правовой мысли. Свободы человека должны рассматриваться как один из важных аспектов качества жизни людей, а не как нечто однородное с правами человека.

ГЛАВА IV. НЕДОСТАТОК ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА КАК НРАВСТВЕННОГО ПРАВИЛА

На проверку выходит, что нравственность есть нечто крайне неопределённое и туманное.

К.Д. Кавелин

Несомненно, что нравственные понятия людей сильно различаются, а иногда и противоречат друг другу.

И.П. Николин

§ 4.1. Два аргумента в пользу постановки вопроса о содержании нравственного

Полученному понятию морального субъективного права присуще довольно много достоинств. Основными из них являются следующие: отсутствие неправильностей и подмены тезиса; полное соответствие традиционным общепринятым философско-правовым воззрениям и контексту его употребления в повседневной жизни; способность восполнить пробелы, имеющиеся в существующих понятиях субъективного права, уточнить их, дать им новую жизнь; способность наполнить реальным содержанием нормативно-правовые акты международного уровня, национальные конституции и другие нормативно-правовые документы; высокая объяснительная способность существующих воззрений, которая позволяет объяснить, например, причину, по которой моральное право субъекта является независимым от закона и государства и мн. др.

Вместе с тем, несмотря на все продемонстрированные выше достоинства, данное понятие также следует подвергнуть таким же прямым и конкретным вопросам, которым были подвергнуты все иные рассмотренные в нашей работе понятия прав субъекта.

Это необходимо не только с точки зрения научного интереса. Человек должен относиться к оценке результатов своего

труда точно таким же образом, как и к оценке результатов, полученных другими. Поступить иначе было бы неэтично. У наших оппонентов имеется полное *моральное субъективное право* на то, чтобы мы подходили к оценке своего творчества не менее критично, чем к оценке творчества других авторов.

Наличие этого права обусловлено тем, что только такое отношение может быть признано нравственно правильным, обоснованным и, что не менее важно, оправданным, исключаяющим возможность упрека в наш адрес. Именно об этом гласит «золотое» правило вежливости: «поступай с другими так, как хочешь чтобы поступали с тобой»⁸⁵. Однако здесь мы применяем это правило в более тонком по смыслу частном его понимании, где имеется в виду такой особый вариант отношения к другим, который проявляется в отношении к себе: «относись к себе также критично, как и к другим, ведь относиться к другим более строго, чем к себе, неправильно, не по совести».

Поскольку уже многое было сказано выше, то относительно предлагаемого в нашей работе понятия морального субъективного права остаётся невыясненным всего один вопрос: «В чём именно состоит нравственная точка зрения, которая лежит в основе данного понятия?» Без ответа на этот вопрос у понятия прав субъекта будет некоторая недосказанность. И хотя в практическом отношении суть понятия субъективного права очевидна, с научной точки зрения этот момент всё равно заслуживает внимания.

В данном месте у некоторых читателей, а особенно тех, кто занимается практической юриспруденцией, может возникнуть вопрос о том, насколько необходимым является устранение этой недосказанности, если в практическом плане она никаких проблем не создаёт, ибо все значимые моральные субъективные права юридически уже закреплены, что позволяет получить

⁸⁵ Воспитательный час «Золотое правило вежливости». Конспект внеклассного занятия (2 класс). URL: <https://multiurok.ru/index.php/files/vospitatelnyi-chas-zolotoe-pravilo-vezhlivosti.html> (дата обращения: 05.02.2024).

вполне достаточное для практики понимание того, что представляет собой то либо иное право субъекта.

Отвечая на этот вопрос, следует привести одно важное обстоятельство. В настоящее время в нашей стране все юридически закреплённые субъективные права действительно являются нравственно обоснованными. Но что будет в будущем? Не получится ли так, что юридически закреплённое представление о должном перестанет быть нравственно обоснованным или даже станет закреплять в законе «право» на грех?

Опасения такого рода небеспочвенны. Тёмные силы, пытающиеся получить власть над человечеством, не дремлют, и дело дошло до того, что в некоторых странах Северной Америки и Западной Европы «право» на грех, которое даже называться правом никакого права не имеет, уже провозглашено, причём не только на уровне средств массовой информации, но и закреплено юридически.

Здесь мы имеем в виду юридическое закрепление «права» на самоубийство, а также «права» на содомию, на демонстрацию и пропаганду нетрадиционной сексуальности, что уже привело к существенному нарушению нравственно обоснованных прав большинства граждан этих государств.

Для того, чтобы воспрепятствовать данной негативной тенденции, необходимо чёткое понимание сущности нравственного, ибо только оно позволит не допустить ущемления прав большинства нашего населения и уменьшения его численности до такого критического значения (уровня), по достижении которого наш народ, наша страна не смогут обеспечить своё дальнейшее независимое существование.

Таким образом и с этой точки зрения мы вновь возвращаемся к необходимости получения ответа на вопрос о содержании нравственного критерия, лежащего в основе морального и идеального юридического права субъекта на что-либо.

Вместе с тем ответ на данный вопрос является весьма непростым, причём настолько, что результаты его даже предварительного рассмотрения потребовали задействовать объём двух параграфов.

§ 4.2. Научное представление о нравственном

*Проповедовать мораль легко,
обосновать её трудно.*

Артур Шопенгауэр

Для ответа на вопрос о содержании «нравственной точки зрения», «нравственного» как ключевых моментов, лежащих в основе понимания сущности морального субъективного права, в первую очередь следует обратиться к научным достижениям этики, для которой эти вопросы являются основным объектом исследования.

Изучение данных достижений подтверждает известный тезис о том, что этика является одним из проблемных разделов философии. Проявляется это, прежде всего, в том, что в рамках данной науки понятия нравственности и нравственного надлежащим образом до сих пор не сформулированы.

Те «понятия» нравственности и нравственного, которые представлены в рамках данной науки, являются настолько абстрактными и неопределёнными, что получить из них прямой ответ на вопрос о том, что такое нравственность и нравственное, невозможно, например: «Нравственность – это первоценность, первооснова духовной жизни людей, являющаяся абсолютно необходимым и единственным условием всей человеческой духовности»⁸⁶.

Но что представляет собой эта первоценность по своему существу? Где же ответ на этот ключевой для понятия нравственности вопрос?

Многие из этих понятий, также как и существующие понятия субъективного права, построены на подмене тезиса и отвечают не на вопрос о том, что такое нравственность, а на иные вопросы, например, на вопросы о том, выражением чего она является, какое значение имеет, какие функции выполняет и т.д.

⁸⁶ Этика: Учебное пособие /Под ред. Т.В. Мишаткиной, Я.С. Яскевич. 3-е изд., Минск: Новое знание, 2004. С. 100.

«На поверку выходит, что нравственность есть нечто крайне неопределённое и туманное»⁸⁷, – указывал в данной связи К.Д. Кавелин в 1885 году. Аналогичную оценку получила степень разработанности понятия нравственного и в трудах И.П. Николина в 1908 году: «Несомненно, что нравственные понятия людей сильно различаются, а иногда и противоречат друг другу»⁸⁸.

С тех пор в решении данного вопроса ничего принципиально не изменилось. Единственным рациональным зерном в понимании нравственного является достаточно обобщенная и неконкретная его характеристика как *некоей формы общественного сознания, отражающей идеалы добра и справедливости*⁸⁹. Однако понимание данных идеалов различными людьми, в том числе и философами, является весьма нетождественным.

Этика не может решить даже такой вопрос, как соотношение морали и нравственности. Одни представители данной науки рассматривают эти категории в качестве синонимичных, другие же утверждают, что они нетождественны. Однако никто при этом предварительно содержание морали и нравственности не устанавливает, а вывод об их соотношении делается преимущественно на основе авторских интерпретаций, предпочтений.

В подтверждение данной, к сожалению, не очень лестной оценки достижений этики в познании нравственного (морального) можно привести мнение самого авторитетного специалиста по этике в нашей стране, философа, доктора юридических наук, академика Российской академии наук А.А. Гусейнова: «...этика убедительно показала, что мораль говорит не о том, о чём она говорит, что безусловная категоричность её требований не может быть никак обоснована, повисает в воздухе... Мораль

⁸⁷ Кавелин К.Д. Задачи этики. Учение о нравственности, при современных условиях знания. С.-Петербург. 1885. С. 6.

⁸⁸ Николин Ив. Что такое нравственность? Москва. Университетская типография. Страстной бульвар. 1908. С. 19.

⁸⁹ См.: Бахчиева О.А. Подходы к определению понятия нравственности //Наука и школа, 2013. Вып. № 4. С. 147.

продолжает функционировать во всей своей "фальши", "отчужденности", "лицемерии"»⁹⁰.

Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что в решении вопроса о содержании «нравственного», «нравственной точки зрения», используемых в оценке явлений социальной действительности, этика, к сожалению, ничем нам помочь не в состоянии.

§ 4.3. Представление о нравственном в энциклопедиях и словарях

Ещё одним источником, из которого можно попробовать почерпнуть знания о нравственном, являются различные энциклопедии и словари.

Их составители по роду своей деятельности обязаны пояснять значения слов вне зависимости от того, насколько разработаны и разрабатывались ли вообще те или иные понятия профильными науками.

Исследование этих источников показало, что во многих из них слово «нравственное» не упоминается, а если и упоминается, то его пояснение отсылает к значению слова «нравственность», которое является многозначным.

Нравственность как качества человека. В одном из своих значений слово «нравственность» – это «совокупность внутренних качеств человека (духовных, душевных), основанных на идеалах добра и стремлении соответствовать этим идеалам»⁹¹; «моральные качества человека»⁹²; «добрые качества,

⁹⁰ Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире. Этическая мысль: современные исследования. URL: <https://fil.wikireading.ru/4567> (дата обращения: 07.02.2024).

⁹¹ Православная энциклопедия «Азбука веры». – URL: <https://web.archive.org/web/202110119001418/https://azbyka.ru/nravstvennost>. (дата обращения: 05.02.2024).

⁹² Мал. академ. слов. Евгеньевой А.П. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/n/nравственность> (дата обращения: 05.02.2024).

заложенные в каждом человеке»⁹³; «внутренние (духовные и душевные) качества человека, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести и т.п., которые проявляются в отношении к людям и природе»⁹⁴ и т.д.

В соответствии с данным пониманием нравственности она является признаком, характеризующим внутренние качества человека как личности.

Для решения вопроса о содержании нравственной точки зрения, нравственного в контексте понятия субъективного права такое значение слова «нравственность» не подходит. Оно характеризует человека, то есть обладателя субъективного права, но не само это право.

В остальном же данное понятие характеризует нравственное как совокупность представлений о добре, справедливости, чести, долге, то есть также как это принято в этике, но и в такой же мере недостаточно определённо.

Нравственность как поведение, основанное на нравственности. В другом своём значении нравственность – это «поведение человека, основывающееся на морали, нравственности»⁹⁵.

Буквальное восприятие данного понятия указывает на то, что упоминаемая в нём нравственность одновременно является и поведением, и основанием отнесения этого поведения к нравственности. Но поведение и основание его оценки, позволяющее отнести его к нравственности, являют собой различные аспекты действительности.

Поэтому такое понятие нравственности даже по его конструкции следует признать неправильным, а приведённое в нём внутренне несогласующееся понимание нравственности – нереальным.

⁹³ Энциклопедия иудаизма Меир Натив // Под общ. ред. М. Барселла "АМАНА" Изд. учеб. лит-ры на русском языке. Иерусалим: "МАССАДА", Иерусалим – Тель-Авив, 1983, С. 183.

⁹⁴ Энциклопедический словарь. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/39982/нравственность> (дата обращения: 05.02.2024).

⁹⁵ Словарь Ефремовой Т.Ф. – URL: <https://znachenie-slova.ru/нравственность> (дата обращения: 05.02.2024).

Тем не менее, всё равно (в качестве показательного примера) представляется интересным, к чему может привести попытка «внедрения» такого понимания нравственности в понятие субъективного права, например, на совершение определяемых этим правом действий. В качестве результата такого рода попытки можно предложить следующий сокращённый вариант понятия прав субъекта. Моральное субъективное право на совершение действий – это правильность действий с точки зрения поведения, основанного на нравственности. С точки зрения поведения ... Это как?! ...Никак (даже комментировать «это», непонятно что, никакого желания не возникает).

И не надо пытаться спасти этот вариант понимания нравственности, самим придумывая «волшебные» схемы его интерпретации, ибо таких схем не существует.

Спасти ситуацию можно только радикальным способом, то есть путём устранения основной неправильности данной трактовки нравственности, а именно, путём исключения из неё слова «поведение», которое в качестве ключевого указано после тире. Но в этом случае получится уже принципиально иное понятие нравственности, если, конечно, вообще получится.

Нравственность как представление. В третьем своём значении **нравственность** – это «**взгляды**, определяющие достойный образ поведения и действий человека»⁹⁶.

Взгляды как то, что определяет достойный образ поведения и действий человека, – это существующее в сознании **представление**. В данном понятии идёт речь о взглядах, которые определяют образ **достойного, то есть нравственного** поведения, действия. Из этого следует, что в данном понятии **нравственность – это представление о нравственном**.

Такое понимание нравственности ответ на вопрос о содержании нравственности и нравственного не содержит. Здесь мы вновь сталкиваемся с подменой тезиса (см. §§ 1.1 и 1.2).

⁹⁶ Энциклопедия иудаизма Меир Натив. // Под общ. ред. М. Барселла "АМАНА" Изд. учеб. лит-ры на русском языке. Иерусалим: "МАССАДА", Иерусалим – Тель-Авив, 1983, С. 183.

Попытка более углубленного понимания нравственности как представлений о нравственном является бесперспективной.

Нравственность как система ценностей. В четвёртом варианте своего понимания нравственность – это «система ценностей..., предназначенная для регулирования действий человека»⁹⁷.

Сущность ценностей здесь не раскрывается, зато указано их предназначение как средства регулирования поведения человека. Ничего не напоминает? В тех случаях, когда вместо ответа на вопрос о сущности вещи указано её предназначение, это означает, что такое понятие построено на подмене тезиса, который призван скрыть отсутствие понимания сути вопроса.

В силу своей неопределённости и наличия подмены тезиса данное понятие для решения вопроса о содержании нравственного и нравственности является неприемлемым.

Нравственность как нравственные правила, нормы. В пятом своём значении «нравственность» – это «**этические нормы; правила поведения**»⁹⁸.

Данное понимание нравственности этимологически происходит от древнегреческого слова *ēthos* («этика»), означающего совместное жилище и **правила**, порождённые совместным общежитием⁹⁹.

Остаётся лишь проверить, насколько понимание нравственности как нравственных (этических) правил способно устранить неопределённость нравственного критерия, лежащего в основе понятия морального субъективного права.

И что же показала данная проверка? **Понимание нравственности как нравственных правил** вообще никак, ни на

⁹⁷ Мир Лема – словарь и путеводитель. – URL: <https://znachenie-slova.ru/нравственность> (дата обращения: 05.02.2024).

⁹⁸ Энциклопедический словарь. – URL: <https://slovar.cc/enc/slovar/1781788.html> (дата обращения: 05.02.2024); Нравственность – православная энциклопедия «Азбука веры». – URL: <https://azbyka.ru/nravstvennost> (дата обращения: 10.02.2024).

⁹⁹ См.: *Разин А.В.* Этика: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. М.: Академический проспект, 2004. С. 37.

йоту не способно прояснить сущность **морального субъективного права как нравственного правила**. Объясняется это тем, что **моральное субъективное право – это**, наряду с моральной обязанностью, и **есть одно из нравственных правил**, которое вместе с обязанностью составляет основное содержание нравственной нормы. Надеемся, что данный вывод является очевидным: **нравственное правило само себя, то есть нравственное правило**, комментировать, пояснять не может.

Кстати, ничего принципиально нового в том, что моральное право является неотъемлемой частью представлений о нравственном, а нравственное в одном из своих проявлений представлено моральным правом как нравственным правилом, на самом деле нет.

В данной связи невольно вспоминается точка зрения Джона Стюарта Милля, который ещё в XIX веке говорил о том, что нравственность по своей сути представляет собой правила, предназначенные для управления поведением людей: «...нравственность может быть определена следующим образом: такие правила для руководства человеческими поступками...»¹⁰⁰.

Принимая во внимание изложенное, следует ещё раз отметить, что рассматриваемое понятие нравственности как нравственных правил также оказалось неспособным устранить недосказанность понятия морального субъективного права, обусловленную недостаточной определённой лежащего в его основе нравственного критерия.

Это последнее обстоятельство вновь указывает на необходимость независимого от существующих воззрений решения вопроса о содержании нравственного и нравственности.

Но как следует его проводить? На какие факты следует опереться, и какие теоретические знания для этого потребуются применить? Начало этой работы представлено в следующей, а завершение – в заключительной главе книги.

¹⁰⁰ Милль, Джон Стюарт. Утилитарианизм. О свободе /Пер. с англ. А.Н. Неведомского. Третье русское изд. (Без перемен). С.-Петербург. Изд. книгопродавца И.П. Первозникова, 1900. С. 107.

ГЛАВА V. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СЛЕДУЮЩЕГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЯ

Общенаучные и частные методы исследования общеизвестны, но их знание ещё не гарантирует позитивных результатов. Необходимо правильное их применение, которое во многих случаях предполагает разработку специальной методики каждого этапа исследования.

И.П. Семченков

§ 5.1. Методологические особенности следующего этапа исследования

Прежде, чем приступить к решению вопроса о содержании нравственного, необходимо понять, в чём состоит специфика решения этой задачи.

В наличии имеется слово «нравственное» (подавляющее большинство вместо него использует слово «нравственность»), приемлемого понимания которого до настоящего времени пока ещё никем не предложено.

Данная ситуация является полностью аналогичной той, с которой мы ранее уже сталкивались в нашем исследовании, когда было установлено, что причиной неоднозначного понимания сущности субъективного права является неопределённость слова «право» в его субъективном понимании, то есть в понимании как права субъекта на что-либо.

Устранение неопределённости в понимании слова «право» мы проводили посредством метода установления значения слов, понятий и терминов, то есть попросту взяли соответствующий жизненный контекст и установили, какой смысл вкладывают люди в это слово.

С учётом того, что проблема неопределённости в понимании нравственного является аналогичной проблеме неопределённости в понимании субъективного права, решение вопроса о содержании нравственного также, казалось бы, можно проводить посредством указанного лингвистического метода, но этому имеется несколько препятствий.

Во-первых, слова «нравственное» и «нравственность» имеют настолько широкий контекст своего употребления, что на определение того смысла, который вкладывают в них люди в повседневном обиходе, придётся затратить несколько лет драгоценной жизни и очень много бумаги.

Во-вторых, следование этим путём всё равно не сможет обеспечить получение общего универсального ответа на вопрос о содержании нравственного и нравственности. Максимум того, что может обеспечить лингвистический подход в данном случае, очевиден и без его применения. Его результаты будут представлять собой огромное количество примеров данных слов, значения которых у различных людей по некоторым вопросам будут отличаться.

Поэтому необходим другой способ решения вопроса о содержании нравственного и нравственности, и такой способ существует, но и он, в свою очередь, требует соответствующего обоснования и пояснения.

Ключом к его пониманию является функциональное значение слов «нравственное» и «нравственность», которые употребляются в процессе оценивания различных аспектов социальной действительности с нравственной точки зрения. Нравственное фигурирует в данном процессе в качестве основания (критерия) оценки, а нравственность является результатом этого процесса и представляет собой признак, означающий, что оцениваемый аспект соответствует пониманию нравственного.

Но что представляет собой процесс оценивания?

Он является одним из видов деятельности, осуществляемой человеком. Ему предшествует ещё один вид деятельности в виде формирования понимания сути самого нравственного как такового, используемого в качестве основания нравственной оценки.

Для нас понимание этих простых вещей в методологическом плане является очень важным, ибо они позволяют поставить вопрос о том, **что движет** человеком в процессе формирования представлений о сути нравственного и затем в процессе оценивания чего-либо с нравственной точки зрения.

Вместе с тем, внутренний источник активности, который движет человеком в процессе формирования представлений о нравственном, является всего лишь одним из частных проявлений той общей движущей силы, которая является определяющим фактором вообще любой активности человека. Это означает, что ответ на вопрос о том, что движет человеком в процессе формирования представлений о нравственном, следует искать в сфере знаний о том, что вообще движет человеком в любой форме его активности.

Получение ответа на вопрос о том, что вообще движет человеком, позволит рассмотреть самые глубинные, изначальные истоки его активности в целом и процесса формирования представлений о нравственном в частности. Понимание этого последнего момента и обеспечит уяснение, понимание того, что представляет собой нравственное.

Следуя этим путём, мы должны обратиться к природе человека, к его внутренним движущим силам. Эти вопросы относятся к ведению психологии, а точнее, того её раздела, который принято называть общей психологией либо основами психологии, и в котором сосредоточены знания, характеризующие философские аспекты мотивации человека.

На этот же путь выводит и другая логика исследования. По утвердившейся в философии права и теории права точке зрения моральное субъективное право имеет своими истоками естественную природу человека, которая определяет формирование представлений о субъективном праве, а, следовательно, и о нравственном, которое лежит в основе субъективного права. А дальше вы уже знаете. Для того, чтобы наполнить это представление реальным содержанием, необходимо обратиться к такой части природы человека, как сфера мотивации, понимание которой поможет прояснить, каким образом происходит формирование представлений о нравственном и нравственности.

Выглядит эта методологическая преамбула довольно внушительно, заумно и абстрактно, но далее всё будет просто, понятно и, во всяком случае, намного интереснее, чем это может быть ожидаемо после ознакомления с её содержанием.

§ 5.2. Опорный контекст следующего этапа исследования

В процессе научного исследования довольно часто возникает необходимость обратиться к достижениям иных сфер научного познания, однако теоретический материал, который нужен исследователю, не всегда оказывается разработанным на требуемом уровне. В таких ситуациях его доработку приходится проводить самостоятельно, не дожидаясь, когда это сделают представители соответствующей профильной науки.

Примером подобного рода теоретического материала, который требует некоторого усовершенствования как раз и является необходимое нам понимание глубинных аспектов философии мотивации.

В советское время все отечественные гуманитарные науки обязательно должны были соответствовать философскому учению марксизма-ленинизма, которое имело статус непогрешимого научного догмата. О том, чтобы какое-либо научное положение, а тем более научная теория не соответствовали марксизму-ленинизму, не рассматривали его в качестве источника, в то время даже помыслить было невозможно.

И надо же такому было случиться, что политэкономист К. Маркс по неосторожности вторгся в несвойственную для его творчества сферу психологии, высказав своё частное мнение о том, что: «Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей»¹⁰¹.

Данное высказывание К. Маркса, чей авторитет признавался при советском строе непререкаемым, стало упоминаться во всех фундаментальных трудах по психологии, а это привело к тому, что изначальным фактором активности человека стала признаваться потребность, то есть состояние нужды в том, чего недостает индивиду для его существования и развития¹⁰².

¹⁰¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 245.

¹⁰² См. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 319; Немов Р.С. Психология. Учеб. для студ. высш.

Продвинуться дальше этого уровня в понимании изначальных факторов активности человека отечественная психология советского периода не могла. Первоначально этому препятствовал авторитет К. Маркса, а впоследствии научные руководители диссертационных исследований, опиравшиеся в своих трудах на его мнение, стали заложниками избранной ими позиции и руководили своими диссертантами таким образом, чтобы они в своих работах не подвергали сомнению ни тезис Маркса, ни их научные труды, которые основывались на этом его тезисе о том, что человеком движут потребности.

На самом же деле человеком движет не потребность.

Если полагать, что изначальным внутренним фактором активности человека является потребность, то это должно означать, что она и есть тот единственный внутренний потенциал, который побуждает человека к активности со стороны личностных диспозиций. Однако с этой точки зрения удовлетворение потребности необходимо рассматривать не иначе, как полное устранение внутренней движущей силы, т.е. сведение внутреннего потенциала активности человека к нулю.

Из этого, в свою очередь, следует сделать вывод о том, что одна и та же потребность, будучи удовлетворённой, в следующий раз возникнуть никогда не сможет. Объясняется это тем, что никакого внутреннего потенциала активности для её возникновения в очередной раз быть уже не должно, поскольку этот потенциал должен быть «погашен», израсходован в результате предшествующего удовлетворения потребности¹⁰³.

Вместе с тем, как показывает действительность, потребности человека носят циклический характер, то есть периодически возникают вновь и вновь уже после их удовлетворения в

пед. учеб. заведений: В 3-х кн. Кн. 1. Общие основы психологии. 3-е изд. М., 1997. С. 372; *Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию. Курс лекций. М., 1998. С. 114; и др. работы.

¹⁰³ См.: *Семченков И.П.* Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты проблемы. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 68-69.

предшествующий раз. Данный факт неотвратимо указывает на то, что удовлетворение потребности не сводит внутренний потенциал активности человека к нулю, а это возможно только в том случае, если изначальным фактором его активности является не потребность, а нечто другое и более глубинное, то, что продолжает существовать и после удовлетворения потребности. Из этого следует, что потребность не является изначальным фактором активности человека и помимо неё существует более глубокая внутренняя побудительная детерминанта¹⁰⁴.

Имя этой детерминанты – стремление. Каждый нормальный человек стремится жить, стремится к определённым качествам жизни, к определённым результатам каждого жизненного этапа и всей жизни в целом. Именно стремление представляет собой тот изначальный внутренний потенциал активности человека, который приводит к возникновению у него потребностей в тех случаях, когда для реализации его стремлений чего-либо не хватает. Если бы этой детерминанты не существовало, то есть, если бы человек ни к чему не стремился, то никакие потребности ни в первый раз, ни потом, после их удовлетворения, никогда бы не возникали¹⁰⁵.

Вывод о том, что человеком изначально движет стремление полностью согласуется с основным положением гуманитарного подхода к вопросам мотивации, согласно которому любой человек «стремится к своему расцвету, действуя в наибольшем соответствии со своими возможностями и притязаниями»¹⁰⁶.

Главное в этом гуманитарном подходе состоит в том, что его представители также признают наличие у человека внутреннего стремления, которое, по их мнению, и лежит в основе его активности, порождая в необходимых случаях те или иные самые разнообразные потребности, удовлетворением которых

¹⁰⁴ См.: Семченков И.П. Указ. дисс. С. 69.

¹⁰⁵ См.: Семченков И.П. Указ дисс. С. 68-69.

¹⁰⁶ Годфруа Ж. Что такое психология: в 2-х т. Изд. 2-е. Т. 1: Пер. с франц. М., 1996. С. 245.

и обеспечивается достижение, как они выражаются, «расцвета» человека.

Не возникает никаких противоречий между теорией стремления и новейшими концепциями мотивации, которые оперируют такими понятиями как когнитивный диссонанс, ожидание успеха, ценность (привлекательность) успеха, боязнь возможной неудачи, уровень притязаний и т.п. Убедиться в этом можно на примере рассмотрения мотивационной теории когнитивного диссонанса.

Основным постулатом данной концепции является утверждение о том, что «система знаний человека о мире и о себе стремится к согласованию»¹⁰⁷. «При возникновении рассогласованности, или дисбаланса, индивид стремится снять или уменьшить его, и такое стремление само по себе может стать сильным мотивом его поведения»¹⁰⁸.

Вполне очевидно, что теория когнитивного диссонанса представляет собой частный случай теории стремления. От вывода о том, что человеком движет стремление к определённым качествам жизни, основные положения данной теории ничем не отличаются.

Суть этой концепции заключается в том, что человек стремится иметь непротиворечащие друг другу знания об окружающем мире и о себе.

Состояние когнитивного диссонанса – это несоответствие между тем внутренним состоянием, в котором человек пребывает, и тем, к которому стремится: пребывает в состоянии «незнания истины», которое характеризуется наличием противоречий, а стремится к состоянию «знания истины», для которого характерно отсутствие противоречий.

Стремление к «состоянию знания» и есть та движущая сила, которая побуждает индивида устранить состояние когнитивного диссонанса¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Немов Р.С. Указ. соч. С. 479.

¹⁰⁸ Немов Р.С. Указ. раб. Там же.

¹⁰⁹ Семченков И.П. Указ. дисс. С. 71-72.

Что же касается иных частно-прикладных теорий мотивации, то при внимательном их изучении становится очевидным, что и они не исключают, а также, напротив, предполагают наличие у человека стремления к внутреннему состоянию удовлетворённости жизнью.

Главное отличие этих теорий и теории стремления заключается в том, что они подходят к объяснению феноменов мотивации на различном уровне глубины их философского осмысления. Теория стремления представляет собой наиболее обобщённый уровень осмысления вопросов мотивации, а остальные теории имеют прикладной характер, показывая, каким образом внутреннее стремление реализуется в различных конкретных его вариантах¹¹⁰.

Отдельного рассмотрения заслуживает достаточно популярная теория приоритета потребностей А. Маслоу, которая получила своё дальнейшее развитие в научных исследованиях К. Альдерфера, Д. Макклелланда, Ф. Герцберга, а также других учёных, большинство из которых также исходят из того, что в основе активности индивида лежат его потребности как состояние нужды в том, чего ему не хватает для нормального существования и развития¹¹¹.

Основным пробелом данной концепции, также как и любой иной теории потребностей, является отсутствие ответа на вопрос о том, каким образом та или иная потребность возникает в очередной раз уже после её удовлетворения, т.е. после того, как она, будучи удовлетворённой, попросту исчезает (перестаёт существовать).

В рамках любой теории потребностей, в том числе и теории А. Маслоу, ответить на этот вопрос невозможно. Но если задаться этим вопросом, то сразу становится очевидным, что изначальным фактором активности человека является не

¹¹⁰ См.: Семченков И.П. Там же. С. 72.

¹¹¹ См.: Семченков И.П. Философия мотивации и основное направление предупреждения преступности //Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (52). С. 125.

потребность, а стремление, поскольку иначе объяснить механизм периодического возникновения потребностей нельзя.

В схематичном виде концепцию А. Маслоу принято отображать в виде пирамиды потребностей. Вместе с тем, с точки зрения теории стремления рассматривать эту пирамиду как иерархическую совокупность изначальных факторов мотивации неверно.

Человек живёт не нуждой, а стремлением, поэтому для полной картины мотивации необходимо вначале выстроить пирамиду стремлений, а затем для **каждого** из этих стремлений необходимо сформировать свою пирамиду потребностей, которые могут возникать в процессе реализации этого стремления.

Ещё одним недостатком пирамиды потребностей является тот факт, что так называемые «потребности», которые указаны в самом верху данной пирамиды, в действительности являются не потребностями, а стремлениями. Например, это стремление к самореализации, которое в данной пирамиде именуется потребностью.

Из этого следует, что в данной пирамиде имеет место смешение различных уровней мотивации (стремления и потребности).

Устранение данного смешения также предполагает построение пирамид двух разновидностей: пирамиды стремлений и соответствующих пирамид потребностей¹¹².

Мотивационная теория стремления прошла успешную и очень серьёзную научную апробацию при защите кандидатской диссертации в Диссертационном совете по защите докторских диссертаций Российской правовой академии Министерства

¹¹² См.: Семченков И.П. Философия мотивации и основное направление предупреждения преступности //Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (52). С. 127; Коровин А.А., Семченков И.П. Философия мотивации и важное направление подготовки управленческих кадров //Современное управление: векторы развития. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Калининград, Западный филиал РАНХиГС. 2018. С. 244.

юстиции РФ¹¹³, при опубликовании двух монографий¹¹⁴ и целого ряда научных статей, в число которых входит статья «Философия мотивации и воспитание высоконравственной личности», опубликованная в коллективной монографии «Высшая школа – Храм культуры», изданной Институтом культуры мира под эгидой ЮНЕСКО в рамках программы ООН «Вклад научных сообществ», одним из соавторов которой являлся Пан Ги Мун, занимавший в то время пост Генерального секретаря ООН¹¹⁵.

Использованный в данных работах тезис о том, что человеком движет стремление, а не потребность, неоднократно подвергался самому строгому и ответственному научному рецензированию, однако никто из авторитетных рецензентов в его истинности никоим образом даже на йоту не усомнился.

И знаете почему?

Все эти люди просто примерили теорию стремления к себе, и она оказалась полностью соответствующей их пониманию того, что движет ими самими. Более весомого доказательства найти невозможно, и никакие психологи этого факта опровергнуть никогда не смогут.

Спросите себя и вы, уважаемый читатель, что движет вами, нужда или стремление? И не позволяйте никому превращать вас в машину потребления (от слова потребность) того, что вам навязывают, лишая возможности самим решать вопрос о том,

¹¹³ См.: Семченков И.П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты проблемы. Дисс... канд. юрид. наук. М., 2003. 193 с.

¹¹⁴ См.: Семченков И.П. Философия справедливости и понятие справедливости в уголовном праве: Монография. Калининград: изд. Калинингр. юрид. инст. МВД России, 2010. 80 с.; Семченков И.П. Философия мотивации и уголовное право: социальная сущность преступления: Монография. Калининград: изд. Калинингр. юрид. инст. МВД России, 2010. 84 с.

¹¹⁵ См.: Семченков И.П. Философия мотивации и воспитание высоконравственной личности // Высшая школа – Храм культуры: Коллективная монография / Пан Ги Мун и др.; на русском и англ. языках; 3-е доп. изд. Казань: ЗАО «АБАК», 2014. С. 143-150.

что вы хотите от жизни и к достижению каких жизненных целей стремитесь.

В качестве вывода по итогам рассмотрения философских аспектов понимания того, что изначально движет человеком «изнутри», т.е. со стороны личностных диспозиций, представляется возможным отметить, что человеком движет стремление, а не потребность.

Однако представители психологии наших работ, к сожалению, не читали и по-прежнему продолжают утверждать, что: «Человека побуждает к деятельности его потребность, то есть состояние нужды...»¹¹⁶.

Однажды они всё равно придут к пониманию того, что человеком движет не потребность, а стремление, – иначе и быть не может. Но у нас времени ожидать, пока это случится, к сожалению, нет, – задача установления сущности субъективного права должна была быть решена уже много столетий назад.

Завершая рассмотрение мотивационной теории стремления следует предостеречь психологов от бесполезной попытки построения единой для всех универсальной пирамиды стремлений.

Стремления людей весьма многообразны, что зависит, например, от того, является человек верующим или атеистом, какое он получил образование, воспитание, в каких жизненных условиях находится, какие у него имеются реальные возможности (финансовое положение, состояние здоровья, наличие талантов и т.д., и т.п.). Поэтому пирамиды стремлений лучше начинать строить для каждого человека персонально и лишь после этого, по мере накопления опыта, – для достаточно большого множества различных типологий личности.

В нашем исследовании понимание того, что нетождественность стремлений различных людей определяется их мировоззрением потребует в **§ 8.3. Решение проблемы в понимании нравственного и светский вариант его интерпретации.**

¹¹⁶ Салаватуллина Л.Р. Общая психология: учебно-практическое пособие. Челябинск: Изд. Южно-Уральского гос. гум.-пед. ун-та, 2021. С. 137.

ГЛАВА VI. СУЩНОСТЬ МОРАЛЬНОГО ПРАВА СУБЪЕКТА. ВТОРОЙ УРОВЕНЬ ПОНИМАНИЯ

Вещей суть очень многогранна. И каждый видит в них, лишь то, что хочет видеть. Художник, глядя на пожар, подвержен созерцанию красок, а химик видит экзодерму. Людское горе и несчастье видят в нём пожарный, врач, хозяин. Не исключением является и право субъективное, в котором также отражается многообразие подходов, точек зрения.

И.П. Семченков

§ 6.1. Материалистический подход к пониманию сущности морального субъективного права и вопрос о содержании нравственного

Неотъемлемым исходным аспектом материалистического мировоззрения в его принятом понимании является научный атеизм, отрицающий существование Бога и полагающий, что человек представляет собой результат эволюции материальной, то есть исключительно физической природы, а не творение Высшего Духовного Существа. Поэтому просим принять во внимание, что представленный ниже анализ, как это и предполагается для материализма, проводится без учёта всего, что касается религиозной картины мира.

С материалистическо-атеистической точки зрения человека следует рассматривать как биологическое разумное и социальное существо, которое как открытая система существует за счёт обмена с окружающей средой энергией, информацией и материей¹¹⁷.

¹¹⁷ См.: *Bertalanffy L. фон. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 23-82; Bertalanffy L. von. Vom Sinn und der Einheit der Wissenschaften // "Der Student", Wien, vol 2, 1947, № 7 – 8; Bertalanffy L. von. Zueiner allgemeinen Systemlehre // "Biologia Generalis", vol. 19, 1949, S.114-129; Bertalanffy L. von. An Outline of General System Theory // British Journal for the Philosophy of Science", vol 1, No 2. Aug, 1950, p. 134.*

Данное существо, как это было показано в предыдущем параграфе, стремится жить, стремится к определённым качеству жизни во всех аспектах присущей ему природы, стремится к определённым промежуточным и итоговым результатам своей жизни.

Вот почему для людей наиболее значимы они сами, а также возможности реализации их стремлений и удовлетворения возникающих при этом потребностей. Всё остальное может рассматриваться в качестве ценности не само по себе, а только потому, что обеспечивает наличие возможностей реализации стремлений человека и удовлетворения определяемых ими потребностей¹¹⁸.

Так, например, «Предметы собственности мы называем материальными ценностями не потому, что они имеют ценность сами по себе, а потому, что обладание ими предоставляет возможность их использования для удовлетворения наших потребностей, реализации наших стремлений. Именно поэтому охраняемым уголовным законом благом (объектом преступления) мы называем не имущество, а возможность владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом»¹¹⁹. «Из всех земных благ для людей важны лишь их возможности. Всё остальное самостоятельной ценностью не обладает. Если какое-либо деяние

¹¹⁸ См.: Семченков И.П., Сорокин И.С., Бурдейный В.В. Объект преступления: общественные отношения или возможность? //Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 293.

¹¹⁹ Семченков И.П., Сорокин И.С., Бурдейный В.В. Указ. соч. С. 297. В подтверждение данного понимания ценности можно привести один, хотя и фантастический, но очень показательный пример. Представьте себе, что человеку «подарили» огромный бриллиант размером с планету, но при этом сказали, что он его никогда не увидит, распорядиться им (например, продать) не сможет, и даже говорить о нём кому-либо ему запрещено. Совершенно очевидно, что такой «подарок», который подарком даже назвать невозможно, никому не нужен. Но почему? Вещи действительности сами по себе никакой самостоятельной ценностью не обладают, а ценятся лишь постольку, поскольку обладание ими способно обеспечить реализацию стремлений человека и удовлетворение соответствующих этим стремлениям потребностей (*прим. авт.*).

обеспечение возможностей не затрагивает, то признавать его преступлением попросту незачем... Иным образом, то есть не лишая человека определённой возможности, причинить ему вред нельзя»¹²⁰.

Особую разновидность ценности для каждого человека представляют собой другие люди. Они нужны ему потому, что составляют необходимую для него социальную среду, которая повышает шансы на выживание, предоставляет возможности реализации иных самых различных, присущих его природе, стремлений и удовлетворения определяемых этими стремлениями потребностей.

Данные обстоятельства привели к тому, что на уровне массового сознания стало формироваться и сформировалось представление о таких правилах совместной социальной жизни, которые устраивают большинство и в идеале, по своему предназначению при условии их исполнения, могут максимально обеспечить реализацию имеющихся стремлений.

Но это только один из основных аспектов формирования представлений о субъективном праве.

Второй его аспект заключается в том, что в процессе формирования представления о правилах совместной жизни возникло много вопросов относительно того, каким образом следует применять эти правила. Например, следует ли применять их ко всем людям или только к некоторым, что является основанием для распространения действия того либо иного правила на конкретного субъекта, каким образом надлежит поступать в случае спорных ситуаций, что необходимо делать с теми, кто не соблюдает эти правила, ... и мн. др.

Поэтому в массовом сознании были сформулированы не только многочисленные базовые правила совместного общежития, соблюдение которых предоставляет, обеспечивает возможности реализаций стремлений человека, но и другие правила, применение которых имеет своим предназначением обеспечение действия этих базовых правил.

¹²⁰ Семченков И.П., Сорокин И.С., Бурдейный В.В. Указ. раб. С. 298.

Процесс этот был не быстрым, но проходил он именно так и проходить как-то иначе просто не мог, ибо только такой ход развития событий предопределяется природой человека в её материалистическо-атеистическом понимании.

Вот каким образом представление о правильном, то есть желательном, выгодном для большинства устройстве социальной жизни нашло своё выражение в определённых, существующих в массовом сознании, правилах. Для лаконичности эти правила люди стали именовать просто правом, под которым фактически стала подразумеваться правильность должного состояния значимого для лица аспекта его социального бытия.

Древние греки называли это, сформированное массовым сознанием представление о правильных взаимоотношениях людей этикой¹²¹. Соответственно этому данные нормы и правила стали именоваться этическими нормами и правилами.

С этой естественно-правовой и одновременно материалистическо-атеистической точки зрения понимание субъективного права, сформированное массовым сознанием, представляется возможным сформулировать следующим достаточно лаконичным и понятным образом.

В материалистическо-атеистическом понимании этическое субъективное право – это сформированное **на принципах взаимной выгоды для большинства населения, представители которого нуждаются друг в друге**, правило, определяющее, какими возможностями должен обладать субъект права, какое содействие, отношение он должен получить и т.д.

Данное понятие этического субъективного права является абсолютно конкретным и **с материалистическо-атеистической точки зрения** полностью самодостаточным, имеющим исчерпывающую объяснительную способность. Так, в частности, оно прекрасно не только подтверждает, но и иллюстрирует теорию общественного соглашения, которая довольно часто упоминается в контексте решения вопроса о происхождении субъективного права.

¹²¹ См.: Разин А.В. Указ. раб. С. 37.

Теперь о приемлемости для характеристики этического субъективного права слова «нравственное».

Древнегреческие слова «этика», «этическое» являются настолько точными и уместными по своей этимологии, что кроме них никакое иное слово в контексте **материалистически-атеистического понимания субъективного права** даже не мыслится. В отличие от них слово «нравственное» является не только неопределённым и многозначным, но и полностью дискредитировавшим себя неприемлемо большим числом вариантов своего неверного по смыслу употребления¹²².

Имеется у слова «нравственное» и ещё один недостаток. Оно по своей этимологии проистекает от слова «нрав», которое обозначает особенности характера, и с этой точки зрения может быть использовано в качестве общего названия только личностных свойств индивида, но не правил общежития, сформированных массовым сознанием.

Принимая во внимание данные обстоятельства, начиная с этого момента, мы *временно* полагаем для себя невозможным использовать в данной работе слово «нравственное» в качестве синонима слову «этическое», как это принято в настоящее время. Слишком высокой потом оказывается цена неверно употребляемых слов, и мы брать на себя этот грех научного компромисса не собираемся. Но это и не требуется.

Имеющихся в нашем распоряжении точных и понятных греческих слов вполне достаточно и без упоминания нравственного.

С учётом сказанного в дальнейшем **вместо** термина «**нравственное (моральное) субъективное право**» мы будем использовать термин (название) «**этическое субъективное право**», который с этимологической точки зрения имеет абсолютно точное и единственное смысловое значение.

Тот факт, что многие рассматривают слова «этическое» и «нравственное» в качестве синонимов, мы *временно* принимать во внимание не будем.

¹²² См.: §§ 4.2 и 4.3 настоящей работы (*прим. авт.*).

Что же касается *упоминания* в характеристике народного понятия субъективного права такого слова как «этическое», то необходимость его употребления определяется задачей отграничения этого субъективного права от того субъективного права, которое мы называем юридическим, а наши предшественники называли просто субъективным правом.

Неожиданные повороты в развитии сюжета бывают не только в драматургии. Поводом для данного этапа исследования послужила неопределённость в понимании нравственного. Однако результаты этого исследования оказались настолько самодостаточными, что употребления слова «нравственное» не предполагают. К тому же с учётом недостатков данного слова его употребление в контексте субъективного права *временно* следует признать *pop grata*.

По этой причине *мы на некоторое время откладываем рассмотрение вопроса о содержании нравственного, но обязательно вернёмся к нему в конце работы.* Пока же нашим приоритетом по-прежнему остаётся установление сущности субъективного права, а решение этой задачи ещё не завершено. И завершить её решение мы хотим без внесения в него той неопределённости, которая присуща пониманию нравственного и нравственности в их существующей интерпретации.

§ 6.2. Недостаточность материалистического подхода к пониманию природы этического субъективного права

В соответствии с материалистическо-атеистическим пониманием этического субъективного права, оно является следствием общественного соглашения большинства людей, которые фактически заключили его между собой по той причине, что **нуждаются** друг в друге, поскольку только в обществе человек может иметь возможность реализации всех присущих его природе стремлений, а также возможность удовлетворения определяемых этими стремлениями потребностей.

Хорошо это или плохо? «Что за странный вопрос?» – может подумать в данной связи читатель. Вода является мокрой, камень твердым, а человек – нуждающимся в других. Так есть, и эту данность необходимо воспринимать естественно, без всяких оценок. Это просто необходимо знать, и всё. Но для чего?

Например, для того, чтобы понять, что материалистическо-атеистическое понимание природы человека и вытекающее из него понятие этического субъективного права указывают на меркантильно-эгоцентрическое потребительское отношение каждого человека к другим людям, к которым он с материалистическо-атеистической точки зрения должен относиться лишь как к средству, обеспечивающему возможность реализации собственных стремлений.

Очень жёстко и отдаёт цинизмом? Согласны. Но мы здесь ни при чём. Мы от себя к этому мировоззрению ничего не добавляли и ничего от него не отнимали. Это обычная неумолимая логика, она всегда беспристрастна, и обвинять её в предвзятом отношении невозможно.

На это обстоятельство мы специально обращаем внимание потому, что дальше будет ещё более жёстко и цинично, но всё это будет не от нас, а от материализма-атеизма.

В соответствии с нормами международных документов и Конституцией нашей страны право на жизнь имеет каждый человек. Однако с точки зрения материалистическо-атеистического понимания этического субъективного права данный вопрос должен решаться иначе.

Атеизм гласит о том, что человек относится к другим людям как к ценности лишь потому, что они обеспечивают ему возможность реализации присущих от природы стремлений. Всё верно? Абсолютно.

Следовательно, если человек указанной ценности для других не представляет, то атеистам он не должен быть нужен, и закреплять за ним право на жизнь не имеет смысла, поскольку с этой точки зрения никаких оснований для этого не имеется.

Это означает, что младенец, родившийся слепым, слабоумным либо являющийся иным тяжёлым инвалидом, права на

жизнь не имеет. И как следует поступать с таким ребёнком? Почитайте историю, там всё описано. Как следует поступить с жителями африканской деревни, которые не уступают своё место жительства под разработку полезных ископаемых? Ответ тот же. И так далее, вплоть до развязывания агрессивных войн и геноцида.

Вот к каким выводам приводит материалистическо-атеистическое понимание природы этического субъективного права, если довести это понимание до его логической завершенности и поставить в крайнюю ситуацию.

Что же из этого следует?

Материалистическо-атеистическое мировоззрение демонстрирует неспособность объяснить естественно-правовую природу общепризнанных, причём даже юридически закреплённых прав субъекта. Для этих целей его оказывается явно недостаточно.

В завершение следует отметить, что даже коммунисты, исповедующие материализм, сами никогда не мыслили и не рассуждали настолько материалистически, как это должно вытекать из приведённого выше материалистическо-атеистического понимания вопроса о происхождении человека и его сущности.

Революционные идеи марксизма-ленинизма, напротив, во многом имели альтруистический характер, ставили своей задачей устройство справедливого общества, исключая угнетение, эксплуатацию одних людей другими и т.д.

Моральный кодекс строителя коммунизма – свод принципов коммунистической морали – также предъявлял к человеку требования, которые не вытекают из чистого материализма.

Поэтому, говоря об атеистическом материализме, мы обращаем внимание не только на то, каким образом данное философско-мировоззренческое учение необходимо использовать в его чистом виде, но и на тот важный факт, что носители этого мировоззрения сами никогда ему буквально не следовали.

Причины данного парадокса материалистическо-атеистического мышления поясняются в § 8.1, открывающей заключительную главу настоящей работы.

ГЛАВА VII. СУЩНОСТЬ ЭТИЧЕСКОГО ПРАВА СУБЪЕКТА. ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ ПОНИМАНИЯ

Лучшая теория права – добрая нравственность, и она должна быть в сердце независимо от этих отвлечённостей и иметь своим основанием религию.

Николай I, Император Российской Империи

Декларация прав Бога и декларация прав человека есть одна и та же декларация.

Николай Бердяев, философ

Я – еврей, но сияющий образ Назарянина произвёл на меня потрясающее впечатление. Никто не выразался так божественно, как Он. Действительно, в этом мире есть только одно место, где нет тьмы. Это личность Иисуса Христа.

В Нём Бог нам открылся наиболее постижимо...

Альберт Эйнштейн

§ 7.1. Теистический подход к пониманию сущности этического субъективного права

Для понимания природы даже юридически закреплённых прав субъекта материалистическо-атеистического мировоззрения оказалось недостаточно. Посмотрим, что может предложить в этом смысле теизм.

Согласно теистическому мировоззрению человек сотворён Богом по образу и подобию Своему, то есть также духовным существом, которое временно пребывает на Земле в физическом теле и проходит определённые этапы своего обучения и развития.

На тему существования Бога, происхождения человека и смысла человеческой жизни написано очень много, но нам для уяснения природы субъективного права достаточно всего лишь нескольких моментов.

Бог никогда не оставлял душу человека без своего внимания, всегда помогал и помогает её развитию.

Во-первых, это проявляется в том, что Он дал человеку внутренний голос совести, который всегда говорит правду и даёт верную оценку поступкам человека с точки зрения промысла Божьего. Но этот голос слышат не все, а только те, кто достиг определённого начального уровня духовного развития, и только те, кто хочет его слышать. Господом человеку дана свобода воли, которая в том числе проявляется и в свободе слушать либо не слушать голос совести (Дух Истины), а он, если его не слушают, может ничего и не говорить.

Этот момент объясняет причину, по которой в частных спорах о наличии субъективного права одни апеллируют к совести как к наивысшей инстанции, а другие не принимают этот довод в качестве аргумента. В подобных случаях конфликтующие стороны либо имеют различный уровень духовного развития, либо одна сторона, будучи одержима желанием во что бы то ни стало отстоять свою пользу, просто не хочет слышать этот голос либо поступает вопреки тому, что он говорит.

Во-вторых, забота Создателя проявляется в том, что Он даёт людям свои заповеди, т.е. фактически правила, которыми необходимо руководствоваться в повседневной жизни.

Но эти правила Господь даёт человечеству не сразу, а по мере духовного созревания пребывающих на Земле душ.

Самые последние из этих правил, **которые предъявляют самые высокие требования** к душе, её поведению в повседневной жизни, к тому, как она должна относиться к другим душам, были даны Иисусом Христом.

Сопоставление учения Иисуса Христа, Его заповедей с юридически закреплёнными этическими субъективными правами подтверждает основные положения теологической теории о происхождении субъективного права и демонстрирует тот факт, что все субъективные права, закреплённые в международно-правовых документах и Конституции нашей страны, либо буквально совпадают с тем, чему учил Иисус Христос, либо логически вытекают из глубинного понимания сути Его учения, то есть, так или иначе, но всё равно определяются этим учением.

Но почему? Всё очень просто: уровень данного учения является не только **самым требовательным**, но и самым, если позволительно так будет выразиться, **выгодным** для человечества, которое до прихода Иисуса Христа ничего лучшего само для себя придумать не смогло.

Только Его заповеди, **самой важной из которых является заповедь бескорыстной любви**, и основанные на них субъективные права (правила), а также их соблюдение способны обеспечить максимально возможное благоденствие и развитие каждого и всех, процветание всего рода людского.

Сказанное о совпадении содержания юридически закреплённых этических субъективных прав с Божьими заповедями позволяет сформулировать следующее общее понятие прав субъекта: сформированное современным массовым сознанием субъективное право – это основанное на Божественных заповедях правило, которое определяет, какими возможностями должен обладать субъект права, какое содействие, отношение он должен получить и т.д.

Данное понимание сущности субъективного права в полной мере относится и к тем правам субъекта, которые нормативно не закреплены. Те, кто слышат дарованный человеку голос совести, имеют такое же понимание сути любого субъективного права, которое фактически соответствует всем заповедям Господа.

Можно предложить и более глубокое по смыслу понятие субъективного права: сформированное современным массовым сознанием субъективное право – это основанное на понимании глубинной сути Божьего промысла по выращиванию своих творений правило, которое определяет, какими возможностями должен обладать субъект права, какое содействие, отношение он должен получить и т.д.

Приведённое понимание сущности субъективного права является единственным, которое соответствует всем фактически сформулированным нами ранее требованиям, включая и такое особое требование, как отсутствие вообще каких-бы то ни было недостатков.

Данное субъективное право – это **не** «право» на грех. Напротив, такое его понимание представляет собой настолько мощный духовный ориентир, следование которому позволяет распознать любые проявления греховности, сатанизма. Люди, исповедующие теизм, защищены от всей подобного рода нечистой напасти, и обмануть их «красивой обёрткой» не выйдет.

Представление о том, что является неверным с точки зрения промысла Божьего, о том, что не соответствует его глубинному смыслу, несмотря на формальное название «субъективное право», никакого права именоваться правом не имеет. «Право» на грех – вещь невозможная, ибо право есть не что иное, как правильность (см. § 2.2), а правильность неправильности, т.е. греха, – это полнейший абсурд. И, к тому же, весьма бесполезный: «Горе тем, которые зло называют добром, и добро – злом, тьму почитают светом, и свет – тьмою...!»¹²³

Атеистический материализм нам предлагает безысходность: «...каждый человек наделён врождённым правом на владение землёй – правом, которое пока что предоставлено людям в довольно скромных размерах, не более шести футов на могилу, ибо все мы рождены с бесспорным правом лечь в неё»¹²⁴. Теизм же дарит нам надежду.

Но не только надежду! Именно теизм придаёт смысл всем нашим законам, теории права и практической юриспруденции, существующим в настоящее время, задаёт их направленность, объясняет их сущность. Если помыслить несколько глубже, чем принято, то становится очевидным, что без теизма никакого смысла в их нынешнем содержании нет. Ведь, если нет Бога, то нет ничего после смерти, нет рая, нет ада, чистилища, а ежели так, то: «Долой всю мораль! Один раз живём! Режь, убивай, отбирай, наслаждайся! Не бойся!»

¹²³ *Пророк Исаия*. Книга пророка Исаии. Глава 5 | Православный церковный календарь на каждый день | Православие и Мир. – URL: <https://www.pravmir.ru/pravoslavnyj-kalendar/bibliya1/28isa05.html> (дата обращения: 16.11.2024).

¹²⁴ *Фредерик Марриет*. Мичман Тихоня. М.: Вече. 2018, С. 8.

Без законов, конечно, и в этом случае обойтись не удастся. Но содержание этих законов будет иным. Это будут правила схватки, войны, нападения, рабства, делёжки добычи... В таком обществе жить не захочется. И «суд» в нём вершить будут только бандиты. О правах человека при этом придётся забыть.

Поэтому надо ценить и теизм, и мораль, которая из него вытекает и смысл придаёт всем законам. Без них будет дикое время, где лозунг будет один: «Кто сильнее, тот и прав!»

Если кому-то могло показаться, что мы, одобряя теизм, отвергаем при этом всё материалистическое, то, уверяем вас, это не так. Особенность нашего взгляда на данный вопрос весьма необычна, но суть его будет раскрыта только в последней главе (§ 8.1) настоящей работы.

§ 7.2. Общие итоги установления сущности субъективного права

Развёрнутое понятие субъективного права.

Субъективное право – это представление о должном (правильном) с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым субъект права: 1) должен иметь возможность пребывать в определённом состоянии; 2) должен иметь возможность осуществлять поведение, определяемое видом права; 3) должен иметь свободу, определяемую видом права; 4) должен получать от других лиц определяемое видом права содействие своему существованию и обеспечению его качества; 5) не должен подвергаться определяемому видом права принуждению или иному негативному воздействию; 6) должен получать определяемые видом права блага; 7) должен иметь к себе уважительное отношение... и так далее.

В данном понятии под субъектом права (обладателем права) следует понимать физическое либо юридическое лицо, в отношении которого действует это представление о должном (правильном) с нравственной точки зрения.

Перечень различных значимых для субъекта права аспектов, упоминаемых в общем понятии субъективного права, пока должен оставаться открытым.

В действительности существует значительно большее число их обобщённых разновидностей, нежели это приведено в данном понятии, и составить исчерпывающий список этих аспектов является делом будущего.

Полученное понятие субъективного права способно наполнить реальным содержанием любую его конкретную разновидность.

Право человека на жизнь – это представление о должном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым любой человек должен иметь возможность жить до тех пор, пока жизнь его не будет прекращена по естественным причинам или по воле случая, то есть без вмешательства других людей.

Право собственности – это представление о должном (правильном) с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым возможностью владеть, пользоваться, распоряжаться имуществом должен обладать его собственник.

Право на правомерную оборону – это такое представление о должном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым любой человек должен иметь возможность без последующего привлечения к ответственности защищать себя, свои ценности, других людей, их ценности путём причинения вреда посягающему.

Право на зарплату, алименты, наследство, компенсацию ущерба, отпуск, пенсию и т.д. – это нравственно правильная модель действительности, в соответствии с которой субъект права должен получить положенные ему блага.

Какой бы пример мы ни рассматривали, полученное представление о сущности прав субъекта демонстрирует способность наполнить правильным пониманием, реальным содержанием понятие субъективного права любой его конкретной разновидности.

Первая краткий вариант понятия прав субъекта.

Возможна и более краткая версия понятия субъективного права. Для перехода к более лаконичной его интерпретации достаточно уяснить следующий ход рассуждений.

Составляющее основу субъективного права «представление о должном с нравственной точки зрения» есть не что иное, как **теоретическая модель должного**.

Слово «должное» выражает собой определённое требование, а это означает, что данная теоретическая модель предъявляет нравственное требование, благодаря чему её можно с полным основанием назвать просто нравственным правилом¹²⁵.

С учётом этого понятие субъективного права представляется возможным сформулировать достаточно лаконично – это нравственное правило, выражающее требование к тому, какими возможностями должен обладать субъект права, какое действие он должен получить от других лиц и т.д.

Использование этой краткой интерпретации общего понятия субъективного права позволяет более кратко сформулировать и понятия конкретных разновидностей прав субъекта.

Право на жизнь – это нравственное правило, в соответствии с которым считается нравственно правильным, что каждый человек должен иметь возможность жить...

Право собственности – это нравственное правило, согласно которому возможностью владеть, пользоваться, распоряжаться имуществом должен обладать собственник имущества. И так далее.

Второй краткий вариант понятия прав субъекта.

Помимо первого краткого варианта, имеется ещё один особый, максимально сконцентрированный по смыслу вариант, который способен охарактеризовать сущность субъективного права посредством всего двух ключевых слов. Эти два слова – «нравственная правильность».

¹²⁵ Должное всегда означает правильное, образцовое, обязательное, предъявляющее требование к тому, каким должно быть что-либо в идеале. Именно в этом и состоит предназначение данного слова (*прим. авт.*).

Понятие прав субъекта, построенное с их использованием, выглядит следующим образом: «Субъективное право – это нравственная правильность должного состояния значимого для лица аспекта его социального бытия». Например, это нравственная правильность того, что каждый человек должен иметь возможность жить...; собственник должен иметь возможность владеть, пользоваться, распоряжаться...; лицу должен быть предоставлен отпуск... и так далее.

Моральное субъективное и юридическое право субъекта.

Субъективное право, которое нормативно не закреплено, следует называть просто моральным правом субъекта.

Нормативно закреплённое субъективное право приобретает статус юридического права субъекта (права по закону, законного субъективного права)¹²⁶.

Деление субъективных прав на естественные и объективные является заблуждением.

И моральное право, которое в законе не закреплено, и объективное право субъекта, то есть то право, которое законодательно закреплено, в совершенно одинаковой мере являются естественными на том основании, что и те, и другие совершенно одинаково выражают естество (естественную сущность) людей их сформировавших и находящихся при этом в одних и тех же условиях существующего мироустройства.

Истинные субъективные права, и моральные, и юридические, должны основываться на нормах христианской морали, главными из которых для понимания сущности субъективного права являются заповедь любви к ближнему и вытекающее из неё «золотое» правило отношения к другим, которое выделено в отдельную заповедь: поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой.

Данные нормы христианской морали давно уже воспринимаются не как собственно религиозные, а в качестве общечеловеческих нравственных ценностей.

¹²⁶ В литературе прежних лет юридически закреплённое субъективное право именуют просто субъективным правом (*прим. авт.*).

ГЛАВА VIII. УЧЕНИЕ О НРАВСТВЕННОМ И МОРАЛЬНОЕ СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО

Неоспоримо, что вся людская нравственность зависит от решения вопроса, бессмертна душа или нет.

Блез Паскаль, физик математик, философ

Только голос совести, определяющий наши отношения к ближнему и к Богу как добрые или злые, даёт им нравственное значение...

Владимир Соловьёв, философ

Человек, признающий мораль и нравственность, не может быть атеистом, потому что абсолютный эталон этой морали и нравственности лежит вне материального мира.

Сергей Михеев, политолог, философ

Один из величайших и священнейших принципов истинной нравственности заключается в религиозном уважении к человеческому достоинству...

Виссарион Белинский, писатель, философ

§ 8.1. О духовном и материалистическом в жизни и науке

Вопросы о том, как следует относиться к другим людям и воспитывать подрастающее поколение, всегда были и навсегда останутся для человечества одними из важнейших и животрепещущих.

В их решении возможны всего два крайних подхода: приведённый ранее материалистическо-атеистический, рассматриваемый в его чистом, выкристаллизованном виде, и духовный (теистический), основанный на заповедях Божьих.

Применение первого подхода предполагает не только меркантильно-эгоцентрическое потребительское отношение человека к другим, построенное на взаимно выгодных условиях, но

и воспитание детей таким образом, чтобы они, повзрослев, были готовы к данному **взаимовыгодному (корыстному)** образу жизни в обществе и соответствовали его требованиям.

Вместе с тем история показывает, что такой, взятый в его чистом виде, материалистическо-атеистический подход, никогда не признавался в обществе идеальным образцом поведения и воспитания. Никогда не следовали данному подходу и сами материалисты. Но почему?

Ответ на данный вопрос очевиден: люди всегда ориентировались и будут ориентироваться в решении данных вопросов на самые лучшие образцы, которыми объективно всегда были и будут наставления Бога. Ведь именно они представляют собой тот идеал, реализация которого по душе каждому человеку, достигшему хотя бы начального уровня духовности, причём даже тем, кто причисляет себя к атеистам.

Так почему бы открыто не признать, что наилучшим образцом отношений между людьми и воспитания являются наставления Создателя?

В нашей стране препятствием этому является материалистическо-атеистическое мировоззрение, навязанное народу коммунистами, и официальная позиция науки, которая сформировалась под их влиянием.

Учёным, которые являются представителями общественных наук, в этом смысле досталась очень незавидная доля.

С одной стороны, они внутренне согласны с высшими заповедями, сами руководствуются ими в повседневной жизни и воспитании своих детей, сами желают, чтобы к ним относились именно так, как это написано в данных заповедях, однако использовать их в качестве научной основы официально не могут.

Так сложилось в советское время, и с тех пор они по-прежнему продолжают руководствоваться в своей научной деятельности именно материалистическо-атеистическим мировоззрением, а оно в данном случае к желаемым результатам, выводам привести не может. Для этого его оказывается явно недостаточно. Максимум того, на что способно данное мировоззрение, продемонстрирован в §§ 4.2, 4.3, 6.1, 6.2 настоящей работы.

Особенно отчётливо эта проблема прослеживается на примере такой науки как этика, которая находится в этом смысле в самом катастрофически невыгодном положении.

Как вы думаете, почему эта наука, большое число специалистов, которые много лет занимаются только вопросами нравственного, до сих пор так и не смогли сформулировать его понятие? Официальная доктрина не приемлет Создателя, а материализм, **преподносимый в свете атеизма**, в этом отношении примитивен, ограничен и даёт то, что требуется, неспособен (см. §§ 4.2, 4.3, 6.2).

Если бы они признали тот объективный факт, что заповеди, которые нам преподносят от имени Бога, являются наилучшими образцами должного, причём независимо от того, существует Бог или нет, а сами по себе, то вопрос о содержании нравственного давно уже был бы решён. Однако этика вопрос о нравственном с этой точки зрения не рассматривает.

Но мы можем помочь этой прекрасной науке. На самом деле это несложно. Для этого достаточно вспомнить о том, что любая наука должна опираться на объективные факты действительности, а они таковы.

В наличии имеется два варианта мировоззрения: материалистическо-атеистический и теистический.

Независимо от того, существует Бог или нет, подавляющее большинство людей считает Его заповеди наилучшими правилами жизни и предпочитает, чтобы к ним относились так, как написано в данных правилах, для чего сами стараются по возможности относиться к другим также в соответствии с этими образцами должного.

Доказательством этого является тот факт, что все билли, пакты, хартии, декларации и конвенции, посвящённые правам человека, а также Конституция нашей страны и основывающиеся на ней законы полностью соответствуют смыслу этих заповедей.

В нашей стране даже Государственный Гимн носит теистический характер: «Россия – священная наша держава», «Хранимая Богом родная земля!».

Для того, чтобы оценить силу и истинность этого мощного аргумента, достаточно вспомнить историю, которая свидетельствует о том, что законодатель всегда шёл на уступки народу и закреплял в законах народные идеалы устройства социальной жизни только тогда, когда не мог поступить иначе, поскольку, в противном случае, он просто мог утратить свою власть.

Именно желание сохранить свою власть побудило правителей различных государств к принятию Всеобщей декларации прав человека: «...необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения»¹²⁷. Обратите внимание на истинный мотив. Это боязнь восстаний, революций, то есть боязнь утратить свою власть, для сохранения которой они согласны править даже по изложенным в Декларации правилам, которые основаны на христианской морали.

Данные исторические факты, применимые к нашей действительности, указывают на то, что соответствие нашего законодательства Божьим заповедям является закономерным следствием того, что массовое сознание исповедует эти заповеди в такой мере, что игнорировать их в решении задачи управления народом невозможно, ввиду чего законодатель и построил законодательную систему в соответствии с этими правилами.

К тому же, судя по всему, наш законодатель и сам руководствуется святыми заповедями, но мы при строгом научном подходе достоверно судить об этом, к сожалению, не можем.

Тот факт, что массовое сознание разделяет Божьи заповеди, указывает на то, что основным нравственным образцом жизни людей в нашем обществе являются именно эти правила, которые нравятся людям независимо от того, веруют они либо относят себя к атеистам.

¹²⁷ Всеобщая декларация прав человека – Декларации – Декларации, конвенции, соглашения и другие правовые материалы – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 18.11.2024).

Как видите, никакого религиозного фанатизма, никакой личной позиции, никакого навязывания веры в этом научном подходе нет. Он отражает только нейтральный научный взгляд со стороны, только объективные факты и предлагает выводы, которые основываются на этих фактах.

Неужели представители этики не могут подойти к этому вопросу хотя бы так, то есть полностью объективно, как это и следует делать учёным, которые должны фиксировать объективные факты и тенденции социальной действительности?

В наличии имеется два конкретных образца мировоззрения. Народ свой выбор сделал. Закон тоже. Воспитатели испокон веку на законном основании учат детей золотому правилу вежливости, которое заимствовано из заповедей. И детей представителей этики в том числе.

Слово за этикой, главная задача которой состоит в том, чтобы выявить наилучший из существующих образцов нравственного, а вовсе не в том, чтобы собирать не совпадающие между собой частные мнения и, пребывая в растерянности от их нетождественности, сокрушаться о том, что понятия нравственного и нравственности сформулировать невозможно.

Отдельно о материализме. Он возник как атеистическое мировоззрение, а затем вобрал в себя результаты философского осмысления действительности с естественно-научной точки зрения. Большинство этих наработок просто **великолепны**, но (!) с самим атеизмом вообще никак не связаны и являются абсолютно от него независимыми. Однако, несмотря на это, они почему-то продолжают отождествляться с атеизмом.

Это последнее обстоятельство вызывает у нас удивление хотя бы уже на том основании, что атеизм является ничем не обоснованным, не представившим ни одного приемлемого с научной точки зрения доказательства своей истинности.

Единственным, **по мнению атеистов**, «мощным аргументом», который, как они полагают, якобы «доказывает» отсутствие Бога, является, эволюционная теория Чарльза Дарвина. В соответствии с этой теорией происхождение человека связывается не с актом творения Высшего Духовного Существа, а с

природной изменчивостью видов (их способностью к адаптации, эволюционированию) и естественным отбором.

В данной связи мы можем представить три очень мощных контраргумента, которые полностью деактивируют, нейтрализуют этот якобы «аргумент» атеистов.

Во-первых, эволюционная теория происхождения человека объективных научных доказательств своей истинности не имеет. Да, в природе действительно существуют изменчивость видов живых существ и их естественный отбор. Но эта изменчивость проявляется только в рамках каждого вида отдельно и до сих пор ещё ни разу не привела к эволюционному скачку в виде перехода от одного вида живых существ к другому.

Во-вторых, даже если предположить, что теория Дарвина верна, то (внимание!) даже это гипотетическое обстоятельство не способно опровергнуть факт существования Бога! Кто сказал и доказал, что весь наш тончайшим образом устроенный гармоничный мир не сотворён Господом, а возник сам по себе? Никто!

По мнению современной науки самовозникновение нашего мира невозможно. Следовательно, нельзя исключать и того, что происхождение человека явилось результатом эволюционирования сотворённой Создателем материи.

Но атеисты с этого ракурса вопрос о происхождении человека не рассматривают. Он для их мировоззрения является очень неудобным и катастрофичным.

В-третьих, научное обоснование какой-либо научной позиции предполагает опровержение точек зрения её оппонентов, а атеисты, несмотря на все их старания, сделать этого не могут.

Но вот оппоненты атеистов их самих опровергают: Свои чудеса Господь по-прежнему продолжает являть человечеству, а некоторые из них даруются регулярно. Например:

- Схождение Благодатного Огня в Иерусалиме в ночь перед православной Пасхой.

- Поворот вспять течения реки Иордан после того, как Иерусалимский Патриарх освятит её воды на праздник Крещения.

- Каждый год, примерно за 15-20 минут до наступления полудни, в ночь с 3 на 4 декабря, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, распускаются вербы. При этом не имеет значения, какая на улице стоит погода и температура.

- В день Успения Пресвятой Богородицы, к чудотворной иконе Панагия Федуса сползаются ядовитые змеи с крестиками на головах. При этом змеи никого не жалят, а прихожане не удивляются вновь прибывшим посетителям.

- В греческом поселении Пастра в день Успения Пресвятой Богородицы (в августе) у чудодейственного образа Богородицы Гравалотиссы зацветают сухие лилии, сорванные и принесённые ещё весной. Без воды и корней цветы вновь оживают и зацветают, при этом появляются новые бутоны.

- Ежегодно 19 августа в день, когда Православная Церковь празднует Преображение Господне, над горой Фавор, где расположен Православный Храм, появляется облако, которое осеняет и Храм, и присутствующих там людей.

- Мощи Святого Чудотворца Спиридона Тримифунтского периодически исчезают из своей раки, а когда появляются вновь, то подошва тапочек, одетых на ноги святого, оказывается полностью стёртой, поэтому святого «переобувают», а стёртые тапочки режут на кусочки и раздают паломникам. И так далее.

Все эти чудеса неоднократно подвергались самой насколько это возможно строгой научно-детективной проверке, однако никому из атеистически мыслящих учёных опровергнуть их Божественное происхождение так и не удалось.

Особым доказательством существования Бога, является такое чудо как голос совести.

Если уважаемый читатель хотя бы раз в жизни слышал голос совести, он уже должен знать, что Бог существует. И никакие рассуждения атеистически мыслящих психологов о том, что этот голос является проявлением подсознательной деятельности, опровергнуть этого факта не могут.

Подсознание всегда индивидуально, а голос совести всегда даёт одинаковую оценку одному и тому же поступку с точки

зрения миллиардов людей, которые прибегают к его помощи. Если же предположить, что совесть действительно является голосом индивидуального подсознания, то это было бы невозможно. Но ведь это возможно, и так есть.

Разве этот факт не указывает на то, что источник у голоса совести всех людей один и тот же, и находится он вне отдельно взятого человека? В христианстве голос совести – это дарованный человеку Дух Истины, посредством которого с нами говорит сам Бог.

Весьма интересна демонстрация научной несостоятельности атеизма, проводимая с использованием независимых от тезиса и атеизма философских наработок материализма.

Во-первых, эту несостоятельность можно показать с помощью таких категорий материалистической диалектики как сущность и явление, которые очень просто доказывают существование Бога. Об этом свидетельствуют являемые Господом чудеса. Ведь если Он их являет, то Он существует. То, чего нет, являться не может. Но если явления есть, значит, есть Тот, кто являет в них сущность.

Об этом же свидетельствует и применение материалистических категорий причины и следствия. Чудеса являются результатом. Но что является их причиной? Причина их в том состоит, что Господь их являет. Без Него, то есть сами, они случаться не могут, а, тем более, ежегодно, по расписанию.

Чем же это не научное доказательство наличия Бога и необоснованности атеизма, причём опирающееся на объективно зафиксированные, проверяемые факты действительности и проведённое по всем правилам материалистической науки?

Принимая во внимание сказанное относительно научной необоснованности атеизма, для пользы науки представляется целесообразным оставить в материализме всё ценное, а атеизм вывести в отдельное самостоятельное мировоззренческое направление. Мы никаких препятствий для этого не видим. Большое число известных учёных являются верующими, но это не мешает им заниматься ни естественно-научными исследованиями, ни их философским осмыслением.

Материализм как естественно-научная философия возможен и без атеизма, его просто необходимо начать воспринимать по-новому, а именно, как естественно-научную философскую систему знаний о человеке и окружающем его мире.

Что может дать выделение атеизма в отдельное самостоятельное мировоззрение?

Прежде всего, конечно, свободу научного мышления. Если говорить, например, о проблеме, существующей в понимании нравственного, то освобождение материализма от атеизма даст учёным возможность перестать игнорировать тот объективный факт, что массовое сознание и законодатель признают святые заповеди лучшими образцами должного, причём независимо от того, существует Бог или нет. А это уже очень ценный результат в виде возможности объективно и непредвзято рассматривать факты действительности, оперировать ими.

Кесарю – кесарево, атеистам – атеистическое, а учёным – свободу оперировать фактами! Свободу материализму от атеизма! И ... теизм такому материализму не помеха!

Они отражают различные аспекты действительности, – духовный и материальный, – и противопоставлять их друг другу ненаучно. Теизм и атеизм – вот два настоящих антипода. Естественно-научная философия в этом отношении нейтральна и антиподом теизма не является. Вот почему теизм никоим образом естественно-научным, в том числе философским, исследованиям не препятствует.

Пожалуйста, исследуйте, познавайте сотворённый Господом мир, восхищайтесь этим Его творением. Может быть, тогда вы узнаете не только то, что он построен по строгим математическим законам, но и много другого интересного, удивительного и важного. Пожалуйста, проводите философское осмысление материального мира, ставьте на службу человеку все полученные при этом знания и преумножайте его блага.

Теизм ничего этого не запрещает, и священнослужители сами с удовольствием пользуются всеми доступными для них достижениями той части материалистической науки, которая является независимой от теизма и атеизма.

Не отрицает теизм и материалистического понимания природы человека, который, будучи движим своими стремлениями (см. § 5.2), нуждается в других людях (см. § 6.1). Но он дополняет это понимание важной духовной составляющей, благодаря которой человека уже нельзя рассматривать в качестве меркантильно-эгоцентричного существа, которое относится к другим и к миру лишь с потребительской точки зрения (§ 6.2). В теизме человек любит других людей не потому, что нуждается в них как в средстве реализации своих стремлений. Дарованная Богом любовь чиста и бескорыстна, способна дать силы на подвиг самопожертвования.

Данные обстоятельства демонстрируют тот факт, что теизм и освобождённый от атеизма материализм не только не противоречат друг другу, но взаимодополняют друг друга, и только совместное их применение может обеспечить решение рассматриваемых проблем, возникших на стыке трёх философий: права, морали и мотивации¹²⁸. Каков узелочек?! Просто восторг! В нём и то, и другое, и третье, но освобождённому материализму всё ни по чём, если он дружит с теизмом!

§ 8.2. Нравственное и нравственность. Нравственное и его соотношение с моральным субъективным правом

Имеющиеся к настоящему времени достижения в познании нравственного и нравственности были представлены в §§ 4.2 и 4.3. Поэтому в данном параграфе предлагается лишь авторское понимание этих вопросов.

Понятие нравственного.

Нравственное – это представление о должном, которое предъявляет требования к тому, какими имеющими значение для других качествами должен обладать человек, как он должен относиться к другим, и каким образом люди должны

¹²⁸ См.: §§ 4.1, 4.2, 4.3, 5.2, 6.1, 6.2, 7.1 наст. работы (*прим. авт.*).

взаимодействовать в их социальной жизни для того, чтобы эта жизнь обеспечивала благоденствие всех и каждого, процветание всего рода людского.

Нравственное как представление о должном является продуктом массового народного сознания и отражает мечты людей об идеальном устройстве их совместной жизни в социуме (в кругу друзей, семье, различных групповых образованиях, обществе, в международном общении и в масштабах всего человечества) как при личных контактах, так и при опосредованном взаимодействии.

Данное представление охватывает собой абсолютно все аспекты социальной жизни людей, от которых зависят условия их существования и развития.

Поэтому нравственное как представление о должном находит своё выражение в совокупности соответствующих представлений конкретных разновидностей, основными из которых являются:

- *Представления об идеальном социально-экономическом и политическом устройстве и функционировании общества.*

Например, об идеальной системе власти, которая должна служить народу и обеспечивать возможность достойных условий жизни каждому человеку, о справедливой системе распределения произведённых в обществе благ, о системе справедливой оплаты труда, о системе достойного пенсионного, медицинского обеспечения и т.д., и т.п.

- *Представления о содержании идеальных законов и иных нормативных актов, т.е. основных и самых значимых правил жизни и деятельности, которые должны быть установлены в обществе в целях создания и поддержания достойного уровня жизни его членов.*

- *Представления об идеальных правилах личного взаимодействия людей.*

Представления о содержании идеальных нормативно закреплённых установлений, а также тех идеальных правил взаимодействия, которые нормативно не закреплены, существуют в виде (форме) моральных субъективных прав и моральных

обязанностей, которые в совокупности составляют содержание нравственных норм. Для правильного применения нравственных норм выработаны и используются особые представления о должном, которые принято называть нравственными установками и принципами.

- *Представление о должном отношении к природе, к поведению, деятельности, которые вносят в природу изменения.*

Природа является не личной карманной игрушкой каждого, а общей средой существования людей, всего человечества, по причине чего в отношении к природе опосредованно проявляется и отношение к другим людям.

- *Представление о том, какими имеющими значение для других качествами должен обладать каждый человек.*

Поступки, поведение, деятельность человека нельзя рассматривать в отрыве от него самого, ибо именно в них он проявляет свою сущность. Она, эта сущность, и есть тот внутренний фактор, который определяет поведение индивида. Поэтому тот, кто хочет добиться от человека желаемого, прежде всего должен обратить внимание на воспитание в нём требуемых качеств личности. Понимание этого привело к тому, что неотъемлемой частью нравственного как представления о должном стало представление о том, какими значимыми для других качествами должен обладать каждый человек для того, чтобы его поступки, поведение, деятельность были направлены во благо другим.

- *Представление о том, какими должны быть произведения искусства и социально значимая информация.*

Процесс воспитания нравственной личности предполагает использование образцов нравственного. Лучшими такими образцами являются фактические поступки, поведение, деятельность людей. Помимо этого образцы нравственного должны быть представлены в произведениях искусства¹²⁹, а также в

¹²⁹ Здесь произведения искусства упоминаются в самом широком их понимании, которое охватывает собой: работы художников, скульпторов, архитекторов, ювелиров, оружейников, мастеров народного творчества,

окружающей человека информации. Произведения искусства и информация, которые содержат образцы безнравственного, оказывают негативное, деструктивное воздействие на личность человека и, как следствие, приводят к таким его поведению, деятельности, которые негативно отражаются на других людях. Их необходимо порицать и запрещать.

- *Представление о внутреннем отношении к другим.*

Данное представление является очень важным по той причине, что внутреннее отношение к иным людям способно оказывать влияние на поступки, поведение человека, которые могут быть для других позитивными или негативными. Понимание этого повлекло формирование образцов должного отношения к другим, которые (образцы), стали использоваться при воспитании человека и для оценки его личности.

Отношение к другим людям выражается такими категориями нравственного сознания, как, например, любовь, милосердие, самопожертвование, забота, прощение, щедрость и т. п.

Помимо этих категорий существуют и иные категории морального сознания, которые используются в качестве нравственного ориентира и критериев нравственной оценки. Важнейшими из них являются, например, категории добра, справедливости, чести, долга и мн. др.

Понятие нравственности. *Нравственность*¹³⁰ – это качественный признак личности человека, его поступков, поведения, деятельности, какого-либо иного аспекта социальной

различных резчиков по дереву, кости и т.д.; музыкальные произведения, включая вокал; все жанры литературы, в том числе устного творчества; театр; кинематограф; хореографию (в целом искусство танца); цирковое искусство; спортивные номера с художественными элементами; работы дизайнеров (промышленных, ландшафтных, интерьерных, одежды); искусство парикмахеров; искусство макияжа; и т.д., за исключением татуировок (*прим. авт.*).

¹³⁰ Слово «нравственность» по своей морфологии сконструировано абсолютно таким же образом, как и слова «твёрдость», «честность», «порядочность», «образованность» и т.д., т.е. является признаком, характеризующим отличительную черту, свойство, качество (*прим. авт.*).

жизни, означающий их соответствие нравственному как представлению о том, какими они должны быть для обеспечения благоденствия всех и каждого, всего рода людского.

Основанием (критерием) такой оценки является соответствующий конкретный аспект нравственного (теоретической модели должного).

Человек, которому присущ такой признак его личности как нравственность, признаётся нравственным, заслуживающим уважения.

Помимо личности человека, к предмету оценивания с точки зрения нравственного относятся поступки, поведение, деятельность, в том числе, вмешательство в природу, различные нормативные акты, установления, научные достижения, произведения искусства и иные явления культуры, информация, а также все иные аспекты социальной жизни людей, от которых зависят условия их существования и развития.

В случае соответствия нравственному как представлению о должном их следует считать нравственными, нравственно обоснованными, заслуживающими одобрения.

О необходимости разграничения нравственного и нравственности.

В подавляющем большинстве источников по этике и иных источниках употребляется только слово «нравственность», а «нравственное» не упоминается.

Данное обстоятельство привело к тому, что нравственность в них называется всё, что угодно, – и предмет оценивания, и результат оценивания, и основание оценки с нравственной точки зрения, – а это неверно. Все они являются различными вещами действительности, и называть их одним словом «нравственность» равнозначно установлению между ними тождества, что действительности не соответствует. Вот почему с научной точки зрения данный вариант употребления слова «нравственность» является недопустимым.

Особенно актуальной данная проблема терминологического характера является для принятой в философии дихотомии (различения) должного и сущего в контексте рассмотрения

нравственных аспектов нашей жизни. Представители этики не могут не знать об этой проблеме.

В данной философской парадигме должное – это теоретическая модель идеального (образцового) состояния действительности, а сущее – это реально существующее положение дел. Смешивать их между собой недопустимо, – они являют собой различные аспекты действительности, – а нынешнее употребление слова «нравственность» приводит к их эклектичному, ненаучному отождествлению.

Совершенно иначе, т.е. уже абсолютно верно, будет выглядеть данная философская дихотомия при использовании для её описания не одного только слова «нравственность», а двух слов: «нравственное» и «нравственность». Слово «нравственное» в данной парадигме будет представлять собой должное, что полностью соответствует сформулированному понятию нравственного как теоретической модели должного, а слово «нравственность» будет использоваться для характеристики сущего, указывая на реально существующий качественный признак какого-либо из аспектов реальной действительности.

Рассматривать слово «нравственность» в качестве многозначного нет смысла не только потому, что это делает невозможной философскую дихотомию должного и сущего, но и по другой причине. В силу неопределённости содержания этого многозначного слова его употребление довольно часто приводит к эффекту эскалации неопределённости в построении рассуждений. Особенно острой является эта проблема при использовании понятия нравственности вне конкретного контекста. Это ещё одна весомая причина, по которой многозначное понимание нравственности является неприемлемым. Любое понятие всегда должно нести знание, прояснять содержание того либо иного аспекта действительности, а не привносить неопределённость в его понимание.

Во избежание упомянутых выше проблем необходимо проведение очень чёткого разграничения между нравственным как представлением о должном, которое является критерием (основанием) процесса оценивания, и между нравственностью как

результатом процесса оценивания, как признаком, означающим соответствие нравственному (идеальной теоретической модели должного).

Установление конкретного значения «нравственности» позволит устранить ещё одну ошибку, имеющуюся в употреблении этого слова. Выше она была упомянута первой. Данная ошибка выражается в том, что нравственностью называют даже предмет оценивания: «**нравственность** – это **поведение** человека...»¹³¹. Детальная демонстрация неприемлемости такого понятия как нереального представлена в § 4.3 настоящей работы. Нравственность является **признаком** нравственного поведения, но не самим поведением. Соответственно и наоборот, поведение не может являться своим признаком. Ни одна вещь действительности не может быть сведена к одному из своих признаков, – вещь не есть свой признак, она есть то, чему он присущ.

Теперь, после установления конкретного значения слова «нравственность», его необходимо будет использовать только для обозначения результата оценивания, что исключит возможность называть нравственностью предметы оценивания.

Можно, конечно, и не трогать этот вопрос. Ведь спортсмены повсеместно бегают не по периметру стадиона, площадки, спортзала, а «по кругу», который является фигурой площади, и ничего плохого с ними от этого не происходит. Многие, например, не чувствуют, а «слышат» приятный аромат кофе и булочек, что не мешает им посетить кафе, из которого он исходит. Двери открываются совершенно одинаково и в том случае, когда на них вместо «к себе» написано «на себя»¹³² и т.д.

¹³¹ Словарь Ефремовой Т.Ф. – URL: <https://znachenie-slova.ru/нравственность> (дата обращения: 05.02.2024).

¹³² Направление действия, движения описывают посредством таких парных выражений, как «к себе» и «от себя». Слова «на себя» и «с себя» являются парными для другого контекста. Надеть на себя, а потом снять с себя можно, например, предметы одежды. Это общеизвестно. Так почему на подавляющем большинстве входных дверей указано «на себя»? Что это, общая безграмотность? Думается, что нет. Просто люди не

Но зачем мы тогда вообще занимаемся наукой?

В частности, для того, чтобы у нас в дальнейшем не было понятий, которые ничего, помимо путаницы, недоумения и разочарования не вызывают (§§ 4.2 и 4.3). Ничего не стоит на месте, всё развивается, и если настала очередь небольшого усовершенствования парадигмы нравственных аспектов нашей жизни, то сопротивляться этому нет смысла. Ростки истины уже взошли, и закатывать их в асфальт бесполезно, – могучую силу их роста ничто не удержит.

Нравственное и его соотношение с моральным правом субъекта.

Моральное субъективное право является одной из разновидностей нравственного как представления о должном.

Нравственное является более широкой категорией, которая, помимо моральных прав субъекта охватывает собой его моральные обязанности, моральные нормы в целом, внутреннее отношение человека к другим, представление о нравственной личности, представление о нравственных ценностях, а также критерии нравственной оценки личности, социальных явлений и другие аспекты нравственной парадигмы.

В завершение следует отметить, что ничего принципиально нового в данном параграфе сказано не было. Весь этот материал по маленьким и не очень крупным давно уже был представлен в литературе, в реалиях жизни и настолько «вита́л в воздухе», что нам оставалось лишь упорядочить его и собрать воедино.

Новыми сформулированные выше понятия нравственного и нравственности могут оказаться, пожалуй, только для представителей существующей ныне науки. Обычным людям они вряд ли покажутся каким-то открытием.

придают этому вопросу большого значения, а хитрые продавцы вывесок и наклеек пользуются этим, зарабатывая для себя дополнительно 20% выручки, ибо табличка «на себя» содержит на одну букву, т.е. на 20% текста больше, чем надпись «к себе». Люди! Пора начинать считать свои деньги, тогда и публичная грамотность надлежательно будет! (*Прим. авт.*).

Несмотря на ярко выраженный теистический характер предыдущего материала, в данном параграфе ничего религиозного не упоминается. Но почему? Для чего в таком случае об этом столько говорилось выше? Ответы на эти вопросы приводятся в следующем параграфе.

§ 8.3. Решение проблемы в понимании нравственного и светский вариант его интерпретации

Воля Бога – это то, что мы называем законом нашей жизни. Выполнение закона нашей жизни и есть то, что мы называем нравственной истинной жизнью.

Конфуций

Понимание нравственного различными людьми является нетождественным.

Данное обстоятельство определяется различным уровнем духовного развития, различным представлением о сущности нашего мира, о происхождении и месте в нём человека и, соответственно, различным пониманием смысла жизни¹³³ людей.

В решении вопроса о картине мира, о месте в нём человека, о смысле жизни имеется две крайних позиции, которые весьма существенно отличаются друг от друга.

«Первая из них выражает взгляды тех, кто знает, что Творец существует, или, по меньшей мере, верит в его существование. Вторая, – представляет взгляды тех, кто не приемлет этого.

Соответственно этому различаются между собой и смысл жизни, и стремления представителей этих крайних позиций.

Однако людей, придерживающихся таких крайних взглядов, очень мало, и подавляющее большинство населения имеет

¹³³ См.: Семченков И.П. *Философия мотивации и воспитание высоко-нравственной личности* [Текст] /И.П. Семченков /Коллективная монография на русском и англ. языках: Высшая школа – Храм культуры. В рамках программы ООН «Вклад научных сообществ» /Пан Ги Мун и др. – 3-е доп. изд. Казань: ЗАО «АБАК», 2014. С. 149.

мировоззренческие позиции, которые находятся между этих двух крайних точек зрения. Чьи-то взгляды ближе к одной, а чьи-то, – к другой точке зрения»¹³⁴.

В подобной ситуации сформулировать некое усреднённое, универсальное понятие нравственного, которое устраивало бы всех, невозможно. Всегда найдётся кто-нибудь, кто будет думать иначе. Кто-то будет считать ненависть, месть, пошлость, эксплуатацию, убийство, грабёж, коррупцию, предательство, развязывание агрессивной войны, геноцид приемлемыми, а кто-то даже помыслить об этом для себя как о допустимом не сможет.

Что же делать, как поступить?

Во-первых, понять, что упомянутые негативные образцы ведут к взаимному уничтожению, и признать их неприемлемыми.

Во-вторых, ориентироваться на выбор массового сознания, а оно считает лучшими образцами должного наставления Бога, что было доказано в § 8.1.

И, в-третьих, задумавшись о предназначении этики как науки, придти к пониманию того, что её главная задача состоит не в вычислении «среднего арифметического значения» либо «средней температуры» нравственного (здесь это не работает), а в том, чтобы предложить в качестве ориентира самый лучший из существующих образцов должного.

Решение этой задачи установления (поиска) лучших образцов должного неизбежно приведёт к тому, что ими всё равно так либо иначе будут признаны преподносимые нам от имени Бога наставления, лучше которых для большинства представителей человечества ничего быть не может.

¹³⁴ Коровин А.А., Семченков И.П. *Философия мотивации и важное направление подготовки управленческих кадров // Современное управление: векторы развития. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Калининград, Западный филиал РАНХиГС. 2018. С. 244.*

При этом они действительно являются таковыми даже вне зависимости от того, существует Бог или нет, и независимо от самого факта постановки вопроса о Его существовании.

Таким образом, следуя второму и третьему пунктам алгоритма решения вопроса о содержании нравственного, исследователь так либо иначе, но всё равно придёт к одному и тому же, – лучшими образцами нравственного как представления о должном являются заповеди любви к ближнему и иные заповеди, дарованные Господом, которые действительно являются лучшими, причём даже сами по себе, а не потому, что нам их преподносят от имени Творца.

Из этого следует, что нравственное должно включать в себя как те моральные нормы, соответствие которых Божьим заповедям является очевидным, так и те, которые на первый взгляд представляются неочевидными, но вытекают из глубинного смысла промысла Божьего, его предназначения.

К числу этих последних, например, относится понимание того, что Господь не случайно разделил человек на мужчин и женщин. Ему нужны дети, в тела которых Он вселяет души и, тем самым, даёт им возможность прохождения земного пути их обучения и развития. Таков один из важнейших базовых аспектов механизма промысла Божьего, с учётом которого естественный (предусмотренный Создателем) семейный союз всегда должен быть союзом только мужчины и женщины.

Полезен он и для живущих на Земле. Только такой союз дарит живительный и приятный обмен мужской и женской энергиями, счастье материнства и отцовства, обеспечивает заботу о пожилых родителях, передачу новому поколению полезных генетических мутаций и т.д. Иные «союзы» препятствуют промыслу Бога по творению душ и ведению их к счастью бесконечной жизни. Вот почему они нередко наказуемы даже здесь, в нашем мире, а не только после смерти.

Принимая во внимание вышеизложенное, понятие нравственного необходимо сформулировать следующим образом: Нравственное – это основанное на святых заповедях Бога представление о должном с Его точки зрения, которое предъявляет

требования к тому, какими качествами должен обладать человек, как он должен относиться к другим, и каким образом люди должны взаимодействовать в их социальной жизни для того, чтобы всё это соответствовало замыслу Бога.

Вместе с тем, с включением данного понятия в учебники торопиться не следует.

В решении этого вопроса следует принять во внимание тот факт, что этика является не религиозной дисциплиной и преподаётся не в религиозных, а светских образовательных учреждениях. К тому же истинно верующих среди учеников и научно-педагогического состава на самом деле не так много, а у остальных такого рода понятие может вызвать недопонимание. Помимо этого рассмотрение данного понятия неизбежно повлечёт вопросы о том, существует ли Бог, для чего Он дал нам свои заповеди и чего этим хочет добиться, в чём вообще состоит Его замысел и т.д. То есть, дальнейший анализ такого понятия превратится в занятие по изучению промысла Божьего, которое ничем не будет отличаться от занятий, проводимых в религиозных учебных заведениях.

Поэтому для того, чтобы эти моменты в ходе занятий по этике не возникали, желательно изложить то же самое понятие нравственного, но в светской стилистике (интерпретации). И это оказалось возможным. Давайте вернёмся к предложенному нами светскому понятию нравственного (см. § 8.2) и посмотрим, каким образом была реализована эта задача.

Нравственное – это представление о должном, которое предъявляет требования к тому, какими имеющими значение для других качествами должен обладать человек, как он должен относиться к другим, и каким образом люди должны взаимодействовать в их социальной жизни **для того, чтобы эта жизнь обеспечивала благоденствие всех и каждого, процветание всего рода людского.**

Отличительной чертой этого понятия является **указание на предназначение** предлагаемых в нём моделей должного (в понятии нравственного данное предназначение выделено жирным шрифтом). Именно эти слова о предназначении понятия

нравственного позволили придать моделям должного содержание, полностью соответствующее тому представлению о должном, которое существует в массовом сознании.

Только благодаря данному указанию понятие нравственного смогло обрести смысл своего существования, конкретику содержания и востребованность.

Без указания своего предназначения понятие нравственного так и оставалось бы неопределённым. Вот в чём секрет и ключик успеха, – это постановка вопросов о том, зачем вообще необходимо понятие нравственного, чего стремятся достичь люди, формулируя данное понятие, чему должен служить сформированный идеал (образец), достижению какой именно цели.

Ответ на эти вопросы является общим: нравственное как представление о должном является продуктом массового народного сознания, который по своему предназначению должен отражать представления людей об идеальном для всех и каждого устройстве их совместной жизни в социуме.

Указание данного предназначения нравственного и есть тот способ, который делает это понятие абсолютно тождественным по содержанию религиозному понятию нравственного, но выглядит оно не религиозно, а уже по-светски, всего лишь отражая чаяния большинства населения.

Тонкость вопроса здесь заключается в том, что благоденствие всех и каждого, процветание всего рода людского возможно обеспечить **только** при соблюдении святых заповедей, основными из которых являются следующие: **возлюби ближнего твоего, как самого себя; во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними.** Никакие иные базовые установки достижение данной цели всеобщего благоденствия и процветания обеспечить не могут.

Поэтому **указанное в понятии** нравственного его собственное **предназначение**, будучи полностью соответствующим заповедям, **в дальнейшем начинает работать уже «самостоятельно»** и определяет именно такое содержание моделей должного, которое полностью соответствует святым писаниям, но уже без буквального их упоминания.

Благодаря этому нам и удалось сформулировать в предыдущем параграфе понятие нравственного, нравственности, а также изложить иные вопросы сферы нравственного, формально вообще никак не упоминая Бога¹³⁵, религии, теизма.

Однако при этом полученное понятие оказалось таким, которое, выражая мечту массового сознания о должном, охватывает собой только наилучшие образцы должного, а всё нечестивое оставляет за рамками истинного понимания нравственного.

Использование такого понятия нравственного, за редчайшим исключением, найдёт положительный отклик в душе практически каждого ученика и вообще человека и никаких вопросов, уводящих в религиозную сферу, не вызовет. Оно, конечно, не понравится сатанистам, нацистам, эксплуататорам, и другим им подобным начальным в своём развитии душам. Но это их личное мнение, и мы не должны ему следовать. Нам необходимо и хочется двигаться дальше, к своей мечте – к счастливой жизни людей в этом мире, и не только в этом.

§ 8.4. Массовое сознание и его выбор правил, основанных на христианской морали

В предыдущей части книги неоднократно упоминались два тезиса, совместить которые друг с другом по причине кажущейся их противоречивости неподготовленному человеку без длительных размышлений довольно затруднительно.

Первый из них – это тезис о том, что индивидуальное представление о нравственном нередко является нетождественным тому пониманию, которое имеется у других людей.

¹³⁵ Идею изложения заповедей Бога в их светской интерпретации мы позаимствовали у коммунистов, из их Морального кодекса строителей коммунизма. Причины его разработки и принятия прозаичны. Как они ни старались изобрести свою особую коммунистическую мораль, ничего у них из этого не получилось. Ничего лучше святых заповедей не существует, поэтому они и оказались вынужденными прибегнуть к их использованию, но уже не в явной, а завуалированной форме (*прим. авт.*).

Второй тезис, причём научно доказанный, – это тот факт, что массовое сознание отдаёт приоритет тем правилам жизни, которые основаны на христианской морали, и считает именно эти правила наилучшим из существующих образцов должного с нравственной точки зрения.

Но почему при нетождественности индивидуального понимания нравственного массовое сознание в решении этой же проблемы проявляет единодушие? В основе ответа на этот вопрос лежит понимание того, что человеком движет стремление жить и стремление к определённом качеству жизни.

Людей, которых с точки зрения Бога можно отнести к истинно верующим, на самом деле не так много. Эти люди принимают Божьи заповеди как высшей образец в силу своей веры. У остальных же данный выбор имеет свои особенности. В рассмотрении вопроса о правилах устройства общественной жизни они фактически решают его следующим образом.

Обычные порядочные люди, составляющие большинство, из всех возможных вариантов всегда стремятся выбрать тот, который является для них наиболее выгодным и безопасным.

Самыми выгодными и безопасными являются правила, которые основаны на Божьей заповеди любви к ближнему, лежащей в основе всех нормативно-правовых документов, провозглашающих и закрепляющих права человека и иные субъективные права, наличие и соблюдение которых дают определённые гарантии выживания, обеспечивают определяемый ими уровень качества жизни, а также различные перспективы.

Данные обстоятельства привели к тому, что заповедь любви к ближнему, дарованная Иисусом Христом, к настоящему времени получила статус не только исключительно религиозной, но уже общечеловеческой ценности.

Эта заповедь объективно является наилучшим образцом должного, который должен лежать и лежит в основе принимаемых ныне законов. Поэтому она фактически признаётся даже атеистами. Они тоже хотят закрепления за ними субъективных прав и их соблюдения. Просто многие из них не знают того, что наличием своих прав они обязаны именно этой заповеди.

Внутреннее несогласие с данной заповедью встречается у некоторых представителей власти. Но официально они всё равно её одобряют по причине того, что вера людьми управлять помогает (вспоминайте Н. Макиавелли), а также в силу того, что в противном случае они могут утратить свою власть.

Некоторые «изобретают» особое понимание «нравственного» для того, чтобы отстоять свою пользу в социальных конфликтах. Однако, когда возникает необходимость официального выбора правил жизни в обществе, и эти люди всегда соглашаются с правилами, которые основаны на Божьих заповедях. Им выгодно, чтобы **их самих** любили, заботились о них, обеспечивали возможности реализации их прав.

За эти же правила голосуют и те, кто считает для себя их исполнение необязательным и соблюдать их не собирается. Им также хочется, чтобы отношение **к ним самим** и их близким было построено на основе заповеди любви.

Все эти люди – эгоисты, которые считают для себя допустимым относиться к другим так, как им захочется, но от других они стремятся получить только самое лучшее из всех возможных отношений. И такое отношение других к ним самим является для эгоистов очень важным. Дело в том, что противостоять всем другим, если они также будут эгоистами, в социальной конкуренции за возможности реализации собственных стремлений очень трудно. Поэтому для них самих, как и для большинства людей, также важно, чтобы все другие относились к ним на основе заповеди любви. Однако для этого необходимы правила и законы совместной жизни, которые основаны на христианской морали. И эгоисты будут за неё голосовать именно по причине свойственного им эгоизма.

Вот почему ещё, т.е. помимо веры, массовое сознание признаёт заповеди Бога лучшим образцом должного при нетождественном понимании нравственного отдельными индивидами: подавляющему большинству выгодно, а, значит, необходимо, чтобы другие люди, государство заботились о них, обеспечивали им условия их жизни, а без приоритета заповеди любви к ближнему это невозможно. Без неё будут рабство и тирания.

§ 8.5. Особенности преподавания нравственного, нравственности и субъективного права

*Где просто, там ангелов со сто,
а где мудрено, там ни одного.
Где нет простоты, там одна пустота.
Амеросий Оптинский*

*Самый верный признак истины – простота и ясность.
Ложь всегда сложна, вычурна и многословна.
Лев Толстой*

Рассмотрение содержания нравственного и сущности субъективного права как его разновидности с позиции атеистической точки зрения бесперспективно. Следуя этим путём, мы опять должны будем вернуться к тому пониманию «морального» субъективного права, которое было получено в § 6.1. Такое право по своей сути является далеко не моральным, а меркантильно-эгоцентрическим «правом», неспособным объяснить даже право каждого человека на жизнь и дающим основание для уничтожения ненужных людей, развязывания агрессивных войн и геноцида (см. § 6.2). Столкнувшись с данной проблемой, творчески мыслящий, ищущий истину преподаватель однажды всё равно придёт к пониманию того, что её решение возможно только на основе теистического подхода (см. § 7.1), и никаких иных пригодных для этого вариантов не существует.

Каким образом следует решать вопрос о преподавании тем, кто в Бога не верит, показано в § 8.1. Для этого достаточно принять в качестве объективного факта (не более) то обстоятельство, что наставления Бога являются наилучшими образцами должного сами по себе и вне зависимости от постановки вопроса о том, существует Он или нет. Такой подход сможет обеспечить не только решение проблемы установления сущности нравственного, нравственности и, соответственно, прав субъекта. Помимо этого он не будет создавать никакого внутреннего мировоззренческого дискомфорта и не потребует публичной демонстрации личной позиции, в чём бы она не выражалась.

Принятию верного решения по данному вопросу должно помочь приведённое в §§ 8.1 и 8.3 понимание того, что **главная задача этики состоит в том, чтобы выявить наилучший из существующих образцов нравственного**, а не в том, чтобы собирать несовпадающие между собой частные мнения и, пребывая в растерянности от их нетождественности, сокрушаться о том, что понятия нравственного и нравственности сформулировать невозможно.

Именно с этого либо иного, но подобного ему по смыслу тезиса мы предлагаем начинать рассмотрение вопроса о предназначении этики и содержании нравственного.

Те, кто не согласен с нашей позицией, выражающей мнение большинства представителей человечества, могут предвзирать рассмотрение содержания нравственного иначе, а именно, посредством приведения ранее упоминавшихся в § 4.2 высказываний К.Д. Кавелина и А.А. Гусейнова: «На поверку выходит, что **нравственность есть нечто крайне неопределённое и туманное**»¹³⁶; «...этика убедительно показала, что **мораль** говорит не о том, о чём она говорит, что безусловная категоричность её требований **не может быть никак обоснована**, повисает в воздухе. Мораль продолжает функционировать во всей своей "фальши", "отчуждённости", "лицемерии"»¹³⁷.

Но о чём можно говорить после этого? В написании такого рода лекций или учебников, как неспособных ответить на вопрос о содержании нравственного, а, следовательно, и о сущности субъективного права как его разновидности, мы никакого смысла не видим. После приведения данных высказываний, буквально на следующей странице, их авторы будут просто обязаны честно признаться в их бесполезности и, поставив точку, прекратить их написание. Такие материалы (источники),

¹³⁶ Кавелин К.Д. Задачи этики. Учение о нравственности, при современных условиях знания. С.-Петербург. 1885. С. 6.

¹³⁷ Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире. Этическая мысль: современные исследования. – URL: <https://fil.wikireading.ru/4567> (дата обращения: 07.02.2024).

отражающие историю незнания и заблуждений, нужны преимущественно историкам науки, а также исследователям, которые не желают повторять ошибки прошлого. Что же касается учеников, то им прежде всего необходимы конкретные знания и лишь затем краткая версия данной истории (к сведению).

Опубликование данной работы должно повлечь весьма существенное переосмысление целесообразности сложившейся к настоящему времени манеры преподавания этики, теории и философии права в той её части, которая касается содержания преподносимого ими образовательного материала.

Эта манера характеризуется использованием неопределённых по смыслу либо основанных на подмене тезиса понятий, которые, к тому же, зачастую являются неверными.

В следствие этого образовательные материалы данных дисциплин оказались сильно перегруженными историей незнания, которая сопровождается излишним философствованием, призванным компенсировать, замаскировать собой отсутствие конкретных ответов на конкретные вопросы. Объём этого философствования теперь придётся пересматривать, оставляя лишь краткую историческую справку и основные высказывания с кратким их философским пояснением.

Утрате актуальности существующего образовательного материала в немалой мере будут способствовать и обучающиеся, которые после ознакомления с настоящей работой научатся по достоинству оценивать предлагаемые им понятия, начнут задавать неудобные вопросы и сопоставлять то, чему их учат, с результатами нашего исследования.

Совокупность данных обстоятельств так либо иначе, но всё равно заставит педагогов переходить на тот минимально необходимый уровень владения материалом, который определяется содержанием данной работы.

Будем рады, если в процессе этого перехода наши базовые наработки будут усовершенствованы, избавлены от возможных недочётов, ошибок и выведены на ещё более глубокий и тонкий уровень понимания нравственного, нравственности и субъективного права. Бог Вам в помощь!

ВЫСКАЗЫВАНИЯ ИЗВЕСТНЫХ УЧЁНЫХ О НАУКЕ И РЕЛИГИИ

В состояниях самого крайнего колебания я никогда не был атеистом в том смысле, чтобы я отрицал существование Бога.

Чарльз Дарвин (1809-1881) – автор теории эволюции.

Первый глоток из сосуда естественных наук делает нас атеистами, но на дне сосуда нас ожидает Бог.

Карл Вернер Гейзенберг (1901-1976) немецкий физик, один из создателей основ квантовой физики, лауреат Нобелевской премии 1932 г.

Куда бы и как далеко мы бы ни стали смотреть, мы не находим противоречий между религией и естественной наукой, напротив, именно в основополагающих пунктах наилучшее сочетание. Религия и естественная наука не исключают друг друга, как это в наши дни некоторые верят или этого боятся, эти две области дополняют друг друга и зависимы друг от друга.

Макс Планк (1858-1947) выдающийся немецкий физик, основатель квантовой теории.

Не бойтесь быть свободомыслящими людьми. Если вы помыслите глубоко, то через науку обретёте веру в Бога.

Уильям Томсон (1824-1907) – физик, основоположник закона термодинамики.

Не бойтесь быть независимыми мыслителями! Если вы мыслите достаточно сильно, то вы неизбежно будете приведены наукой к вере в Бога, которая есть основание религии. Вы увидите, что наука не враг, а помощница религии.

Джозеф Джон Томсон (1856-1940), английский физик, изучал рентгеновские лучи, открыл электрон. Лауреат Нобелевской премии по физике 1906 г.

Чудесное устройство космоса и гармония в нём могут быть объяснены лишь тем, что космос был создан по плану Всеведущего и Всемогущего Существа.

Исаак Ньютон (1643-1727) – английский математик, физик, астроном. Основатель классической теории физики.

Моя религия состоит в чувстве скромного восхищения перед безграничной разумностью, проявляющей себя в мельчайших деталях той картины мира, которую мы способны лишь частично охватить и познать нашим умом. Эта глубокая эмоциональная уверенность в высшей логической стройности устройства вселенной и есть моя идея Бога.

Альберт Эйнштейн (1879-1955 гг.) – автор специальной и общей теории относительности. Лауреат Нобелевской премии по физике 1921 г.

Великое множество современных открытий полностью разрушило старые материалистические представления. Универсум предстает сегодня перед нами как мысль. Но мысль предполагает наличие Мыслителя.

Джон Амброс Флеминг (1849-1945) – британский физик и радиотехник.

Всю жизнь я посвятила изучению самого совершенного органа – человеческого мозга – и пришла к выводу, что существование такого чуда невозможно без Творца.

Академик Наталья Петровна Бехтерева (1924-2008), выдающийся учёный-нейрофизиолог, руководитель Института мозга человека Российской Академии Наук.

Многие учёные верят в Бога. Те, кто говорит, что изучение наук делает человека атеистом, вероятно, какие-то смешные люди.

Макс Борн (1882-1970), немецкий физик, один из создателей квантовой механики.

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование получилось весьма разносторонним (многогранным). Ниже приводятся следующие его основные, наиболее значимые выводы и иные результаты:

1. Следует признать неприемлемыми понятия прав человека и иных субъективных прав, в которых они рассматриваются как права, достояние, мера поведения, ценностный ориентир, социальный феномен, явление, ценность, отражение действительности, вид поведения, удовлетворение потребностей, возможность, правоспособность, способность проявлять «свое правовое я», притязания, а также все иные понятия прав субъекта, которые являются либо неопределёнными по смыслу, либо построенными на подмене тезиса, либо действительности не соответствующими.

Все они являются неприемлемыми по той причине, что правильного исчерпывающего ответа на вопрос о сущности субъективных прав дать не способны.

2. *Субъективное право* – это представление о должном (правильном) с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым субъект права: 1) должен иметь возможность пребывать в определённом состоянии; 2) должен иметь возможность осуществлять поведение, определяемое видом права; 3) должен иметь свободу, определяемую видом права; 4) должен получать от других лиц определяемое видом права содействие своему существованию и обеспечению его качества; 5) не должен подвергаться определяемому видом права принуждению или иному негативному воздействию; 6) должен получать определяемые видом права блага; 7) должен иметь к себе уважительное отношение...и т.д.

В данном понятии под субъектом права (обладателем субъективного права) следует понимать физическое либо юридическое лицо, в отношении которого действует это представление о должном (правильном) с нравственной точки зрения состоянии действительности.

Перечень различных значимых для субъекта права аспектов его социального бытия, упоминаемых в общем понятии субъективного права, пока должен оставаться открытым. В действительности существует значительно большее число их обобщенных разновидностей, нежели это приведено в данном понятии, и составить полный список этих разновидностей – дело будущего. Эта работа предполагает проведение отдельного объёмного исследования.

Полученное понятие субъективного права способно наполнить реальным содержанием любую его конкретную разновидность.

Право человека на жизнь – это представление о должном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым любой человек должен иметь возможность жить до тех пор, пока жизнь его не будет прекращена по естественным причинам или по воле случая, т.е. без вмешательства других людей.

Право собственности – это представление о должном (правильном) с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым возможностью владеть, пользоваться, распоряжаться имуществом должен обладать его собственник.

Право на правомерную оборону – это представление о должном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым любой человек должен иметь возможность без последующего привлечения к ответственности защищать себя, свои ценности, других людей, их ценности путём причинения вреда посягающему.

Право на зарплату, алименты, наследство, компенсацию ущерба, отпуск, пенсию и т.д. – это представление о должном с нравственной точки зрения состоянии социальной действительности, в соответствии с которым субъект права должен получить положенные ему блага.

Право на медицинскую помощь – это представление о правильном с нравственной точки зрения состоянии действительности, в соответствии с которым любой человек, имеющий

травму или функциональное расстройство состояния здоровья должен получить медицинскую помощь.

Право на имя, право на личную неприкосновенность, право не подвергаться принуждению к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них, право не свидетельствовать против себя и своих близких, право на равное с другими отношение, право заключённого на свидание, право..., право..., право...

Полученное представление о сущности прав субъекта демонстрирует способность наполнить правильным пониманием, реальным содержанием понятие любого субъективного права.

3. В более краткой своей интерпретации *субъективное право* – это нравственное правило, выражающее требование к тому, какими возможностями должен обладать субъект права, какое содействие он должен получить от других лиц и т.д.

Право на жизнь – это нравственное правило, в соответствии с которым считается нравственно правильным, что каждый человек должен иметь возможность жить...

Право собственности – это нравственное правило, согласно которому возможностью владеть, пользоваться, распоряжаться имуществом должен обладать собственник имущества. И так далее.

4. Самый лаконичный вариант понятия субъективного права способен охарактеризовать его сущность посредством всего двух ключевых слов. Эти два слова – «нравственная правильность».

Понятие прав субъекта, построенное с их использованием, выглядит следующим образом.

«*Субъективное право* – это нравственная правильность должного состояния значимого для лица аспекта его бытия».

Например, это нравственная правильность того, что каждый человек должен иметь возможность жить...; собственник должен иметь возможность владеть, пользоваться, распоряжаться...; лицу должен быть предоставлен отпуск... и т.д.

Понятие субъективного права как нравственной правильности – это и есть тот изначальный вариант представления о

должном с нравственной точки зрения, который прежде всего возникает в сознании человека.

5. Если идёт речь о субъективном праве, которое нормативно не закреплено, его следует называть **моральным правом субъекта**.

Нормативно закреплённое субъективное право приобретает статус **юридического права субъекта** (права по закону, законного субъективного права). В литературе прежних лет его именуют просто субъективным правом.

Деление субъективных прав на естественные и неестественные является мифом, заблуждением.

И моральное право, которое в законе не закреплено, и юридическое право субъекта, то есть то право, которое законодательно закреплено, в совершенно одинаковой мере являются естественными на том основании, что и те, и другие совершенно одинаково выражают естество (естественную сущность) людей их сформировавших и находящихся при этом в одних и тех же условиях мироздания (мироустройства). И те, и другие права субъекта так же совершенно одинаково порождены естественными обстоятельствами жизни тех лиц, которые являются их авторами (см. § 3.6). С учётом этого **разделение** субъективных прав на естественные и неестественные следует признать не имеющим никакого значения, то есть бесполезным.

6. Установление сущности субъективного права как нравственного правила на основе материалистическо-атеистического мировоззрения бесперспективно. Оно может привести только к такому пониманию «морального» субъективного права, которое по своей сути является далеко не моральным, а меркантильно-эгоцентрическим «правом», неспособным объяснить даже право каждого человека на жизнь и дающим основание для уничтожения ненужных людей, развязывания агрессивных войн и геноцида (см. § 6.2).

Представление о том, что является неверным с точки зрения промысла Божьего, о том, что не соответствует его глубинному смыслу, несмотря на формальное название «субъективное право», никакого права именоваться правом не имеет. «Право»

на грех – вещь невозможная, ибо право есть не что иное как правильность, а правильность неправильности, т.е. греха, – это полнейший абсурд (см. § 7.1).

7. Истинные субъективные права, и моральные, и юридические, должны основываться на нормах христианской морали, главными из которых для юриспруденции являются заповедь любви к ближнему и вытекающее из неё «золотое» правило отношения к другим, которое выделено в отдельную заповедь: поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой.

Объясняется это тем, что только заповеди Бога объективно являются наилучшим образцом должного, следование которому способно обеспечить максимально возможное благоденствие и развитие каждого и всех, процветание всего рода людского (см. §§ 7.1, 8.1, 8.3).

Они, эти заповеди, действительно являются наилучшим образцом должного, причём, вне зависимости от того, существует Бог или нет, и вне зависимости от самого факта постановки вопроса о Его существовании.

Данные нормы христианской морали давно уже воспринимаются не как собственно религиозные, а в качестве общечеловеческих нравственных ценностей (см. § 7.2).

Надеемся, что однажды представители философии права и теории права станут открыто говорить о том, что *сформированное современным массовым сознанием субъективное право* – это основанное на Божественных заповедях правило, которое определяет, какими возможностями должен обладать субъект права, какое содействие, отношение он должен получить и т.д.

Когда это произойдёт в российской доктрине теории и философии права нам не известно. Но на уровне международного права и базового национального законодательства многих государств всё это фактически уже состоялось. Подтверждением этому является факт наличия множества биллей, пактов, хартий, деклараций, конвенций и национальных конституций, в том числе и Конституции нашей страны, а также большого числа иных законов и нормативно-правовых актов, которые основываются на нормах христианской морали.

8. Неотъемлемой частью работы явилось решение вопроса о наиболее целесообразном понимании нравственного и нравственности, что обусловлено тесной взаимосвязью, существующей между моральным субъективным правом и нравственным как представлением о должном.

Нравственное – это представление о должном, которое предъявляет требования к тому, какими имеющими значение для других качествами должен обладать человек, как он должен относиться к другим, и каким образом люди должны взаимодействовать в их социальной жизни для достижения благородной цели благоденствия всех и каждого, процветания всего рода людского.

*Нравственность*¹³⁸ – это качественный признак личности человека, его поступков, поведения, деятельности либо какого-то иного аспекта социальной жизни, означающий их соответствие нравственному как представлению о том, какими они должны быть для обеспечения благоденствия всех и каждого, всего рода людского (см. § 8.2).

Получение данного (достаточно конкретного) понимания нравственного и нравственности стало возможным благодаря постановке вопроса о предназначении этики и сформированного массовым сознанием представления о должном.

9. Моральное право субъекта как нравственное правило является одной из разновидностей нравственного как представления о должном.

Именно поэтому любое исследование, посвящённое установлению сущности субъективного права, неразрывно связано с решением вопроса о содержании нравственного (см. § 8.2).

10. Использование словосочетания «права и свободы», в котором они упоминаются в качестве однородных категорий, является неверным, неприемлемым (см. § 3.7).

¹³⁸ Слово «нравственность» по своей морфологии сконструировано таким же образом, как и слова «честность», «порядочность», «неподкупность» и т.д., т.е. является признаком (отличительной чертой, свойством, качеством) (*прим. авт.*).

11. Субъективные права как нравственные правила (теоретические модели должного) причинению вреда при совершении правонарушений подвергаться не могут. После совершения этих деяний они по-прежнему продолжают существовать и сохранять своё действие в отношении их обладателей.

Данный факт указывает на бесполезность нормативного закрепления задач по защите, в частности, прав человека. Под защиту закона необходимо ставить самого человека и условия его достойной жизни (возможности реализации его стремлений), а не его права (см. § 3.7).

12. В настоящее время в теории и философии права, теории конституционного права, в международно-правовых документах и национальном законодательстве права человека, наряду с самим человеком, отнесены к разряду высших ценностей.

На самом деле это неверно. Из всех земных ценностей для человека наиболее важны он сам, а также возможности реализации присущих его природе стремлений.

Права человека как нравственные правила также для нас очень важны, но в такой же мере, как и иные правила нашей жизни (правила безопасности дорожного движения, полётов, пожарной безопасности и мн. др.).

Все эти правила являются очень ценными, но в качестве всего лишь средства обеспечения возможностей реализации стремлений людей и удовлетворения возникающих при этом потребностей. Однако этой их служебной роли для отнесения к высшим ценностям ещё недостаточно.

К тому же, если относить к высшим ценностям всё, что имеет значение для человека, то от понятия высшей ценности придётся отказаться, и в дальнейшем необходимо будет вести речь обо всех ценностях в целом без проведения между ними разграничения на высшие и остальные.

Данные обстоятельства указывают на необходимость реформирования всех нормативно-правовых актов таким образом, чтобы высшей ценностью в них, наряду с самим человеком, признавались только условия его достойного существования и развития (см. § 3.8), а не правила их обеспечения.

ИСТИННЫЕ ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первая истинная цель настоящего исследования.

Одной из многих интереснейших тем, которые находятся у автора в разработке как специалиста по уголовному праву, является многовековая **проблема установления сущности объекта** уголовно-правовой охраны (объекта преступления).

В решении этой проблемы до настоящего времени **оставался** лишь один незавершённый момент в виде выяснения вопроса о том, можно ли относить к числу объектов преступления права человека и иные субъективные права.

Цель завершения данного исследования и послужила одной из причин настоящей работы, в которой мы ставили задачу установления сущности **прав субъекта** в качестве средства решения вопроса о возможности **их** отнесения к объекту преступления.

Результаты решения этой задачи оказались следующими. Установление сущности субъективного права как теоретической модели должного (см. §§ 2.2, 6.1,7.1) показало, что преступление никакого вреда правам человека и иным субъективным правам причинить не может (см. § 3.7). Данный вывод позволил исключить субъективные права из перечня объектов уголовно-правовой охраны (см. § 3.7) и поставить точку в принципиальном решении **этой проблемы**: объект преступления – это всегда только возможности человека, людей.

Вторая истинная цель настоящей работы.

Ещё одна интереснейшая тема уголовного права, которая наряду с другими находится у нас в разработке, касается того, что действующее уголовное законодательство фактически построено на принципах возмездия, а это создаёт немало проблем в его применении и существенно снижает его эффективность.

Даже частичное рассмотрение этих проблем потребовало написания монографии. Однако для принципиального решения данного вопроса её оказалось недостаточно. Для этого необходимо абсолютно чёткое, конкретное понимание нравственного и нравственности, а этика его предоставить не может.

Что же делать?

Более глубоко, чем это требуется для уровня обыденного сознания, исследовать сущность субъективного права как нравственного правила. И этот путь обеспечил искомое. Данное исследование позволило решить проблему установления не только сущности морального права субъекта, но также выбора наилучшего понимания нравственного и нравственности (см. § 8.2). Всё это стало возможным благодаря тому, что истинное субъективное право как моральное правило является одним из проявлений нравственного, и мы, исследуя нравственные аспекты субъективного права, получили понимание самого нравственного как такового в его самости.

Таким образом, вторая истинная цель данной работы состояла в том, чтобы решить вопрос о содержании нравственного, нравственности и тем самым создать прочную основу для дальнейшего проведения исследования, которое посвящено обоснованию целесообразности отказа от возмездия в уголовном праве, что даже по предварительным предположениям должно очень существенно повысить эффективность применения уголовного закона.

Говоря о перспективах отказа от возмездия, представляется необходимым предвосхитить и сразу же остудить гипотетический пыл некоторых либералов, которые могут воспринять данный отказ как гуманизацию уголовного права в смысле послабления применяемых его норм. Смеем заверить вас всех, и в том числе либералов, что конструирование норм уголовного права на основе принципа любви к ближнему, как это ни может показаться парадоксальным, повлечёт намного более строгие меры уголовно-правового реагирования, нежели те, которые применяются к преступникам в настоящее время.

Третья истинная цель исследования.

В последние годы приобретают всё большее распространение процессы деструктивного идеологического воздействия, которые подрывают нравственные основы существования, выживания человечества. Наиболее опасными из них являются подмена общепринятой системы нравственных ценностей и

провозглашение, нормативное закрепление так называемого «права» на грех, которое никакого права даже именоваться правом не имеет.

Наличие данного обстоятельства обусловило постановку третьей истинной цели исследования. Она имеет комплексный характер: самим разобраться с тем, что представляют собой права человека, иные права субъекта, нравственное и нравственность; поделиться полученным их пониманием с народами нашей страны и человечеством и, тем самым, внести посильный вклад в борьбу против безнравственного.

Эта третья истинная цель является более глубокой и значимой, нежели та, которая представлена во введении к данной работе и носит исключительно гносеологический характер в виде стремления устранить неоднозначное понимание сущности субъективного права.

P.S.

Истинные цели исследования приведены здесь для того, чтобы ответить на вопросы многих знакомых нам уважаемых специалистов по уголовному праву и пояснить, что с любимой наукой уголовного права мы расставаться не планируем, а эта работа на две трети является средством решения задач проводимых уголовно-правовых изысканий. В одном из них она заняла место окончательного, а в другом – промежуточного этапа исследования.

Содержание третьей цели работы также не даёт оснований полагать, что мы оставляем сферу доктрины уголовного права. Она всего лишь характеризует автора данной работы как человека, который является безразличным к судьбе народов нашей страны и человечества.

Если свести воедино все истинные цели данной работы, которые являются изначальными, и цели-задачи, являющиеся средствами их достижения, то станет очевидным, что фактическое значение результатов настоящего исследования не ограничивается решением проблемы неоднозначного понимания сущности субъективного права и является намного более широким и многогранным.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

*Научное слово – достойное обращение
к разуму, сердцу и в целом к душе.
Литературное слово тоже искусно.
Пусть каждый найдёт в нём,
избегая клише, лишь только то,
что ему одному и созвучно, и нужно.*
И.П. Семченков

ЛЮДИ И БОГИ фантастический рассказ

* * *

– Сделайте звук эффективней! Включайте!

На экране появилась фигура ведущего:

– Уважаемые зрители, добрый вечер! В эфире новости местного телевидения! В нашем районе настал сезон сбора клюквы, и мы обсуждаем вопрос об НЛО на болотах! В студии очевидцы – передовики производства Митюшкин Владимир Ильич и Гордеева Нина Петровна. Владимир Ильич, это правда, что Вы видели взлёт НЛО? Какие, по-Вашему, имеются риски?

– Своими глазами всё видел! Большой такой диск, серебристого цвета! Насчёт угрозы... не знаю... разве корову какую возьмут на разборку... а так, чтоб людей похищали, то вряд ли.

– Нашли кому верить! – вмешалась Нина Петровна, – ведь он балабол! Сам вместе с Витькой Смирновым датчик Глонасса с соседской коровы к вертолёту приладил, да он отвалился в полёте и в болоте утонул! И шутка не вышла, и корову теперь не найти! Хозяйка в инфаркте! Вот он и хочет всё на «блондинов» спихнуть! На самом-то деле не диск это был, а кирпич округлённый, размером с бочонок, обычный разведчик! Такой и овцу не утянет! Мы с Манькой его тоже видали! Ей Богу, не вру! На дроне артели даже видео есть!

Экран визиона погас. Василий Бодров, – командир звездолёта, – был в гневе:

– Ну и кто виноват в этом шоу?! Как вы могли «засветиться»?! Кому надоели погоны звёздной элиты?! Кого в пустоту без скафандра три раза?! Трибунал разберётся!

– Но мы же говорили о русских. Они перспективны...

– Забыли о запрете сената?! Когда вы научитесь мыслить в масштабах планеты?! По морсу соскучились?! Кваску захотелось?! Всему экипажу неделю «Тревоги»!!! ...И морс никому не давать!!! – затем, обращаясь к помощнику, – Не думал, что всё так критично... Его что, действительно мало осталось? Жду интенданта с докладом!

Мысли командира вернулись в привычное русло. Исследование планеты было завершено полгода назад. Но оставалась ещё одна причина пребывания звездолёта в этой системе. Это секретная миссия, о которой знали только два человека: он сам и старший офицер по контактам. Оба к ней были готовы, но без команды приступать к её выполнению было нельзя.

Неделя «Тревоги» пройдёт очень быстро. Необходимо чем-то ещё занять экипаж...

Почему не выходит на связь Боголюбский? Почему не даёт секретный сигнал о запуске миссии?

* * *

Глава правительства Звёздной Федерации Белозар Боголюбский подошёл к огромному окну своего кабинета. Столичный космополис завораживал высокотехнологичной и в то же время искусной архитектурой, вобравшей в себя наилучшие образцы градостроительства всех известных галактик. В небе сновали юркие флаеры, яхты, над ними степенно шли корабли. Повсюду искрились мириады разноцветных огней. Во всём чувствовались красота и мощь главного города тысячи звёздных миров. Но сегодня его этот вид не радовал.

Сначала всё складывалось очень удачно. Новая звёздная система, имеющая редкие компоненты для топлива космофлота, согласилась войти в состав федерации и была готова начать их поставки. Однако её удаленность потребовала установки гиперворт недалеко от планеты Земля, жители которой

по уровню своей цивилизованности оказались не готовы быть принятыми в звёздный альянс. Для этого им не хватало истинного понимания субъективного права, на котором построены отношения между членами федерации.

Это понимание можно было бы внедрить в их культуру и тайно, но шпионы сенатской комиссии, обложившие Белозара со всех сторон, строго следили за соблюдением закона о невмешательстве в развитие молодых планет. В прошлый раз после такого маневра он с великим трудом сохранил свою должность.

Снова оказаться на грани? Нет уж, увольте! И что прикажете делать? Неужели тупик?

Сознание, повинуюсь едва уловимому зову души, само установило канал мыслесвязи с настоятелем Храма Троичного Бога. Священник как всегда был почителен:

– Здравствуйте, господин Премьер-министр! Рад снова слышать Вас, Ваше Сиятельство!

– Помолитесь, пожалуйста, Создателю за землян, чтобы дал им понятие субъективного права. Надо помочь ... мм ... этим людям!

Боголюбский облегченно вздохнул, ...тяжесть в груди отступила.

Рука привычно осенила владельца троекратным крестом, а взгляд Святого Николауса Чудотворца, чей образ висел на стене кабинета, как будто бы стал немного теплее.... Или так показалось?

За окном полыхнул многоцветный салют. Ну надо же, как прекрасен наш мир!

– Передайте Бодрову, пусть везёт сюда клюкву! Больше на этой планете ничего делать не надо, – и так там надолго застряли!

* * *

Ратимир Третьяков, шеф бюро прослушивания мыслесвязи, входившего в состав сенатской комиссии по соблюдению законодательства, устало прикрыл глаза своею рукой. Слишком много всего навалилось на него за последние дни.

Больше всего его беспокоила дочь, а, точнее, здоровье ребёнка. Болезнь пришла неизвестно откуда. Как ни старались лучшие эскулапы галактики, причины её появления, диагноз, лечение так и остались загадкой, а ребёнок, любимый долгожданный ребёнок, продолжал угасать...

Жена ухватилась за последнюю нить надежды и отвезла её в монастырь Звёздных Сестёр. Но Ратимир не очень-то верил в чудесное исцеление. Триста лет службы на кораблях космического флота приучили его надеяться лишь на себя и свой экипаж, и, как показал опыт звёздных баталий, трезвый расчёт и везение были лучше молитвы.

Лечение дочери оказалось сверхдорогим. Только поэтому он согласился шпионить за Боголюбским по просьбе Звёздной системы Мундаки, которая готовила обходной путь поставок мимо Земли, но не торопилась тратить деньги на продвижение этой идеи в сенате. В начале они хотели убедиться в том, что Белозар не сможет включить Землю в состав федерации.

Звонок Боголюбского в храм Троичного Бога и приказ о возвращении звездолёта указывали на то, что никаких иных действий он предпринимать не намерен. Что же, аванс мундаков отработан... Внезапно включился канал мыслесвязи: «Папочка! Дорогой!», – прервал его мысли жизнерадостный голос, – «У меня всё в порядке! Как ты?»

...пол под ногами ветерана качнулся...

Избежать разговора с «заказчиком» было нельзя:

– Каковы, господин Третьяков, перспективы по нашему делу? – спросили мундаки.

– Если быть честным, ... не очень.

– Уверены?

– Точней не бывает. Земляне будут в альянсе!

* * *

Ратимир Третьяков с Боголюбским в негромкой беседе неспешно спускались по лестнице храма. Праздничная служба по случаю стотысячной годовщины со Дня Рождения Святого

Преподобного Верослава, собравшая весь властный бомонд галактики, завершилась. Так что, поговорить было о чём.

Внизу их ожидала дочь Ратимира:

– Ну что, «заговорщики», как там Земля? Очень хочу туда на экскурсию! Начальных миров не так много осталось! Говорят, что там есть брюнеты!

Отец, немного помедлив:

– Понятие субъективного права Свыше им дали. Но ключевые фигуры не вняли ему. По-прежнему войны и смерть. Власть не в каждой стране, что нужна. Народ не плодится. Объявлено «право» на грех Содогамо!!! Сенат отложил рассмотрение этой планеты, теперь они сами должны постараться.

Лицо Боголюбского также нахмурило брови:

– Поставки транзитом через систему Мундаки на счастье одним мундакам!

– И сколько им времени нужно, чтобы самим разобраться?
– никак не могла успокоиться дочь.

– Кто знает, – отец обернулся на храм, – Тот не скажет.

– Но как же так, папа? Ведь если они не успеют, придёт Величайший и очистит планету! Такое не раз уж бывало! Они что, об этом не знают?

– Главари не боятся, им ад слаще рая... пока что. Они лукавому служат, не вкусив тех страданий, что им уготованы вместо награды хозяином ада...

– Печально... Земляне! Любите друг друга и Бога!

Мы больше ничем вам не сможем помочь...

* * *

Валера заказывал пятый стакан зелёного чая. Ничего не поделаешь, зато в этом кафе самый быстрый бесплатный «Inet» для клиентов. На входе появились Милана с Сергеем.

– Занимаешься дипломной работой? – поинтересовался Сергей, посмотрев на экран ноутбука, – Читаешь работу полковника? Тебе что, нормальных источников не хватает?

– Ну и как тебе книга? – с потаённой надеждой, одарив ясным взором, спросила Валеру Милана, – я тоже её изучаю...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Семченков Игорь Павлович, кандидат юридических наук, полковник полиции в отставке. Калининград.

Родился 8 января 1966 года в городе Каменске-Шахтинском Ростовской области, СССР.

1983–1987 гг. – обучение в высшем военном командном училище связи Министерства обороны СССР.

1987–1991 гг. – командир взвода-преподаватель в учебной бригаде ПВО МО СССР – уволен по сокращению штатов.

1991–1996 гг. – работа в практических подразделениях органов внутренних дел МВД России, последние три года – в должности старшего оперуполномоченного.

1996–2024 гг. – научно-педагогическая деятельность в Калининградском юридическом институте МВД России, который в 2011 году был реорганизован в филиал Санкт-Петербургского университета МВД РФ, с 2009 по 2024 гг. – доцент кафедры.

С 2025 г. – Калининградский областной филиал ФГУП «Охрана» ФС войск национальной гвардии России, начальник группы.

Юридическое образование получил заочно в 1997 году. Кандидатскую диссертацию защитил в 2003 году.

Количество основных трудов: монографий – 7; курс лекций – 1; научных статей – 50; учебных пособий – 4.

Примечание. При желании пополнить библиотеку(и) данной книгой, мы готовы оказать содействие в её опубликовании по цене издательства без включения в эту стоимость авторского гонорара. Если идёт речь об электронных библиотеках, то на этот случай примите наше разрешение на размещение в них этой работы без дополнительного согласования с нами.

С уважением, Семченков И.П.

Контакты: E-mail: semchenkovmail@yandex.ru.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА
Игорь Павлович СЕМЧЕНКОВ

**СУЩНОСТЬ
СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА**
Авторское исследование

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
(с дополнениями и изменениями)

Подписано в печать 27.01.2025 г. Формат 60x84 1/16
Гарнитура PT Astra Serif. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11.
Тираж 50 экз. Заказ № 532-25

Издательство ООО «РА Полиграфычъ»,
г. Калининград, ул. Новинская, 4-1.
Тел. 8-911-450-70-51. E-mail: te@kanet.ru

Отпечатано в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Тел. 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru

ISBN 978-5-6052942-9-0